

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ**

Пермь 2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

МОНОГРАФИЯ

Пермь 2023

УДК 316.32

ББК 60.52

Ч–392

Человеческий потенциал в современном обществе: состояние, перспективы развития [Электронный ресурс] : монография / под общ. ред. А.Е. Кузнецова, С.С. Гордеевой ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2023. – 3,5 Мб ; 181 с. – URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/CHelovecheskij-potencial-v-sovremennom-obshchestve-sostoyanie-perspektivy-razvitiya.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4054-6

Монография посвящена широкому кругу проблем, обуславливающих развитие человеческого потенциала нашей страны, – демографии России, влиянию пандемии на здоровьесберегающие практики населения, формированию культурного капитала и духовной идентичности молодежи, профессиональному развитию, урбанистике, доверию и сотрудничеству в производственной сфере.

Монография адресована широкому кругу исследователей, интересующихся самыми разными темами. Работа охватывает наиболее значимые контексты развития человеческого потенциала – это состояние здоровья, семья, образовательная система, место жительства и место работы. Может быть полезна студентам и преподавателям, специализирующимся в области социологии, демографии, социальной гигиены, организации здравоохранения, менеджмента.

Издается по решению кафедры социологии

Пермского государственного национального исследовательского университета

Рецензенты: зав. кафедрой культурологии и философии Пермского государственного института культуры, д-р ист. наук, профессор **О.Л. Лейбович**;

зав. кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, канд. социол. наук, доцент **Е.В. Андрианова**

ISBN 978-5-7944-4054-6

© ПГНИУ, 2023

© Коллектив авторов, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	7
<i>Хачатрян Л.А.</i> Динамика рождаемости и смертности в современной России	7
<i>Гордеева С.С.</i> Социально детерминированная заболеваемость и смертность в современной России	16
<i>Лебедева-Несевря Н.А.</i> Сбережение здоровья россиян как стратегическая задача государственной политики	24
ГЛАВА 2. ЗДОРОВЬЕСОХРАННЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЯН В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19	33
<i>Барг А.О.</i> Новые практики заботы о здоровье в период пандемии COVID-19: анализ публичных дневников	33
<i>Сомхишвили К.О.</i> Влияние пандемии на двигательную активность и медицинские практики россиян	43
<i>Сирковская Т.В.</i> Практики потребления алкоголя и табака россиянами в период пандемии COVID-19	50
ГЛАВА 3. МОЛОДЕЖЬ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	62
<i>Соловьев С.С.</i> Влияние института образования на формирование культурного капитала молодежи	62
<i>Безруков А.В.</i> Применение концепции самоопределения к проблематизации процессов адаптации молодежи	70
<i>Волегов В.С.</i> Сопровождение профессионального самоопределения обучающихся в условиях системы образования Пермского края	79
<i>Сироткин П.Ф.</i> Самоопределение молодежи в образовательном пространстве (религиозный аспект)	87
ГЛАВА 4. ИЗМЕНЕНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА, АРХИТЕКТУРНЫХ КОМПЛЕКСОВ И КУЛЬТУРНЫХ ИНДУСТРИЙ В КОНТЕКСТЕ АКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ (<i>Воронова К.А., Гимранова Г.А., Кетов И.В., Прокофьева А.В.</i>)	94
Изменение городского пространства в предметном фокусе социологической урбанистики	94
Сад Соловьев: взаимодействие различных субъектов процесса городского планирования и благоустройства при создании и проектировании городских парков на примере Сада Соловьев в долине малой реки Уинка	103

Спасо-Преображенский собор: Взаимодействие религиозных и креативных сообществ в процессе изменения архитектурного пространства в ходе секуляризации и реституции церковного имущества	112
Завод Шпагина: взаимодействие органов власти, бизнеса, творческих индустрий и научного сообщества в ходе реконструкции Завода Шпагина в мультифункциональный культурный кластер	119
ГЛАВА 5. СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ, ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДОВЕРИЕ НА ПРОИЗВОДСТВЕ	130
<i>Шляпина А.С.</i> Современное состояние социального партнерства на предприятиях Пермского края и механизмы управления им	130
<i>Плотникова Е.Б., Кузнецов А.Е.</i> Динамика социального диалога на промышленных предприятиях и в бюджетных организациях в перспективе двух десятилетий (Опыт применения и совершенствования инструмента мониторингового обследования 2004–2022 гг.)	138
<i>Маркова Ю.С.</i> Культура доверия в системе трудовых отношений (Опыт эмпирического исследования в организациях Прикамья)	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	162
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	180

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей монографии представлены результаты исследований группы социологов Пермского государственного национального исследовательского университета в контексте проблемы развития человеческого потенциала в современной России. Выступая одновременно и целью и средством общественного прогресса, человеческий потенциал долгие годы является предметом социологического дискурса. Данный феномен, с одной стороны, позволяет людям достигать поставленных целей, повышать качество своей жизни, чувствовать свою защищенность, с другой – рассматривается как ключевой фактор трансформационной экономики и социальной стабильности общества. Исследование человеческого потенциала посредством методов социологического анализа дает возможность выявить его проблемные области, определить акценты дополнительных усилий и внимания, а также роль социальных факторов в развитии этого потенциала. Результаты проведенного социологического исследования показывают необходимость в изменениях определенных общественных отношений в целях создания равных возможностей в индивидуальном развитии граждан и снижения социальной напряженности.

Монография включает введение, пять глав, заключение, список литературы.

В первой главе «Демографические процессы и состояние здоровья населения России» раскрываются демографическая составляющая человеческого потенциала, характеристика состояния общественного здоровья и пути его укрепления инструментами государственной политики. Проведенный анализ обширного статистического материала позволил авторам выявить и проанализировать негативные тенденции воспроизводства российского населения. Высокие показатели заболеваемости и смертности граждан РФ в условиях их низкой активности в организации здорового образа жизни указывают на необходимость переориентации государственных институтов России на цели здоровьесбережения.

Вторая глава «Здоровьесохранные практики россиян в период пандемии COVID-19» посвящена описанию современного опыта в сохранении своего здоровья в период пандемии, а также факторов, обусловивших эту трансформацию. Анализ текстов публичных дневников самоизоляции, ковид-дневников, а также количественная характеристика данных в материалах «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» показали изменения повседневных практик здоровьесбережения россиян в ковидный период. Сформулирован важный вывод о том, что недостаточная и непоследовательная медицинская активность населения, распространение практик

потребления алкоголя и табака, особенно в период кризисов (включая пандемию), существенно увеличивает риск снижения человеческого потенциала.

В третьей главе «Молодежь в системе современного образования» рассмотрены аспекты культурного капитала молодого поколения, в том числе на региональном уровне. Отмечается, что институт образования предоставляет студенческой молодежи возможность участия в различных культурных программах и формах внеучебной деятельности, что способствует развитию социальных навыков, критического мышления, а также формированию культурного капитала. В монографии поднимается проблема профессионального самоопределения молодежи, испытывающей затруднения не только в выборе вида трудовой деятельности, но и жизненного пути, индивидуальных ценностей и убеждений. Раскрываются доступные региональные возможности в развитии духовно-нравственных качеств населения (на примере Пермского края), отмечается положительное влияние религиозной составляющей человеческого потенциала на социальную и культурную интеграцию жителей региона.

Авторы четвертой главы «Изменение городского пространства, архитектурных комплексов и культурных индустрий в контексте активности различных городских сообществ» фокусируют свое внимание на актуальных социальных процессах городских территорий, которые невозможно представить без активного взаимодействия различных городских сообществ, включая представителей власти, общественных активистов, культурной интеллигенции. Обращается внимание на то, что современные городские пространства, сложные по своему внутреннему устройству и социальным практикам, играют значительную роль в развитии экономики и культуры города. Предоставляя доступ к образованию, культуре, профессиональному росту, городская среда является площадкой для устойчивого развития человеческого потенциала, а также благоприятной предпосылкой в кооперации разнонаправленных интересов социальных групп и в реализации принципов социальной справедливости.

Глава пятая «Социальный диалог, трудовые отношения и доверие на производстве» посвящена обзору и анализу результатов эмпирических исследований взаимодействия работников и руководства промышленных предприятий и бюджетных организаций Пермского края. Такое взаимодействие организовано в институциональных рамках социального партнерства (ведение коллективных переговоров, заключение и исполнение коллективных договоров, участие работников в управлении предприятиями и учреждениями через профсоюзную организацию) и в сложной динамике организационного доверия, вертикального и горизонтального.

В разделе «Заключение» рассматриваются перспективные направления дальнейшей тематики исследований, которые легли в основу данной монографии.

ГЛАВА 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Л.А. Хачатрян

ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Весной 2023 г. Организация объединенных наций (ООН) опубликовала очередной Доклад о народонаселении, в котором указала на высокие темпы изменения глобальной демографической ситуации. Согласно данным Доклада, большинство людей сегодня живут в странах с низкой рождаемостью – на уровне «порога простого воспроизводства»; рождаемость в мире снизилась с 5 рождений на одну женщину в 1950 г. до 2,3 рождений в 2021 г.¹

На протяжении последних десятилетий ожидаемая продолжительность жизни в мире увеличивалась, однако, в 2020–2021 гг., согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), глобальная избыточная смертность от COVID-19 составила 14,9 млн. чел., что негативно сказалось на показателях ожидаемой продолжительности жизни².

Население России сокращается с 2018 г. (на 1 января 2018 г. численность постоянного населения Российской Федерации (РФ) составляла 146 880 тыс. чел., а на 1 января 2023 г. – 146 447 тыс. чел.)³. В 2009–2017 гг. в нашей стране наблюдался умеренный рост численности населения, которому предшествовали 14 лет непрерывной убыли⁴.

Сегодня демографы фиксируют сокращение числа родившихся и увеличение числа умерших в нашей стране, что приводит к отрицательному естественному приросту населения и свидетельствует о наличии проблем в процессе воспроизводства населения (табл. 1).

© Хачатрян Л.А., 2023

¹ Доклад ООН о народонаселении. В ООН призвали отказаться от политики «коррекции численности населения» [Электронный документ] // Официальный сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/tags/doklad-oon-o-narodonaselenii>

² В 2020 и 2021 г. с пандемией COVID-19 были связаны 14,9 миллиона избыточных летальных исходов [Электронный документ] // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/05-05-2022-14.9-million-excess-deaths-were-associated-with-the-covid-19-pandemic-in-2020-and-2021>

³ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

⁴ Щербакова Е.М. Предварительные демографические итоги 2022 года в России (часть I) / Е.М. Щербакова // Демоскоп Weekly. 2023. № 979-980. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0979/barom01.php>

Показатели естественного движения населения Российской Федерации

Годы	Численность населения на 1.01 млн.	Всего человек			На 1 тыс. чел. населения		
		Родившихся	Умерших	Естественный прирост	Родившихся	Умерших	Естественный прирост
2010	142,9	1788948	2028516	-239 568	12,5	14,2	-1,7
2020	146,7	1436514	2138586	-702072	9,8	14,6	-4,8
2021	146,2	1398253	2441594	-1043341	9,6	16,7	-7,1
2022	145,6	1304087	1898644	-594557	8,9	12,9	-4,0

Источники: Российский статистический ежегодник. 2022. С.90,101; Естественное движение населения Российской Федерации за 2022 год (Статистический бюллетень) Москва 2023 г. Табл. 1, 2 <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/197667>

Статистические данные в табл. 1 отражают динамику рождений и смертей, а также обозначают два процесса – рождаемость и смертность.

В демографии *рождаемость* определяется как «процесс деторождения в некоторой совокупности людей, составляющих поколение или группу поколений (население), имеющий определенную интенсивность...»¹. По содержанию это «сложный социально-демографический феномен, имеющий биологическую природу и социально-экономическую детерминацию»².

Биологическая природа проявляется в способности женщины к воспроизведению потомства: оплодотворению, зачатию и вынашиванию плода, реализация которого возможна в репродуктивном возрасте, ограничиваемом возрастным интервалом от 15 до 49 лет. В настоящее время в репродуктивный возраст входит малочисленное поколение родившихся в 1990-х гг., что и объясняет сокращение численности россиянок данного возраста с 37690,1 тыс. в 2010 г. до 33967,6 тыс. чел. в 2022 г.³

Одновременно с сокращением численности женщин репродуктивного возраста обостряется проблема infertility, то есть отсутствие рождения детей в течение трех лет супружеских отношений. Причина кроется в нарастающем бесплодии обоих супругов. Источником женского бесплодия признана распространенная в России практика искусственного прерывания беременности. Так, в 2010 г. прервали беременность 1186,1 тыс. женщин, в 2020 г. в 2 раза меньше, но из них 43 тыс. аборт сделали первобеременные⁴. Вторая не менее важная причина – откладывание рождения ребенка на более поздний срок, до времени начала угасания репродуктивной функции. В современной России биологическая природа рождаемости дополняется социальными факторами, что

¹ Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. С. 258.

² Там же.

³ Семья и дети в России. 2021: – М.: «Перо», 2022. С.27.

⁴ Демографический ежегодник России. 2021: Стат.сб. / Росстат. – М., 2021. С. 71.

приводит в итоге к сокращению абсолютного числа новорожденных. Число родившихся с за 10 лет сократилось на 352434 младенца, а за 2 последующих года – еще на 132427 детей (табл. 1).

В 2021 г. родилось младенцев больше, чем в 2020 г. всего в трех субъектах РФ: в г. Москва (+ 4219), в Республиках Ингушетия (+ 154) и Адыгея (+ 150). В остальных субъектах показатели отрицательные, но больше всех не досчитались новорожденных в Московской области (-5801 ребенок), Дагестане -3445¹ и др. Естественный прирост населения отмечен в 9 субъектах страны.

Снижение рождаемости сопровождается снижением суммарного коэффициента рождаемости, т. е. числа детей, рожденных одной женщиной за весь репродуктивный период. Если в 2010 г. на женщину приходилось 1,567 ребенка, то в 2020 и 2021 гг. – по 1,505. В 2021 г. показатели суммарного коэффициента выше общероссийского наблюдались в 32 регионах страны, в т. ч. максимальные – в республиках Тыва (2,942), Чеченской Республике (2,503) и Республике Алтай (2,080). В 56 субъектах показатели оказались ниже общероссийских, самые низкие – в областях Тульской (1,224), Орловской (1,221), Смоленской (1,130), Ленинградской (1,040) и в Республике Мордовия (1,108)².

Общепризнанным количественным показателем рождаемости является число детей в семье. На долю 1–2-детных семей приходится 89,1% от общего числа детных семей. При сокращении общего количества семей на 5,2 млн., благодаря мерам по стимулированию рождаемости, возросла доля супружеских пар с детьми с 42,1% в 2010 г. до 56,5% в 2020 г.³ Одновременно произошло незначительное увеличение доли бездетных семей с 30,5% до 31,0% от общего числа семей. В федеральных округах доля бездетных супружеских пар составляет: в Северо-Кавказском 23,5%, в Северо-Западном – 28,9%, что ниже общероссийского показателя. Выше показатели в федеральных округах – Южном – 32,8%, и Сибирском – 33,7%⁴.

В настоящее время более активное репродуктивное поведение перемещается в когорту женщин в возрасте 25–39 лет, которым принадлежит 75,6% рождений детей, и первенца женщина рождает ближе к 30 годам⁵, и тем самым уменьшает вероятность появления у нее второго и особенно третьего ребенка. По мнению западных исследователей, именно этот фактор является ведущим при анализе необычайно низкого уровня рождаемости.

¹ Естественное движение населения Российской Федерации за 2021 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_2021.xlsx

² Российский статистический ежегодник. 2022: Стат.сб. / Росстат. – М., 2022. С. 91-92

³ Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Т.8. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv

⁴ Там же.

⁵ Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Т.2 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake

Отрадно, что в 2021 г. политика стимулирования рождаемости привела к изменению состава новорожденных: первых и вторых детей оказалось 71,3%, третьих 18,8%, четвертых 6,1%, пятых и более 3,4%. Но имеется и отрицательный момент – снижается доля перворожденных¹.

Демографический процесс рождаемости реализуется под воздействием на него половозрастной и брачной структур населения, но в современном российском обществе они подвергаются деформации.

В стране и регионах наблюдается демографическое постарение населения, что проявляется в повышении среднего возраста россиян, который сегодня составляет 40,48 лет, а средний возраст женщин еще выше – 42,86 лет. В 34 субъектах Российской Федерации средний возраст населения равен российскому показателю. Самый высокий показатель среднего возраста мужчин в г. Москва – 40,81 лет, самые молодые мужчины в республиках – Чеченской (28,42 лет) и в Тыве (28,29 лет). Самый высокий показатель возраста женщин зафиксирован в Тамбовской области – 46,69 лет, в более молодом возрасте находятся женщины республик – Чеченской – 30,27 лет и Тыва – 31,91 лет².

Деформация проявляется и в соотношении в населении долей групп россиян моложе трудоспособного возраста, в трудоспособном и старше трудоспособного возраста. За 10 лет доля тех, кто младше, возросла с 15,8% до 18,7%, доля трудоспособных сократилась с 60,0% до 57,2%, и доля россиян старше трудоспособного возраста увеличилась с 21,7% до 25,3%³. Население признается старым, если лица старше 65 и более лет составляют 7% от численности всего населения. В России на 1 января 2022 г. на долю этой группы приходилось 16,0%⁴. Самая высокая доля данной категории населения в Тамбовской и Тульской областях – по 20,1%, моложе население в 9 субъектах РФ и совсем молодое – в Республиках Чеченская 5,4% и Тыва 5,8%, в Ямало-Ненецком АО 5,1%⁵.

Соотношение мужчин и женщин в 2020 г. и 2021 г. составило 46,4% к 53,6% соответственно⁶. Постепенно изменяется число женщин на 1 тыс. мужчин: в РФ в 2020 г. – 1151 женщина⁷. В 45 субъектах РФ показатели выше общероссийского: в т. ч. самый высокий показатель в Ярославской области – 1221 женщина. В остальных субъектах показатели ниже российского. Есть регионы, где на 1 тыс. мужчин приходится меньшее количество женщин:

¹ Семья и дети в России. 2021: – М.: «Перо», 2022. С. 29-30.

² Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

³ Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. С. 90.

⁴ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

⁵ Там же.

⁶ Демографический ежегодник России. 2021: Стат.сб. / Росстат. – М., 2021. С. 26

⁷ Российский статистический ежегодник. 2022: Стат.сб. / Росстат. – М., 2022. С.96

965 женщин в Чукотском АО, на Камчатке – 998 женщин, в Ямало-Ненецком АО – 1022, в Чеченской Республике – 1025¹.

Для женщины, желающей иметь детей, важно состояние в браке. Женщина, находящаяся в свободном супружеском союзе, не торопится рожать детей, т. к. чувствует неуверенность в своем будущем, в лучшем случае в ее семье появится один ребенок. В России число свободных супружеских и официальных союзов примерно равное. В 2021 г. в 31 субъекте РФ показатели коэффициента брачности были выше российского, в 52 субъектах – ниже. Максимальные показатели отмечены в г. Санкт-Петербурге (9,3), в Камчатском (8,2) и Краснодарском краях (7,2), показатели ниже общероссийского наблюдаются – в Ненецком АО, республиках Марий Эл и Чувашия по 4,6, в Ленинградской области и Калмыкии по 4,3, и самый низкий показатель в Ингушетии – всего 2,9².

Негативное влияние на рождаемость оказывает феномен постарения молодого поколения. Большая часть мужчин и женщин предпочитают вступать в законный брак в возрасте от 25 до 34 лет³, что отодвигает рождение первого ребенка на более поздний срок. Но увеличивается доля браков, в которых жена старше мужа лет на 10–15, нормой становятся браки, в которых муж старше жены на эти же годы. Но в них возникают проблемы с рождением детей: в первом случае у женщины уже есть сложности с зачатием, во втором – молодая жена психологически не готова стать матерью.

В настоящее время рождаемость испытывает воздействие новых чрезвычайных факторов, оценить последствия которых для страны и населения пока сложно: войны, чрезвычайные ситуации, пандемия COVID-19. В стране проявляется феномен «демографического эха», которое напоминает о себе в течение 100 лет. Каждые 25–30 лет в населении появляется малочисленное поколение, как результат убыли населения в прошлом.

Социальная сторона рождаемости проявляется в том, что она всегда регулируется социальными и религиозными нормами. Так, в России утвердилась новая социальная норма – малодетность.

В целом, политика стимулирования рождаемости, проводимая в стране с 2007 г., а также реализация различных программ по повышению рождаемости не дают желательных и необходимых для общества и населения результатов.

Второй стороной воспроизводства населения является смертность, которая с процессом рождаемости обеспечивает смену поколений. Смертность определяется как «процесс вымирания поколения, складывающийся из массы

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. С. 49–50.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. С. 85–86.

³ Семья и дети в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М.: «Перо», 2022. С. 17.

единичных смертей, наступающих в разных возрастах»¹ и определяющий в целом порядок вымирания поколения.

Демографический процесс смертности испытывает влияние биологических, социально-экономических, природно-климатических, этнических и др. факторов. В научных исследованиях процесса смертности населения все факторы распределены на две большие группы: экзогенные и эндогенные.

Экзогенные причины смерти обусловлены внешним воздействием на человека различных катастроф, несчастных случаев, войн, травм и т. д., для которых норма – неупорядоченный, случайный характер, вероятность смерти возможна в любом возрасте.

Эндогенные причины смерти обусловлены старением организма, наследственными болезнями, врожденными пороками и могут быть как в старших, так и в младших возрастах. Случайность смерти ограничена, человек доживает до возраста, к которому жизнеспособность организма ослабевает настолько, что смерть становится неизбежной.

Показатели смертности – абсолютное число смертей, уровень смертности, выражаемый коэффициентами. Абсолютное число смертей зависит от общей численности населения, его половозрастной структуры, а также от наличия чрезвычайных условий: эпидемий, стихийных бедствий, войн. Преобладание абсолютного числа умерших над числом родившихся приводит к естественной убыли населения. В России число умерших постепенно сокращалась с 2002 г. до 2019 г., но более интенсивно сокращалось число родившихся (табл.2).

Динамика общих коэффициентов родившихся и умерших показывает интенсивность процессов рождаемости и смертности с 2002 г. по 2021 г.

Таблица 2

Родившиеся, умершие и естественный прирост населения

Годы	Всего человек				На 1000 человек населения		
	Родившихся	Умерших	Из них умерших в возрасте до 1 года	Естественный прирост	Родившихся	Умерших	Естественный прирост
2002	1396967	2332272	18407	-935305	9,7	16,2	-6,5
2010	1788948	2028516	13405	-239568	12,5	14,2	-1,7
2020	1436514	2138586	6489	-702072	9,8	14,6	-4,8
2021	1398253	2441594	6516	-1043341	9,6	16,7	-7,1

Источники: Демографический ежегодник России. 2019. С.37; Российский статистический ежегодник. 2021. С.101; Естественное движение населения Российской Федерации за 2022 год (Статистический бюллетень) М. 2023 г.

¹ Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. С. 277.

Два последних повышения смертности – результат пандемии COVID-19. Показатели коэффициента естественного прироста населения с 2010 г. возрастали, но с отрицательным значением.

В 2021 г. самые высокие показатели смертности отмечены в областях: Новгородской 22,3‰, Рязанской – 21,9‰, Псковской – 21,7‰; самые низкие в республиках Ингушетия – 4,2‰, Дагестан – 6,2‰, Чеченская – 5,8‰; Ямало-Ненецком АО – 6,3‰¹.

Более точные данные об интенсивности смертей россиян представлены повозрастными коэффициентами смертности. Особое место среди них демографы отводят коэффициенту младенческой смертности.

Младенческая смертность определяется как «смертность детей в возрасте до года»². Динамика смертей младенцев представлена в таблице 2, ее показатель снизился с 7,5‰ до 4,6‰. В 2021 г. значения выше общероссийского показателя наблюдаются в 41 субъекте РФ, в т. ч. диапазон максимальных значений от показателя 6,7‰ в Чеченской республике до 15,8‰ в Чукотском АО. В 46 регионах уровень младенческой смертности ниже российского, диапазон минимальных показателей от 2,6‰ в Калмыкии до 3,4‰ в Тамбовской обл.³. Величина коэффициента младенческой смертности в России выше, чем в развитых странах мира.

Особое место в процессе смертности занимают показатели смертности населения в трудоспособном возрасте, которая относится к категории преждевременной смерти. С 2010 г. по 2019 г. смертность россиян в трудоспособном возрасте постепенно снижалась с показателя 634,0, из расчета числа умерших на 100 тыс. чел. населения, до 470,0, но показатель увеличился до 548,2 в 2020 г., и к 2021 г. вновь возрос до 604,6⁴. Причина увеличения – пандемия COVID-19.

Выше общероссийского оказались показатели в 59 субъектах, но самые высокие были в диапазоне от 853,1 в Карелии до 803,7 в Псковской области. Ниже российского уровня были показатели в 28 субъектах РФ: колебались от 174,0 в Ингушетии до 423,2 в Москве⁵.

В процессе смертности в России существуют гендерные различия, что демонстрируют коэффициенты смертности мужчин и женщин: в 2010 г. на 1 тыс. мужчин отмечен показатель 9,9, к 2020 г. – 8,2; на 1 тыс. женщин показатели следующие: в 2010 г. – 2,6, в 2020 г. – 2,5⁶. Причины: мужчины погибают

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. С. 67–68.

² Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. С. 181.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. С. 73–74.

⁴ Там же. С.69.

⁵ Там же. С.69.

⁶ Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. С.84.

в 4 раза чаще женщин в результате производственных травм, они трудятся в отраслях, где существует повышенная опасность для жизни. Мужчины живут меньше женщин, хотя уровень заболеваемости выше среди женщин. В научный оборот вошел термин «мужская сверхсмертность», которую можно объяснить особым влиянием на мужской организм биологических и социально-экономических факторов.

Действие биологических факторов проявляется, например, в том, что мальчики преобладают среди выкидышей, коэффициент смертности новорожденных мальчиков выше коэффициента смертности девочек: в 2021 г. 5,3‰ и 4,0‰ соответственно¹. Действие социально-экономических факторов проявляется в том, что мужчины трудоспособного возраста умирают чаще, чем женщины этого же возраста, т. к. трудятся в сферах, где достаточно высокие риски для жизни. Демографы в результате многолетних наблюдений выявили закономерность – мужчины чаще, чем женщины умирают в возрастах 42, 49 и 54 года, и жизнь их короче лет на 15 по сравнению мужчинами развитых стран.

В течение многих лет россияне чаще всего умирают от сердечно-сосудистых заболеваний, злокачественные новообразований и др. Время от времени появляется информация об умерших от холеры, тифа, дифтерита, сибирской язвы, кори и др. Практически ежегодно возникают массовые эпидемии гриппа, в 2020 г. население Земли, в т. ч. и Россию, охватила пандемия COVID-19, оказавшая влияние на сокращение численности населения.

В демографическом процессе смертности наметилась тенденция снижения экзогенной смертности, наступившей в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП), случайного отравления алкоголем, самоубийства и убийства. Масштабы сокращения обозначает коэффициент экзогенной смертности, который сократился с показателя 151,8 в 2010 г. до 95,3 в 2020 г. и до – 5,3 в 2021 г.² Показатели выше российского уровня демонстрируют 53 субъекта РФ: в т. ч. максимальные значения от 123,8 в Тверской области до 205,7 в Тыве. Показатели ниже российских отмечены в 34 субъектах РФ: от 18,5 в Чеченской Республике до 63,2 Ханты-Мансийском округе³.

Важную роль в увеличении смертности играет продолжительность жизни. К началу 2023 г. показатель средней продолжительности жизни россиян достиг 72,4 лет. Показатели выше общероссийского отмечаются в диапазоне от 89,52 в Ингушетии до 72,51 – в г. Санкт-Петербурге. Самые низкие показатели в диапазоне от 64,87 лет в Чукотском АО до 66,12 лет в Еврейской автономной обла-

¹ Российский статистический ежегодник. 2022: Стат.сб. / Росстат. – М., 2022. С. 106.

² Там же. С. 105.

³ Естественное движение населения Российской Федерации за 2021 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_2021.xlsx

сти¹. Величина средней продолжительности жизни зависит от биологических и социально-экономических факторов. Биологический фактор включает показатели состояния здоровья граждан, способность организма к самообновлению и восстановлению, наличие генетической наследственности; социально-экономические факторы проявляются в отношении россиян к собственному здоровью, применении мер по антистарению, занятиях физкультурой и спортом и др.

Таким образом, негативные ситуации в демографических процессах рождаемости и смертности не способствуют естественному воспроизводству населения, а принимаемые и реализуемые программы по повышению рождаемости и увеличению продолжительности жизни пока не привели к ожидаемым результатам.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. С. 80.

СОЦИАЛЬНО ДЕТЕРМИНИРОВАННАЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Состояние здоровья россиян во многом определяет потенциал социально-экономического развития и национальной безопасности страны, выступая залогом достижения целевых ориентиров внутренней политики РФ. Показатели, характеризующие заболеваемость и смертность населения, значительно ухудшились вследствие влияния пандемии COVID-19, что вызывает необходимость пристального исследовательского внимания к ним в условиях текущей нестабильной социально-экономической и социально-политической ситуации в стране.

Современные отечественные и зарубежные исследования доказывают определяющую роль поведенческих практик населения в структуре причин заболеваемости и смертности². В этой связи очевидна целесообразность социологического анализа динамики показателей заболеваемости и смертности россиян, связанных с поведенческими факторами.

По результатам выборочной оценки состояния здоровья населения, проводимого Росстатом, доля граждан, в полном объеме придерживающихся норм здорового образа жизни (ЗОЖ) в период с 2019 по 2022 гг. снизилась с 12% до 7,2% (соответственно). Методика^{3;4} которая лежит в основе данного исследования позволяет проанализировать интегральный показатель приверженности россиян здоровьесохранным практикам или игнорирование их.

Исследователи подчеркивают, что если большая распространенность практик рисковенного поведения (потребление психоактивных веществ) продиктована скорее текущим тревожным, нестабильным состоянием общества, то меньшая включенность в сбалансированные пищевые практики детерминирована снижением уровня жизни и реальных доходов населения⁵.

© Гордеева С.С., 2023

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00480, <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>

² Marteau T.M. Changing behaviour: an essential component of tackling health inequalities / T.M. Marteau, H. Rutter, M. Marmot // *BMJ*. 2021. Vol.372. doi: 10.1136/bmj.n332

³ Об утверждении методики расчета показателя «Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни (процент)» [Электронный ресурс] // Приказ Росстата № 181 от 29.03.2019. URL: <https://www.gks.ru/metod/naz-proekt/met020001.pdf>

⁴ Методика рассчитывает интегральный показатель по практикам употребления алкоголя и табака, потребления овощей и фруктов, физическим нагрузкам

⁵ Владимирская А.А. Факторы ожидаемой продолжительности жизни: межстрановой анализ / А.А. Владимирская, М.Г. Колосницына // *Вопросы статистики*. 2023. Т. 30, № 1. С. 70.

Анализ состояния здоровья граждан РФ указывает на сохраняющуюся тенденцию роста первичной заболеваемости. По данным Росстат за период с 2011 по 2021 гг., показатели, характеризующие первичную заболеваемость населения РФ, имеют тенденцию линейного роста. Так, отмечается увеличение абсолютного числа зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни с 21 979 468 чел. в 2011 г. до 50 324 372 чел. в 2021 г. Характерно, что значительная доля первичной заболеваемости населения РФ фиксируется негосударственными медицинскими структурами (75% от общего числа регистрируемой первичной заболеваемости в 2021 г.).

Неблагоприятная тенденция роста числа первичной заболеваемости вызывает особую тревогу на фоне отрицательной динамики численности населения. По состоянию на 31 декабря 2022 г., данные Росстата, численность постоянного населения РФ составляла 146,4 млн человек, что на 532,7 тыс. человек (0,36%) меньше, чем за аналогичный период предыдущего года. Начиная с 1992 г. в российском обществе наблюдалась тенденция естественной убыли населения, которую во многом компенсировал миграционный приток из ряда стран. Однако с 2018 г. приток мигрантов стал уменьшаться, что привело к сохранению этой тенденции до настоящего времени. Так, в 1-м квартале 2023 г. число умерших превысило число родившихся в 1,5–2,7 раза (в зависимости от субъекта РФ), а число мигрантов, приехавших в Россию, сократилось на 22,4 тыс. человек (или на 3,1%) по сравнению с предыдущим годом. Рекордное снижение численности населения России (минус 613,4 тыс.) было зафиксировано по итогам 2021 г., что большинство экспертов связывало с негативными для здоровья последствиями пандемии COVID-19. Таким образом, демографическая ситуация в современной России характеризуется как острая, неблагоприятная, в то время как объективных предпосылок для ее улучшения в настоящее время не наблюдается.

Относительно стабильной остается структура первичной заболеваемости населения РФ (табл. 3).

Таблица 3

Первичная заболеваемость населения по основным классам болезней в 2017–2021 гг. (на 1 тыс. человек населения)¹

	Год				
	2017	2018	2019	2020	2021
Все болезни	778,9	782,1	780,2	759,9	857,1
из них:					
некоторые инфекционные и паразитарные болезни	27,3	27,0	26,6	20,5	21,4

¹ Заболеваемость населения по основным классам болезней [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721>

	Год				
	2017	2018	2019	2020	2021
Новообразования	11,4	11,6	11,9	9,8	10,2
болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	4,5	4,3	4,2	3,3	3,5
болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	14,0	13,1	14,4	11,0	11,4
болезни нервной системы	15,0	14,8	14,8	12,5	13,5
болезни глаза и его придаточного аппарата	31,6	31,4	30,0	23,9	24,9
болезни уха и сосцевидного отростка	25,9	25,5	25,0	20,5	21,3
болезни системы кровообращения	32,1	32,6	35,0	29,4	30,5
болезни органов дыхания	353,5	369,8	356,2	370,6	407,1
болезни органов пищеварения	34,0	33,1	32,0	26,3	26,9
болезни кожи и подкожной клетчатки	41,0	40,3	40,7	34,0	35,6
болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	29,5	29,8	30,3	25,0	26,7
болезни мочеполовой системы	44,8	44,8	44,5	36,0	36,9
осложнения беременности, родов и послеродового периода	67,2	63,3	61,5	57,5	57,5
врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	2,0	2,0	2,0	1,7	1,7
травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	88,2	89,0	90,4	81,3	83,6

Из табл. 3 следует, что наибольший удельный вес в структуре общей заболеваемости занимают болезни органов дыхания – 47,5% (407, 1 случая на 1 тыс. населения в 2021 г.), а также травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин – 10% (83,6 случая на 1 тыс. населения в 2021 г.). Вызывают тревогу высокие показатели осложнений беременности, родов и послеродового периода: 57,5 случая на 1 тыс. населения зафиксировано в 2021 г. или 6,7% в общей первичной заболеваемости. Отметим, что за рассматриваемый период показатели первичной заболеваемости, за исключением болезней системы кровообращения и органов дыхания, имеют нелинейную отрицательную динамику. Так, с 2017 по 2021 гг. относительно других заболеваний значительно сократилось число некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний (с 27,3 случая в 2017 до 21,4 случая на 1 тыс. населения в 2021 г.), заболеваний глаз и его придаточного аппарата (с 31,6 случая в 2017 до 24,9 случая на 1 тыс. населения в 2021 г.), заболеваний мочеполовой системы (с 31,6 случая в 2017 до 24,9 случаев на 1 тыс. населения в 2021 г.), заболеваний органов пищеварения (с 34 случая в 2017 до 26,9 случая на 1 тыс. населения в 2021 г.).

Неинфекционные заболевания (болезни системы кровообращения и органов дыхания, злокачественные новообразования) являются ведущими в структуре инвалидности и заболеваемости населения, а также ведущей причиной временной нетрудоспособности населения. По оценкам Национального медицинского исследовательского центра профилактической медицины, совокупный экономический ущерб от неинфекционных заболеваний в России составляет около 3,6 трлн рублей, что эквивалентно 4,2% ВВП¹. Исследователи² обращают внимание на то, что в 2020 г. пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) изменила структуру заболеваемости и смертности взрослого населения в сторону роста доли инфекционных заболеваний. Изменение приоритетного направления в деятельности системы здравоохранения на лечение COVID-19, а также риски неблагоприятного течения этого заболевания при наличии ряда хронических заболеваний, (особенно среди лиц старшего возраста) во многих случаях повлекло за собой негативные последствия в состоянии здоровья пациентов с неинфекционными заболеваниями.

Согласно Международной классификации болезней в класс болезней органов дыхания входят острые инфекции верхних дыхательных путей и грипп, которые, как известно, обуславливают около половины первичной заболеваемости ряда органов и систем организма. К числу достаточно эффективных средств профилактики гриппа исследователи относят адекватную массовую вакцинацию населения. Однако значительная часть населения избегает прививки от этой инфекции. Кроме того, снижение обращаемости больных за медицинской помощью в условиях неоперативной доступности страховой медицины, распространенные практики самолечения по совокупности снижают статистические показатели регистрируемых заболеваний органов дыхания. К числу неблагоприятных тенденций следует отнести: сохраняющийся высокий уровень заболеваемости пневмонией; большой разрыв между мужчинами и женщинами в смертности вследствие болезней органов дыхания: у мужчин трудоспособного возраста она выше в 4,2 раза по сравнению с женщинами³.

Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ также выделяются нами в структуре общей первичной заболеваемо-

¹ Абумуслимова Е.А. Сравнительный анализ охвата больных хроническими неинфекционными социально-значимыми заболеваниями диспансерным наблюдением в Российской Федерации с учетом федеральных округов / Е.А. Абумуслимова, М.Н. Гоголева // Профилактическая медицина-2022: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием – СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2022.

² Кураева В.М. Анализ показателей заболеваемости по классу болезней органов дыхания взрослого населения города Москвы и Российской Федерации / В.М. Кураева, С.И. Фейгинова, А.М. Подчернина // Здоровье мегаполиса. 2022. Т.3, № 1. С. 6.

³ Быстрицкая Е.В. Заболеваемость, инвалидность и смертность от болезней органов дыхания в Российской Федерации (2015–2019) / Е.В. Быстрицкая, Т.Н. Биличенко // Пульмонология. 2021. № 31(5). С. 552.

сти как в значительной степени обусловленные образом жизни. В период с 2017 по 2021 гг. динамика показателя данного класса заболеваний имеет тенденцию несущественного снижения (к 2021 г. на 2,6 случая на 1 тыс. населения). Особую обеспокоенность у исследователей вызывает «омоложение» сахарного диабета, ожирения и болезней щитовидной железы¹. Наиболее распространенным среди болезней эндокринной системы в РФ является сахарный диабет, появление которого часто связывают с избыточной массой тела.

За последнее время все более острыми проблемами становятся недостаточная двигательная активность различных категорий населения России, включая детей и подростков, а также нерациональные практики питания россиян. По данным ВЦИОМ (2022 г.)² 41% из числа опрошенных оценивают свою повседневную двигательную активность как высокую и скорее высокую. Только 13% говорят о низкой или скорее низкой двигательной активности в течение дня. Остальные респонденты (45%) характеризуют свои двигательные практики как умеренные. Наиболее физически активная возрастная группа – россияне в возрасте от 25 до 34 лет. Декларируется российскими респондентами и приверженность правильным пищевым практикам (40%). Об осознанном подходе к потреблению продуктов заявляет 87% из числа опрошенных. Применительно к пищевым практикам респонденты в возрасте 60 лет и старше чаще других сообщают о правильном пищевом поведении.

На фоне относительно благополучной оценки населением собственных двигательных практик и пищевого поведения, остается тревожной динамика первичной заболеваемости ожирением. Согласно данным Росстат РФ за период с 2018 по 2022 гг., отмечается нелинейный характер изменений темпов прироста либо снижения первичной заболеваемости ожирением. Так, за период с 2018 по 2019 гг., доля первичной заболеваемости ожирением выросла на 15,83%. Далее с 2019 по 2021 гг. отмечается снижение данного заболевания среди населения (-28,11 и -25,91% соответственно). В период с 2021 по 2022 гг. рассматриваемый показатель вновь вырос (+9,42%). Исследователи³ указывают на возрастающий вклад поведенческого фактора в распространение ожирения среди населения, а также выделяют целый ряд негативных последствий в со-

¹ Савина А.А. Тенденции показателей заболеваемости болезнями эндокринной системы взрослого населения Российской Федерации / А.А. Савина // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2021. Т. 67, № 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1285/30/lang,ru/>

² Здоровый образ жизни и как его придерживаться [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja>

³ Савина А.А. Тенденции показателей заболеваемости болезнями эндокринной системы взрослого населения Российской Федерации / А.А. Савина // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2021. Т.67, № 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1285/30/lang,ru/>

стоянии здоровья россиян на фоне избытка массы тела: сахарный диабет 2-го типа, сердечно-сосудистые заболевания и др.

Значительную долю в структуре общей первичной заболеваемости занимают болезни глаза и его придаточного аппарата. На 2021 г. показатель заболеваемости по данному классу болезни составил 24,9 случая на 1 тыс. населения РФ, что ниже показателя 2017 г. (31,6 случая на 1 тыс. населения), но несколько выше, чем было зафиксировано в 2020 г. (23,9 случая на 1 тыс. населения). Высокая частота и длительность использования электронных устройств (компьютеров, мобильных телефонов, смартфонов) среди населения различных возрастных групп выступают факторами риска развития этой группы заболеваний. Длительное использование электронных устройств в профессиональной, учебной и досуговой деятельности часто сопровождается нарушением гигиенических правил. Существуют параметры смартфонов и особенности их эксплуатации, способствующие перенапряжению зрительного анализатора (в частности, небольшая диагональ экрана, определяющая объем просматриваемой информации при чтении значительных объемов текста)¹.

Вызывают тревогу показатели первичной заболеваемости сифилисом среди жителей России. На фоне двадцатилетней тенденции ежегодного снижения этого заболевания на территории РФ², в период с 2020 по 2022 гг. рост этого показателя составил 81% (заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом сифилиса в 2022 г. составила 18,9 чел. на 100 тыс. населения). К числу причин роста числа заболеваний сифилисом, авторы относят как факторы социетального порядка (миграционные процессы, урбанизация, социально-экономическое неблагополучие общества и др.), так и поведенческие детерминанты (практики самолечения, рискогенное поведение, прежде всего среди молодежи)³.

Из результатов исследований отечественных социологов следует, что взрослое население в большинстве случаев проявляет адекватный контроль в отношении собственного сексуального здоровья. Так, по данным ВЦИОМ (2023), безопасность сексуальной жизни подлинно волнует большинство респондентов. На просьбу оценить их бдительность в отношении различных аспектов здоровья, проявление их внимательности в отношении безопасности сексуальной жизни получило наивысшую оценку респондентов (8,89 баллов из

¹ Семенякина Е.М. Влияние смартфонов на зрение студентов / Е.М. Семенякина, М.И. Фролов, Р.В. Шарапова // Инновационный потенциал молодежи: спорт, культура, образование. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 363.

² Заболеваемость населения по основным классам болезней [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721>

³ Иванова М.А. Заболеваемость инфекциями, передаваемыми половым путем, и их профилактика в Российской Федерации и за рубежом / М.А. Иванова, Е.А. Варавикова // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2022. № 3. С. 459.

10 среди женщин, 8,20 баллов из 10 среди мужчин). Внимание к своему психическому и физическому здоровью несколько уступает вниманию по отношению к сексуальному здоровью.

В последние десятилетия на территории РФ наблюдалась благоприятная тенденция снижения общей смертности населения. Однако этот положительный тренд был прерван в 2020 г., когда абсолютное число смертей достигло отметки 2 138 586 человек, что на 340 279 человек больше, чем годом ранее¹. По данным Росстата, в 2021 г. перечень основных традиционных причин смертности населения (от болезней системы кровообращения, новообразований, от внешних причин) дополнили осложнения, вызванные COVID-19 (рис. 1).

Рис. 1. Смертность населения РФ по основным классам причин смерти на 100 тыс. человек населения, 2021 г.

Важным для понимания состояния и динамики смертности населения РФ является характеристика смертности от внешних причин (убийства, самоубийства, разного рода несчастные случаи, включая транспортные происшествия, случайные отравления и т. п.). Данная группа причин смерти при достигнутом уровне развития системы здравоохранения определяется исследователями как предотвратимая, а показатели смертности от внешних причин могут быть снижены благодаря изменению поведенческих практик индивида. К числу ключевых практик поведения населения, детерминирующих смертность от внешних причин, могут быть отнесены: практики употребления психоактивных веществ (прежде всего алкоголя и наркотиков), агрессивное поведение, а также халат-

¹ Горошко Н.В. Избыточная смертность в период пандемии COVID-19: регионы России на фоне страны / Н.В. Горошко, С.В. Пацала // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1 (46). С. 103.

ное, сопряженное с риском для здоровья, поведение¹. Показательна и высока в этом отношении структура смертности населения России от внешних причин за 2021 г. Так, абсолютное число умерших от внешних причин в 2021 г. составило 139 069 чел. или 5,7% от общего числа умерших. В структуре внешних причин смерти населения наибольшие показатели вызваны повреждениями, которые связаны с неопределенными намерениями и употреблением алкоголя (31,3 и 32,5 случая на 100 тыс. населения соответственно). Также велика доля смертей от всех видов транспортных несчастных случаев, а также самоубийств (11,3 и 10,7 случаев на 100 тыс. населения соответственно). Предупреждение внешних причин, опасных для здоровья и жизнедеятельности человека, позволит существенно увеличить ожидаемую продолжительность жизни в РФ.

Таким образом, проведенный предметный социологический анализ динамики заболеваемости и смертности населения в современной России позволяет констатировать определенные негативные тенденции, нерешенные проблемы в формировании самосохранительного поведения населения и его ценностного отношения к своему здоровью. Потенциал для снижения уровня заболеваемости и увеличения продолжительности жизни населения заключен в сфере изменения поведенческих практик различных категорий населения, наряду с нормализацией макроконтекстуальных условий функционирования всего общества.

¹ Юмагузин В.В. Смертность от внешних причин: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03 / В.В. Юмагузин, Москва, 2013.

СБЕРЕЖЕНИЕ ЗДОРОВЬЯ РОССИЯН КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ¹

Первые два десятилетия XXI в. характеризовались планомерным улучшением показателей здоровья россиян, увеличением их ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ). Коэффициенты смертности населения по большинству классов причин смерти, согласно данным Росстата, существенно снизились с 2000 по 2019 гг. (например, коэффициент смертности мужчин по классу «болезни системы кровообращения» снизился с 801,6 в 2000 г. до 579,3 в 2019 г., коэффициент смертности женщин по данному классу в обозначенный период снизился с 885,0 до 567,9). Ожидаемая продолжительность жизни выросла с 65,5 лет в 2000 г. до 73,1 лет в 2019 г. Несмотря на очевидный прогресс, наша страна не относилась к мировым лидерам по показателям здоровья населения. Так, согласно данным Всемирного банка, в 2019 г. ожидаемая продолжительность жизни в России была в среднем на 6 лет меньше, чем в США, Чехии и Эстонии, на 10 лет меньше, чем во Франции, Израиле, Норвегии, Австралии и Южной Корее, на 11 лет меньше, чем в Японии, Швейцарии и Испании².

Пандемия COVID-19 оказала значимое влияние на показатели заболеваемости и смертности населения. Практически во всех странах мира ожидаемая продолжительность жизни в 2020 и 2021 гг. сократилась относительно 2019 г. В России в 2021 г. показатель составил 69 лет (снижение – 4 года), в США – 76 лет (снижение – 3 года), во Франции – 82 года (снижение – 1 год). Пандемия стала вызовом системам (институтам и организациям) здравоохранения, показав их неустойчивость и уязвимость³. Проблемными зонами выступили мобилизация кадровых ресурсов, лекарственное обеспечение, оперативное перераспределение ресурсных мощностей системы. Это определило декларирование Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в рамках концепции «Здоровье и мир» необходимости повышения устойчивости систем здравоохранения, увеличение охвата населения медицинскими услугами и обеспечения равного доступа к ним⁴.

© Лебедева-Несевря Н.А., 2023

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00480, <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>

² Life expectancy at birth, total (years) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирного банка. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?end=2019&most_recent_value_desc=true&start=2017

³ Haileamlak A. The impact of COVID-19 on health and health systems / A. Haileamlak // Ethiopian Journal of Health Sciences. 2021 Nov; 31(6). Pp.1073–1074. doi: 10.4314/ejhs.v31i6.1.

⁴ Глобальная инициатива «Здоровье и мир». Пятый вариант проекта Дорожной карты. 25 мая 2023 г. [Электронный документ] // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://cdn.who.int/media/docs/default->

Тяжесть последствий (в т. ч. вероятность летального исхода) COVID-19 во многом определялась степенью подверженности больного сопутствующим поведенческим факторам риска (курению, потреблению алкоголя), наличием алиментарно-зависимых заболеваний¹, что также привело к пересмотру акцентов в глобальных программах здоровьесбережения. ВОЗ в феврале 2023 г. приняла резолюцию EB152(23) «Использование достижений поведенческих наук в сфере здравоохранения»², отмечающую важность углубленного понимания индивидуальных моделей поведения в сфере здоровья. В резолюции подчеркивается значимость междисциплинарного подхода к разработке мероприятий по изменению поведения людей в отношении их собственного здоровья, предполагающего опору на методы и данные психологической и социологической науки.

В начале апреля 2023 г. Генеральный директор ВОЗ Тедрос Аданом Гебреисус обозначил приоритеты в области сохранения и укрепления здоровья населения во всем мире (профилактика неинфекционных заболеваний, в т. ч. связанных с образом жизни, обеспечение справедливости в доступе к услугам здравоохранения, противодействие формированию устойчивости к противомикробным препаратам, снижение воздействия загрязнения воздуха и изменения климата на здоровье человека), а также призвал пересмотреть цели и задачи национальных политик в области здоровьесбережения в соответствии с новыми вызовами³.

Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве стратегических целей закреплено а) повышение ожидаемой продолжительности жизни населения до 78 лет, б) обеспечение устойчивого роста численности населения страны, в) увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70%⁴. Данным документом были скорректированы национальные цели и стратегические задачи, обозначенные в «майских» указах Президента РФ 2018 г. (там, в частности, планировалось увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни россиян к 2024 г. до 67 лет⁵). Единый план по до-

source/campaigns-and-initiatives/health-and-peace/v5_-_ghpi_roadmap_r.pdf?sfvrsn=29508969_8&download=true

¹ Щербак С.Г. Факторы риска тяжелого течения и летального исхода COVID-19 / С.Г. Щербак, Т.А. Камилова, А.С. Голота, Д.А. Вологжанин // Физическая и реабилитационная медицина, медицинская реабилитация. 2022. Том4, № 1. С. 14-36.

² Использование достижений поведенческих наук в сфере здравоохранения. EB152(23) [Электронный документ] // Официальный сайт ВОЗ. URL: [https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB152/B152\(23\)-ru.pdf](https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB152/B152(23)-ru.pdf)

³ Вступительное слово Генерального директора ВОЗ на пресс-брифинге – 6 апреля 2023 г. [Электронный документ] // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-media-briefing-6-april-2023>

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

стижению национальных целей развития РФ предполагает увеличение ОПЖ в 2023 г. до 73,2 лет, в 2024 г. – до 73,7 лет, снижение общей смертности до 13,1 сл. на 1 тыс. населения к 2024 г. и до 11,5 тыс. сл. на 1 тыс. населения к 2030 г., увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни до 11,5% к 2024 г. и до 14,5% – к 2030 г.¹

Достижение поставленных целей требует от российского государства привлечения дополнительных ресурсов, активизации скрытых резервов здоровьесохранения. Напряжение геополитической ситуации в 2021–2022 г. и существенные внешние торговые и финансовые ограничения по отношению к России определили структурную перестройку экономики, сокращение валового внутреннего продукта (ВВП) в 2022 г. и рост темпов инфляции, что привело к падению реальных доходов населения, снижению качества жизни. Согласно данным Росстата, реальные располагаемые доходы россиян в 2022 г. упали на 1%, цены на продукты питания в декабре 2022 г. по отношению к декабрю 2021 г. выросли на 10,6%, на медикаменты – на 10,8%, на медицинские услуги – на 11,7%². Всероссийский опрос Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), проведенный в мае 2023 г., показал, что только 18% респондентов считают свое материальное положение хорошим³.

Ожидаемая продолжительность жизни является показателем, крайне чувствительным к уровню социально-экономического благополучия территории и среднедушевым денежным доходам населения⁴. Это означает, что без положительной динамики благосостояния граждан обеспечить рост продолжительности жизни крайне сложно. При этом макроэкономический прогноз Банка России предусматривает рост ВВП в 2023 г. всего лишь на 0,8%, в 2024 г. – на 1,4%, в 2025 г. – на 1,5%⁵. Для сравнения, прирост ВВП РФ в 2019 г. по отношению к 2018 г. составил 2,2%, в 2018 г. по отношению к 2017 г. – 2,8%, а ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 72,7 лет в 2017 г. до 73,3 лет в 2019 г. Пандемия коронавируса негативно сказалась на показателях благосостояния граждан, покупательная способность населения снизилась⁶, а введен-

¹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р) (с изм. от 24.12.2021)

² Социально-экономическое положение России. 2022 г. [Электронный документ] // Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>

³ Динамика материального положения. Оценка и прогнозы материального положения россиян в краткосрочной и долгосрочной перспективе [Электронный документ] // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14877>

⁴ Скипин Д.Л. Ожидаемая продолжительность жизни в регионах России / Д.Л. Скипин, Ю.А. Юхтанова, О.А. Крыжановский, Е.Г. Токмакова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т.15, № 2. С. 156–171.

⁵ Макроэкономический опрос Банка России. Результаты опроса: июнь 2023 г. [Электронный документ] // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/

⁶ Власова О.В. Угрозы снижения уровня благосостояния населения России / О.В. Власова, А.Ю. Быстрицкая, Е.В. Скрипкина // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 4-1. С. 31–36.

ные в 2022 г. против России экономические санкции не позволяют делать благоприятные прогнозы.

Непредсказуемость общественно-политической и экономической ситуации в России в 2022–2023 гг. усугубляет сформировавшееся еще в условиях пандемии восприятие социальной реальности как «ситуации хронической неопределенности», превращает тревожность в «новую норму». Данные опроса «ФОМнибус», проводимого ФОМ еженедельно на репрезентативной всероссийской выборке, показывают, что не менее трети россиян с начала 2022 г. говорят о преобладании среди своих родных, друзей, коллег и знакомых тревожных настроений. Уровень тревожности в 2022 г. доходил до пикового значения 70% в конце сентября – начале октября, снизившись к концу декабря до 52%¹. О правомерности маркирования современного состояния российского общества как «ситуации пермакризиса» говорит и тематика секций прошедшей в мае 2023 г. XIII Международной Грушинской социологической конференции «Переустройство мира: исследования (в) новой реальности». В названии секций, круглых столов, докладов часто фигурировали выражения «общество расколов и конфликтов», «общество в условиях неопределенности», «общество в условиях геополитического кризиса», «новая реальность», «общественные изменения», «турбореальность»².

Кроме того, специальная военная операция, начавшаяся 24 февраля 2022 г., «расколола российское общество»³, ослабила, в ряде случаев – разрушила социальные связи, негативно сказавшись на уровне индивидуального социального капитала и возможностях его задействования, в том числе, в вопросах, связанных со здоровьем.

Как следствие, мероприятия, направленные на сохранение и укрепление здоровья россиян, должны учитывать два типа новых рисков для здоровья населения – а) риски, связанные с адаптацией к новым социально-экономическим условиям, пересмотром привычного образа жизни и, возможно, снижением его самосохранительной ориентации, б) риски, ассоциированные с повышенной стрессорностью среды и разрывом социальных связей, задающие негативные «ответы» со стороны психического здоровья.

Важность пересмотра подходов к здоровьесбережению населения (или стратегических целей в данной области) подчеркивается в Заключении Счетной

¹ Уровень тревожности оценивается ФОМ по вопросу «Какое настроение, по Вашему мнению, преобладает сегодня среди Ваших родных, друзей, коллег, знакомых – спокойное или тревожное?». См.: Настроение окружающих. Опрос «ФОМнибус» 2–4 июня 2023 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d22no2023.pdf>

² Программа XIII Международной Грушинской социологической конференции «Переустройство мира: исследования (в) новой реальности» [Электронный документ] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://conf.wciom.ru/program2023/>

³ Макушева М.О. «Конфликт и солидарность». Как конфликт России и Украины проецируется на общественное мнение россиян / М.О. Макушева // СоциоДиггер. 2022. Июль. Том3. Выпуск 7(19): Радикализация. Поляризация мнений и разрыв в коммуникации.

палаты РФ на проект федерального бюджета на 2023 г.: «принимая во внимание негативные последствия пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 и влияние сложившейся геополитической ситуации, создаются высокие риски по достижению показателя повышения ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет»¹. Также документом ставится под сомнение реалистичность достижения установленных Государственной программой Российской Федерации «Развитие здравоохранения» целевых значений показателей «смертность населения от всех причин смерти, на 1 тыс. населения» и «доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, %»².

Пандемия COVID-19, негативно сказавшаяся на возможностях достижения стратегических целей в сфере здоровьесбережения, сохранения и развития человеческого потенциала, должна была привести к усилению ориентации официального дискурса на проблемы укрепления здоровья россиян. Однако, в Послании президента РФ Федеральному Собранию в феврале 2023 г. ни о продолжительности жизни, ни о здоровье граждан ничего сказано не было³. Также в 2023–2025 гг. не предусмотрено принципиального увеличения государственного финансирования системы здравоохранения: общий объем расходов на здравоохранение составит в 2023 г. 1523,6 млрд руб., в 2024 г. – 1511,1 млрд руб., в 2025 г. – 1524,7 млрд руб.⁴ Риски подобного решения подчеркиваются в Заключении Общественной палаты Российской Федерации на проект федерального бюджета: «при отсутствии роста государственных расходов на здравоохранение увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения (до 78 лет) и расширение доступности бесплатной медицинской помощи видится затруднительным»⁵, подтверждаются результатами научных исследования: «для достижения национальной цели по увеличению ОПЖ до 78 лет к 2030 г. необходимо, чтобы государственные расходы на здравоохранение ежегодно росли (в постоянных ценах) на 8%»⁶.

¹ Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» (утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 14 октября 2022 г. № 60К (1585) [Электронный документ]. URL: <https://ach.gov.ru/audit/project-2023>

² Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения». Утв. постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2017 года № 1640.

³ Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. [Электронный документ] // Официальный сайт Администрации Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> В 2022 г. Президент РФ в Федеральном Собрании с Посланием не обращался.

⁴ Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов».

⁵ Заключение Общественной палаты Российской Федерации по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 201614-8 «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» [Электронный документ] // Официальный сайт Общественной палаты РФ. URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/zakl-byudzheth-2023.pdf>

⁶ Улумбекова Г.Э. Финансирование здравоохранения для достижения ожидаемой продолжительности жизни в России 78 лет к 2030 году / Г.Э. Улумбекова, А.Б. Гинойн // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 1. С. 129–140.

Региональные бюджеты в 2022 г. в основном сокращали расходы на здравоохранение – это сделали 59 субъектов РФ¹. В 2023–2025 гг. существенного роста расходов субъектов РФ на здравоохранение также не предусмотрено (табл. 4).

Таблица 4

**Расходы региональных бюджетов на здравоохранение в 2023–2025 гг.
(тыс. руб.)**

	Регион	Программа	Год		
			2023	2024	2025
1.	Пермский край ²	Государственная программа Пермского края «Качественное здравоохранение»	38 186 399,3	37 583 694,2	38 120 739,4
2.	Нижегородская область ³	Государственной программы «Развитие здравоохранения в Нижегородской области»	37 628 799,7	37 781 870,1	38 474 721,1
3.	Новосибирская область ⁴	Государственная программа Новосибирской области «Развитие здравоохранения Новосибирской области»	29 153 317,1	30 423 890,3	31 830 681,3
4.	Челябинская область ⁵	Государственная программа «Развитие здравоохранения Челябинской области»	42 844 934,6	45 032 954,3	46 132 617,7
5.	Кемеровская область ⁶	Государственная программа Кемеровской области – Кузбасса «Развитие здравоохранения Кузбасса»	45 974 536,8	38 773 581,9	40 420 888,3
6.	Краснодарский край ⁷	Государственная программа Краснодарского края «Развитие здравоохранения»	70 592 130,9	71 733 349,1	76 290 587,5

¹ Зубаревич Н.В. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2022 г.: основные тенденции / Н.В. Зубаревич, Д.Ю. Землянский // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30, № 3. С. 47–55.

² Закон Пермского края от 30 ноября 2022 года № 131-ПК «О бюджете Пермского края на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». Принят Законодательным Собранием Пермского края 24 ноября 2022 г.

³ Закон Нижегородской области от 20 декабря 2022 года № 197-З «Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». Принят Законодательным Собранием Нижегородской области 15 декабря 2022 г.

⁴ Закон Новосибирской области от 23 декабря 2022 года № 307-ОЗ «Об областном бюджете Новосибирской области на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов». Принят Законодательным Собранием Новосибирской области 21 декабря 2022 г.

⁵ Закон Челябинской области от 27 декабря 2022 года № 727-ЗО «Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов».

⁶ Закон Кемеровской области – Кузбасса от 15 декабря 2022 года № 145-ОЗ «Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». Принят Законодательным Собранием Кемеровской области – Кузбасса 14 декабря 2022 года.

⁷ Закон Краснодарского края от 23 декабря 2022 года № 4825-КЗ «О бюджете Краснодарского края на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». Принят Законодательным Собранием Краснодарского края 13 декабря 2022 года.

Резервом роста ожидаемой продолжительности жизни россиян является улучшение санитарно-эпидемиологической ситуации (качества питьевой воды, состояния атмосферного воздуха, почвы и пр.)¹. В ряде крупных городов РФ, характеризующихся высоким уровнем антропогенного загрязнения атмосферного воздуха, население подвержено неприемлемым рискам в отношении заболеваний органов дыхания, систем крови и кроветворных органов, костно-мышечной системы и пр.² Однако анализ мер, предусмотренных ключевыми инструментами социально-экономического развития государства области экологии – нацпроектом «Экология» и входящими в его состав федеральными проектами, показывает их недостаточную (и часто непрямую) ориентацию на цели сбережения здоровья населения³. Например, паспорт федерального проекта «Чистый воздух» в качестве целевых показателей предусматривает снижение совокупного объема выбросов опасных загрязняющих веществ в ряде городов России и снижение численности городов с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха, но при этом о снижении рисков для здоровья населения, проживающего на территории этих городов, в проекте не говорится⁴.

Значительный вклад в состояние здоровье современного человека вносит его стиль жизни. Европейское региональное бюро ВОЗ в начале 2023 г. опубликовала Годовой отчет о ходе работы по анализу поведенческих и культурных факторов, в котором еще раз подчеркнула важность внимания к «моделям поведения в отношении здоровья» для борьбы с будущими пандемиями, снижения распространенности онкологических заболеваний и повышенного артериального давления⁵. Исследование, проведенное Аналитическим центром НАФИ в апреле 2023 г. на репрезентативной всероссийской выборке молодых россиян показало, что свыше половины респондентов ведут нездоровый образ жизни – нерационально питаются, недостаточно двигаются, имеют вредные привычки и

¹ Клейн С.В. Ожидаемая продолжительность жизни в субъектах Российской Федерации с различным уровнем санитарно-эпидемиологического благополучия и образа жизни населения. Резервы управления / С.В. Клейн, Г.Г. Онищенко, Н.В. Зайцева, М.В. Глухих // Анализ риска здоровью. 2022. № 4. С. 18–32.

² Май И.В. Показатели риска и вреда здоровью населения в системе новых механизмов мониторинга и управления качеством воздуха / И.В. Май, Н.В. Зайцева // Здоровье населения и среда обитания. 2022. Т. 3, № 10. С. 7–15.

³ Зайцева Н.В. Качество атмосферного воздуха и показатели риска здоровью как объективные критерии результативности воздухоохранной деятельности на территориях городов-участников Федерального проекта «Чистый воздух» / И.В. Май, Н.В. Зайцева // Анализ риска здоровью. 2023. № 1. С. 4–12.

⁴ Паспорт Федерального проекта «Чистый воздух» (приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Экология» от 21 декабря 2018 г. № 3).

⁵ Годовой отчет о ходе работы, 2022 г. Анализ поведенческих и культурных факторов в Европейском региональном бюро ВОЗ [Электронный документ] // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/europe/ru/publications/i/item/WHO-EURO-2023-6987-46753-68110>

не посещают врача с профилактической целью¹. По данным Росстата, доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, составляла в России в 2019 г. 12%, в 2020 г. – 9,1%, в 2021 г. – 7,3%, а в 2022 г. – 7,2% населения. Причем, в некоторых регионах данный показатель крайне низкий – в Ивановской и Магаданской областях в 2022 г. здоровый образ жизни вели по 0,9% жителей, в Республике Бурятия – 2,9%, в Иркутской области – 3,4%². В отчете Министерства здравоохранения РФ об итогах работы за 2022 г. и задачах на 2023 г. указано, что доля граждан среднего возраста, систематически занимающихся физической культурой и спортом, составила в 2022 г. 41,1%, рост первичной заболеваемости ожирением по отношению к 2021 г. – 10,7%³.

Государственной программой Российской Федерации «Развитие здравоохранения» предусмотрена задача «повышение мотивации граждан к ведению здорового образа жизни, занятию физической культурой и спортом»⁴. В 2023 г. финансирование данных мероприятий предусмотрено в рамках входящих в госпрограмму федеральных проектов. Так, федеральным проектом «Укрепление общественного здоровья» предполагается направить из средств федерального бюджета 68 850 тыс. руб. на реализацию субъектами РФ программ по формированию приверженности здоровому образу жизни с привлечением социально ориентированных некоммерческих организаций и волонтерских движений⁵, а федеральным проектом «Старшее поколение» – разработать комплекс мер, направленный на профилактику падений и переломов у лиц старшего возраста.

На состоявшейся в апреле 2023 г. расширенной коллегии Минздрава России «побуждение населения к ведению здорового образа жизни» было названо одной из целей на 2023 г., а «опережающие темпы роста продолжительности жизни» россиян – приоритетом отечественного здравоохранения⁶. Однако без

¹ Движение – жизнь: каждый второй россиянин выражает запрос на повышение физической активности. Результаты опроса [Электронный документ] // Официальный сайт НАФИ. URL: <https://nafir.ru/analytics/dvizhenie-zhizn-kazhdyy-vtoroy-rossiyanin-vyrazhaet-zapros-na-povyshenie-fizicheskoy-aktivnosti/>

² Количество (доля) граждан, ведущих здоровый образ жизни (P4) // Официальный сайт ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59457>

³ Об итогах работы Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2022 году и задачах на 2023 год [Электронный документ] // URL: <http://medinvestclub.ru/wp-content/uploads/2023/04/%D0%9E%D0%B1-%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%85-%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D1%8B.pdf>

⁴ Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения». Утв. постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 (в редакции, введенном в действие с 1 января 2023 г. постановлением Правительства РФ от 29 ноября 2022 г. № 2161).

⁵ Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»

⁶ Состоялось расширенное заседание коллегии Минздрава России. 24 апреля 2023 г. // Официальный сайт Минздрава РФ. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2023/04/24/20105-sostoyalos-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-minzdrava-rossii>

принципиальной переориентации всей государственной политики Российской Федерации на цели здоровьесбережения населения, выведения сохранения и укрепления человеческого потенциала в безусловные стратегические ориентиры развития страны, вынесения обеспечения роста продолжительности жизни во главу угла деятельности министерств и ведомств, достижение поставленной задачи сбережения здоровья всех поколений россиян представляется крайне сложным.

ГЛАВА 2. ЗДОРОВЬЕСОХРАННЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЯН В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

А.О. Барг

НОВЫЕ ПРАКТИКИ ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: АНАЛИЗ ПУБЛИЧНЫХ ДНЕВНИКОВ¹

Осмысление здоровья и способов его сохранения стало особенно актуальным после пандемии COVID-19. Очевидно, что в силу рискогенности современного мира, которая связана с глобализацией, изменениями климата, высокой плотностью населения в городах, военными конфликтами и нестабильностью, скорее всего, человечеству предстоит сталкиваться с подобными ситуациями в будущем. Следовательно, необходимо вырабатывать эффективные стратегии борьбы с эпидемиями, единый алгоритм, «протокол» консолидированных действий всех социальных акторов (органов власти, системы здравоохранения, средств массовой информации, населения) вовлеченных в подобную ситуацию, для чего требуется всестороннее исследование полученного опыта. Социальные практики отражают процессы взаимодействия людей, формирования отношений, процессы принятия решений и помогают глубже понять различные аспекты человеческого поведения и общественной жизни. Но, прежде чем обратиться к анализу здоровьесохранных практик россиян в период пандемии COVID-19, необходимо разобраться с основными понятиями, которыми мы оперируем в данном разделе.

Во-первых, – здоровьесохранение. Это довольно широкий термин, который описывает любые действия и практики, направленные на снижение рисков возникновения инфекционных и неинфекционных заболеваний, а также на решение различных проблем, связанных со здоровьем. Часто термин подразумевает именно профилактику заболеваний. На институциональном уровне – это практики разработки и реализации программ профилактики, которые включают в себя мероприятия по повышению осведомленности людей о рисках и факторах риска возникновения заболеваний, а также о способах их предотвращения или лечения. Помимо профилактики заболеваний, к здоровьесохранению относят и меры по улучшению качества жизни населения, уровень которого является одной из основных детерминант, влияющих на общественное здоровье². От-

© Барг А.О., 2022

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00480, <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>

² Римащевская Н.М. Здоровье российского населения в условиях социально-экономической модернизации / Н.М. Римащевская, Н.Е. Русанова // Народонаселение. 2015. № 4 (70). С. 33–42.

мечается влияние социальных факторов на состояние здоровья общества, поэтому меры, направленные на снижение социального неравенства, также могут включаться в понятие здоровьесохранения¹. На индивидуальном уровне под здоровьесохранением понимается «любая мера, предпринятая индивидуумом, независимо от фактического или субъективно воспринимаемого состояния здоровья, с целью укрепления, защиты или поддержания здоровья (при этом объективная эффективность такого поведения с точки зрения цели в расчет не берется)»².

Во-вторых, здоровьесохраняющие практики, которые будут рассматриваться нами как частное выражение социальных практик. Последние определяются здесь как «совокупность конкретных опривыченных (рутинных) повторяющихся действий индивидов, групп, общностей, организаций в реальном времени и пространстве, характеризующие устойчивость, воспроизводство, массовость, нормативность»³.

Посредством качественного анализа текстов публичных дневников⁴ самоизоляции (n=8) и ковид-дневников (n=8), размещенных в русскоязычном сегменте сети Интернет, мы пытались прийти к цели исследования, заключающейся в выявлении тех новых здоровьесохраняющих практик россиян, которые

¹ Link B. Social Conditions as Fundamental Causes of Disease / B. Link, J. Phelan // Journal of Health and Social Behavior. 1995. Vol.35. P. 80–94.

² Глоссарий терминов по вопросам укрепления здоровья [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВОЗ. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/64546/WHO_HPR_NEP_98.1_rus.pdf?sequence=2&isAllowed=y.

³ Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия / С.С. Шушальский // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.

⁴ Перечень источников: 1) Дневник самоизоляции. Без езды. URL: <https://ruspioner.ru/profile/blogpost/28276/view/34531/>, 2) Дневник на самоизоляции. URL: https://pikabu.ru/story/dnevnik_na_samoizolyatsii_7468411 3) Карантинный онлайн-дневник: Девять дней самоизоляции. URL: <http://tobgorod.ru/2020/03/29/karantinnyj-onlajn-dnevnik-devyat-dnej-samoizolyatsii/> 4) Дневник самоизолировавшейся: спасаюсь творчеством и онлайн-завтраками. URL: <https://ria.ru/20200324/1569055418.html> 5) Дневник самоизоляции. URL: <https://refugee.ru/news/%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D0%BA-%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D0%B8/> 6) Как я провел этим карантином: российские бизнесмены ведут дневники самоизоляции. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife-photogallery/401429-kak-ya-provel-etim-karantinom-rossiyskie-biznesmeny-vedut-dnevnik> 7) Хроники самоизоляции. URL: <https://takiedela.ru/2020/03/khronika-samoizolyacii-chalabov/>, 8) Записки из самоизоляции в Удмуртии (дневник изолянта). URL: <https://susanin.news/blog/sergey-permyakov/zapiski-iz-samoizolyacii-v-udmurtii-dnevnik-izolyanta/>, 9) Дневник ковида. URL: <https://vk.com/club197470711>, 10) Дневник врача, который заболел ковидом. URL: <https://www.pravmir.ru/glubokij-vdoh-i-kazhetsya-chto-razryvayutsya-legkie-dnevnik-vracha-kotoryj-zabolel-kovidom/>, 11) Дневник ковидного пациента: журналист полтора месяца записывал, как его семья боролась с COVID-19. URL: <https://www.e1.ru/text/health/2020/12/05/69598086/>, 12) «Вкус еды исчезает. Тело и мышцы начинает ломить...»: дневник COVID-больного по часам. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/476662>, 13) Дневник ковидного больного. URL: <https://amur-bereg.ru/threads/dnevnik-kovidnogo-bolnogo.17988/>, 14) Дневник фельдшера, заразившегося Ковидом-19. URL: <https://dzen.ru/a/X53duJrAcFrkQEEQ>, 15) Дневник пациента: симптомы COVID-19 по дням. URL: <https://www.vkpress.ru/articles/dnevnik-patsienta-simptomu-covid-19-po-dnyam/?id=132632>, 16) Дневник ковида. URL: <https://vk.com/club197888664>

образовывались в период пандемии COVID-19 и в описании процессов этого образования, а также в определении механизмов закрепления и подтверждения практик, существующих на момент описываемых событий.

Формирование здоровьесохранных практик происходило довольно форсировано, так, как того требовала ситуация. Информационный вброс рекомендаций и запретов через средства массовой информации (СМИ), подкрепленный предостережениями об опасности, а также введение режима самоизоляции, вынудили буквально каждого человека включить в свою жизнь определенные правила, которых раньше не было. Практически всё информационное пространство было заполнено одной темой и разделено между несколькими субъектами: а) традиционные СМИ (телевидение, радио, печатная пресса); б) официальные государственные интернет-ресурсы (сайты Роспотребнадзора, Министерства здравоохранения, специальный портал оперативного информирования о коронавирусе «Стопкоронавирус.рф» и т. д.); в) федеральные и региональные сетевые СМИ; г) социальные медиа (социальные сети, включающие страницы сообществ и групп, авторские каналы, мессенджеры и личные блоги). Последние в современном обществе «оказывают системное влияние на социальные практики индивидов (практики получения информации, коммуникационные практики, гражданские практики, бытовые практики, культурные практики, рекреационные практики¹)» и здоровьесохранные практики).

Выбор дневников в качестве материалов для исследования обусловлен тем, что их тексты позволяют видеть повседневность людей в предложенных условиях и процесс влияния общего медиа-дискурса на «конвертацию информации в смыслы (конструирование знания), перевод знания с одного уровня (институционального) на другой (обыденный)²».

Процесс привыкания к новой реальности и внедрения в рутину определенных поведенческих паттернов происходил в два этапа. Первый – период локдауна, который был объявлен 28 марта 2020 г. и закончен 11 мая 2020 г. Второй – длительный период, включающий еще один эпизод «ковидных каникул» с 30 октября по 07 ноября 2020 г. и постепенное снятие ограничений. Здоровьесохранные практики складывались в двух ипостасях: профилактической и лечебной. Через публичные дневники мы можем наблюдать и тех, кто не болел и заботился о сохранении физического и ментального здоровья, и тех, кому не посчастливилось заразиться, и кто проходил все этапы соприкосновения с болезнью.

¹ Ефанов А.А. Дискурс социальных медиа: к проблеме интерпретации / А.А. Ефанов, А.А. Осокин // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т.11, № 3. С. 509–527.

² Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 6. № 12(83). С. 13–21.

Несмотря на общий и простой набор официально рекомендованных практик по самосохранению в условиях пандемии (ношение масок, перчаток, социальное дистанцирование, частое мытье рук, позже, вакцинация – в качестве профилактики; самоизоляция, обращение к врачу дистанционно или вызов врача/скорой помощи, сдача ПЦР-теста и следование рекомендациям врача в случае положительного результата теста – при наличии симптомов/подтверждении диагноза), они вызывали много противоречий и неудобств, при попытках внедрить их в повседневную жизнь. Например, в текстах ковид-дневников (дневников людей, которые уже столкнулись с болезнью) встречается негативная реакция на необходимость носить маску: *«Попробуй пожить в маске две недели! Дышать нечем, под ней все преет»*. Оценка действий других дает нам представление о ситуациях несоблюдения необходимых мер предосторожности, наблюдаемых авторами анализируемых текстов: *«А народу-то сколько, и никого в масках»*, и обратных ситуациях: *«Ладно хоть сознательность у людей имеется и все в масках»*. Также возникали противоречия, когда в одном помещении оказывались и больные, и здоровые: *«Поднялся новый вопрос, что делать, если живешь с зараженным, а сам не заражен. Понятно, что в идеале таким людям надо разъезжаться, но в случае, если болен ребенок, это невозможно. Что делать?»*.

По мере развития событий к вышеперечисленным рекомендациям, направленным на сохранение физического благополучия человека, добавились те, что относились уже к ментальному здоровью, поскольку человечество столкнулось с ранее неизвестным заболеванием, а значит и с высокой степенью неопределенности, и с необходимостью вынужденной социальной изоляции, что негативно сказывается на психологическом состоянии. «Пандемия может быть причиной широкого спектра адаптационных нарушений — от острой реакции на стресс до посттравматического стрессового расстройства, что подчёркивает коллективный характер психотравмы с расколом общества на ковид-диссидентов, представителей конспирологических теорий и лиц, следующих рекомендациям врачей¹».

Результаты анализа текстов дневников говорят о существенной разнице «вхождения» и содержания здоровьесохранных практик в повседневность людей, столкнувшихся с заболеванием, и тех, кто соблюдал режим самоизоляции, но не болел, поэтому рассмотрим эти типы документов по отдельности. Следует также обозначить ограничения исследования, связанные с тем, что дневники самоизоляции писали люди, которые строго её соблюдали, мы не сможем де-

¹ Васильева А.В. Ментальная экология в структуре пандемии Covid-19 (обзор литературы) / А.В. Васильева, Н.Г. Незнанов, А.Г. Соловьев // Экология человека. 2022. № 7. С. 461–469.

лать выводов о случаях граждан, нарушавших предписания властей или не согласных с ними.

Итак, введенный режим самоизоляции изменил повседневную жизнь россиян и внедрение новых практик, направленных на сохранение здоровья, по данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в апреле 2020 г. так отображается в их ответах: 69% респондентов прекратили пожимать руки или обниматься при встречах, а 84% – личные встречи с друзьями и знакомыми, 80% – совсем перестали гулять, а 40% – существенно сократили количество прогулок. Значительно реже стали выходить из дома по необходимости (в аптеку, магазин) 76% респондентов¹.

Из текстов дневников самоизоляции (дневников людей, которые соблюдали режим самоизоляции, но не болели) можно заключить следующее. Во-первых, мы наблюдаем принятие необходимости в самоизоляции (*«Судя по постам моих знакомых и друзей в соцсетях, многие предпочли остаться дома. Правильное решение!»*), хотя такой практики борьбы с инфекционными заболеваниями человечество не переживало с эпохи «черной смерти» (XIV–XIX вв.) (именно тогда в Европе начинаются сорокадневные карантинные периоды, прибывающих в города торговых судов²), поэтому для современного человека этот способ реализации превентивных мер знаком только по истории. Во-вторых, – переосмысление некоторых ценностей, вследствие перестройки жизненного уклада. Все дневники пронизаны экзистенциальными мыслями: *«Страх смерти ушел»*, *«Вообще, за это время я как-то стал проще относиться к смерти»*, *«Лучшее, что мы можем сделать для себя, — это жить в моменте и заниматься любимым делом. Которое будет нас вдохновлять, рождать новые смыслы»*, *«Самоизоляция может стать поводом, чтобы определиться с целями на ближайшую перспективу или пересмотреть свою жизнь и ее ценности»*, *«Когда я вижу, как люди защищают себя, то думаю о значимости человеческой жизни»*, *«Сейчас это не самое страшное, потому что нам всем приходится бороться за выживание перед лицом вируса, вне зависимости от нашего социального положения»*. В-третьих, – активное стремление сохранить свое ментальное и физическое здоровье в условиях вынужденного пролонгированного нахождения в одном помещении. Последнее потребовало от людей введения в свою повседневность нетипичных для них практик, адаптации привычных поведенческих паттернов под новые условия или возрождения занятий, к которым они давно не обращались.

¹ Коронавирус меняет повседневные практики россиян. Аналитический обзор [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/koronavirus-menyaet-povsednevnye-praktiki-rossiyan>.

² Устинов А.Л. Человек в условиях мировых пандемий: историко-психологический обзор [Электронный ресурс] / А.Л. Устинов, Е.С. Набойченко, С.В. Чупракова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2021. Т. 9, № 1 (32). URL: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=465>.

Относительно физического здоровья в основном прослеживается перестройка режима двигательной активности: *«Решил, что это не дело, буду вводить постепенно спортивные упражнения в свой новый режим», «Буду еще внедрять и физические упражнения дома», «Зарядку делаю каждый день», «Необходимы режим питания и спорт», «Я, как обычно, делаю несколько упражнений для поддержания формы и хорошего самочувствия», «Для занятий спортом купил инвентарь и оборудовал мини-спортзал», «Получилось чуть больше времени уделить спорту»,* и внимание к питанию: *«За некоторое время пришла к выводу, что жить в самоизоляции мне помогает ... правильный рацион питания», «стали разнообразнее завтраки».* Не менее важной практикой послужило использование сервисов доставки продуктов онлайн, что позволило придерживаться режима самоизоляции относительно легко. Но больше всего люди страдали от психологического напряжения из-за невозможности выйти из дома, увидится с близкими и однообразия (*«Со временем самоизоляция может напоминать тюрьму. И это факт может надломить психологически», «Вообще карантин – это осознание того, как остро ты нуждаешься в друзьях, как ты скучаешь по ним и по близким людям, как все же приятно просто погулять», «Очень соскучился по улице. По ощущению, когда идешь и чувствуешь воздух, свет и пение птиц», «Все идет по кругу»*), поэтому их усилия в основном были направлены на поддержание благополучного эмоционального состояния. В качестве здоровьесохранных практик в данном случае выступили онлайн общение (*«Оказывается, вечеринки можно проводить онлайн, это, конечно, не заменит живого общения, но хоть какой-то выход из одинокого времяпрепровождения», «Стало больше общения онлайн с друзьями и знакомыми», «Раньше на онлайн-застолья и общения с родными не хватало времени»*), введение традиций и создание праздничного настроения (*«Нужен праздник, душа просит развлечений. Поэтому завтра у нас большой семейный праздник», «Каждый день мы отправляемся в гастрономическое путешествие и экспериментируем с блюдами», «Знаю людей, которые уже и выпивают он-лайн. Им точно никакая депрессия от самоизоляции не страшна»*), игры (*«Решили, что пока в самоизоляции будем вечерами собираться у монитора и играть», «Решили как можно меньше думать о вирусе и чем-то вместе заняться. Кто-то вспомнил, что у него есть “Монополия”», «Сначала с дочерью поиграли в приставку. Пришлось с антресолей доставать», «Начали с настольных игр»*), уборка (*«Многие, как и мы, решили прибраться в своем жилье», «Решил прибраться в шкафу», «Зато по итогу у меня очищенный от хлама дом, протертые от пыли самые укромные места, вымытая духовка»*), медитация (*«Мой день начинается всегда одинаково: медитация, зарядка, дыхательная гимнастика»*), творчество и онлайн образование (*«Надо найти творческое хобби, например, заняться вышиванием, рисованием или блогингом», «Спасая себя фото-*

графиями и разными мероприятиями», «Договорился об обучении танцам с тренером удаленно»).

Тексты публичных ковид-дневников демонстрируют стремление заболевших исполнить предписания министерства здравоохранения, не все готовы были пользоваться услугами государственной системы («Я не вызывала врача и не заявляла в поликлинику»), но предложенный алгоритм действий не подвергался критике. Сталкиваясь с симптомами человек начинал реализовывать предписанную процедуру: вызывал врача (звонил в больницу или по единому номеру 122, обращался к знакомым врачам), сдавал ПЦР-тест, в случае положительного результата, делал компьютерную томографию (КТ) легких, переходил на самоизоляцию, принимал назначенные лекарства, сдавал контрольный тест и закрывал больничный. Основными причинами такого четкого следования предложенным мерам можно назвать страх и чувство ответственности за свое здоровье и за здоровье близких. Вот несколько цитат, которые демонстрируют эмоциональные переживания людей, обнаруживших первые симптомы: «В самый первый день ... страшно», «К вечеру стало страшно», «Неприятное стеснение в груди вызвало панику. Муж посоветовал лечь на живот, стало чуть легче. Но мне было очень страшно», «Пошла нюхать духи – ничего. Нашла капли в нос, закапала. Не помогли. Испугалась», «Начинает мерещиться, что в груди появились хрипы. Этого боюсь больше всего, потому что это будет для меня критично». Страх за свое здоровье и жизнь заставляет людей отбрасывать рассуждения о существовании пандемии, характерные для ковид-диссидентов («Да и не верил я в коронавирус если честно, а он, как оказалось есть»), или размышлять о большом тайном враге человечества, что было свойственно так называемым конспирологам. В своих дневниках заболевшие рассказывают, как обращаются к социальным институциям и принимают их помощь. В этом случае можно сказать, что «акцентируется позитивная ценность страха в силу присущих ему мобилизующих свойств¹». Страх за здоровье близких, социальная ответственность перед «другими» работает также: «В общем, я болела в маске, чтоб, если что, не заразить детей», «В квартире копится мусор, выносить его мне не позволяет совесть. Там соседи ходят, могу заразить», «Но в дневное время это делать не позволяет совесть (не хочется никого заражать), а ночью уже как-то сил нет», «Дошла до машины, сообразила, что сделала. Ничего подарочек был бы чужим детям? Бесплатный конструктор, зараженный коронавирусом!», «Домашние не радуют ничем, боюсь их "позаражать"». Эти записи показывают, что мысли людей посвящены заботе о здоровье окружающих, и они являются безусловным мотивом к действиям, со-

¹ Лассан Э. Страх как мотив и мотиватор электронной коммуникации (на материале интернет-текстов 2020) / Э. Лассан, Л. Кравцова // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 745–758.

гласующимся с принципами современной доказательной медицины. Больные одевают маски и стараются изолироваться: *«Ночью я решила на вылазку. Забавное, наверно, зрелище: черная маска на лице (пришлось купить многократно, все остальные закончились в доме)», «Я в маске, мою руки с мылом каждые три минуты», «В общем, я болела в маске, чтоб, если что, не заразить детей», «Спускаюсь с девятого этажа, боюсь до чего-то дотрагиваться, дышать (хоть и в маске)», «Позитив жены улетучивается: надевает на меня маску и готовится с детьми к эвакуации. Уезжают. Я один».*

«Новые риски¹» и «новые страхи²» привели к осознанному поведению и к включению заболевшими предложенных здоровьесохранных практик в свою повседневность. Однако в описываемый период институты, которые должны были способствовать закреплению социальных установок, направленных на сохранение здоровья граждан в условиях пандемии, находились под большим давлением обстоятельств и не справлялись с нагрузкой. Нехватка кадров, недостаток больничных мест (коек), недостаточное финансирование системы здравоохранения, особенно в начале пандемии, дефицит лекарств и медицинского оборудования³, привели к подкреплению существующих привычных механизмов здоровьесбережения российских граждан: обращение к друзьям, родственникам и знакомым за информацией и услугами, связанными с оказанием медицинской помощи. *«Другая знакомая врач отговорила меня вызывать врача. Говорит, это ничего не даст», «Написала доброй знакомой, другу семьи ... <она> сказала ждать пару часов после еды и дуть к ней за наборами для мазков», «Я принципиально не ходила в поликлинику, они же (у них нет мужа-доктора) ходили», «В общем, мнений много, я для себя выработала какой-то свод того, во что я верю», «Четкие инструкции «бывалых», тех, кто перенес коронавирусную инфекцию. У меня такой человек был. Она рассказала о своем течении болезни, поделилась схемой лечения, заставила срочно поехать и сделать КТ».*

Помимо обращения к знакомым и родственникам, за получением информации обращались к сети Интернет, что является одной из устойчивых социальных практик в настоящее время: *«Утром я читала, как отличить вирусное течение короны от бактериального осложнения», «Читаю в интернете про анализы на Ковид: мазок со слизистой, кровь на антитела двух разных типов», «Начал ждать роспотребнадзор и читать в интернете про Ковид», «Гуглила ежеминутно симптомы, искала в интернете товарищей по несчастью».* Последняя приведенная цитата очень показательна, так как говорит еще об одной

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. – М.: прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

² Лассан Э. Страх как мотив и мотиватор электронной коммуникации (на материале интернет-текстов 2020) / Э. Лассан, Л. Кравцова // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 749.

³ Горенко В.И. Российская система здравоохранения: проблемы и возможности по преодолению пандемии / В.И. Горенко // Вопросы студенческой науки. 2020. № 11(51). С. 451–455.

особенности поведения современного человека – поиск «товарищей по несчастью» в Сети и активная коммуникация незнакомых людей между собой на волнующую их тему. В нашем случае – это также стало одним из способов здоровьесохранения. Однако, когда речь идет о здоровье, и тем более о малоизученном заболевании, важнейшей задачей человека должен быть поиск достоверной информации и квалифицированной помощи, общение в Сети может привести к получению искаженной информации и несчастью. Например, в октябре 2021 г. во всех новостных лентах появилось сообщение о женщине, которая специально заразилась короновирусом, так как где-то прочитала, что если заразиться им от человека с лёгким течением болезни, то и сам перенесешь не в тяжелой форме, итогом стал летальный исход¹. Летом 2020 г. в связи с проблемой переизбытка информации (как точной, так и не качественной), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) анонсировала 1-ю конференцию по инфодемологии², целью которой было начать работу по поиску методов борьбы с инфодемией (переизбыток ложной информации и существование барьеров доступа к надежной).

Таким образом, на основании результатов проведенного анализа текстов дневников, здоровьесохранные практики россиян в период пандемии COVID-19 можно разделить на три типа, условно их можно обозначить как «новые», «старые, адаптированные под предложенные условия» и «старые, переформатированные в здоровьесохранные». К первому типу относится прежде всего самоизоляция. Речь идет не об объявленном указом президента режиме, а именно о самоизоляции, как обязательной мере при подозрении на инфекционное заболевание. Учитывая, что само слово стало употребляться в значении «добровольной изоляции с целью предотвратить распространение эпидемии» только с момента начала пандемии, а «до настоящего времени доминировало «политическое» значение слова как термина политического дискурса³», смыслы, которые теперь заключены в этом слове и предполагаемые действия сопровождающие её реализацию, позволяют причислить самоизоляцию к здоровьесохранным практикам нового типа. Другая «новая» практика, связанная скорее с сохранением ментального здоровья, но вышедшая за рамки здоровьесохранных практик и получившая некоторое распространение в реальности свободной от пандемии – это онлайн-вечеринки и праздники.

¹ Ковид на заказ: москвичка специально заразилась семье и умерла [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Вести.Ру». 2021. URL: <https://www.vesti.ru/article/2629253>.

² 1-я конференция ВОЗ по инфодемологии [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/events/detail/2020/06/30/default-calendar/1st-who-infodemiology-conference>.

³ Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект / Т.Б. Радбиль // Коммуникативные исследования. 2020. Т.7, № 4. С. 759–774.

Ко второму типу можно отнести практики ведения здорового образа жизни. Происходила адаптация привычных действий, связанных с поддержанием уровня двигательной активности или соблюдением режима и рациона питания, к сложившейся ситуации. Например, если обычно человек занимался спортом в спортзале, то теперь он прибежал к комплексу упражнений, которые можно сделать, не выходя из дома. Можно отметить, что витальность рисков заставила многих обратить особое внимание на свой образ жизни и пересмотреть его.

Наконец, к третьему типу практик можно причислить потребительские – использование онлайн-сервисов в процессе приобретения различных товаров, продуктов и услуг. Всё это существовало и до пандемии, но для кого-то, эти практики оказались совершенно новыми, а кто-то стал прибегать к ним намного чаще.

ВОЗ объявила, что ситуацию с распространением коронавируса можно охарактеризовать как пандемию, 11 марта 2020 г.¹ По данным опроса ВЦИОМ к марту 2022 г. общество уже адаптировалось и привыкло к новым условиям (61%)². А 5 мая 2023 г. Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Тедрос Адханом Гебреисус объявил об окончании пандемии COVID-19³.

Ситуация пандемии предложила миру формирование «новых» социальных практик, внедрение в сознание установок на определенное поведение в ситуации столкновения с инфекционным заболеванием, введение в повседневность и рутинизацию действий, которые, если и присутствовали в жизни людей ранее, то были эпизодичны и разрознены. Остается вопрос, какие из них прочно вошли в обыденную жизнь, встроились в культурный код, после завершения эпидемии, которая длилась чуть больше трех лет?

¹ Вступительное слово Генерального директора на пресс брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020>

² Прощай, COVID-19? Два года пандемии, адаптация и смена повестки. Аналитический обзор [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proshchai-covid-19-dva-goda-pandemii-adaptacija-i-smena-povestki>

³ Об отмене Генеральным директором Всемирной организации здравоохранения статуса пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1867841/

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ДВИГАТЕЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ И МЕДИЦИНСКИЕ ПРАКТИКИ РОССИЯН¹

Пандемия COVID-19 стала настоящим вызовом повседневности. Буквально в считанные месяцы от ее начала ежедневный режим функционирования наполнился новыми элементами жизни. Привычные формы взаимодействия ушли в online, в наши дома массово пришли кинотеатры, музеи, театры, школы, университеты и рабочие офисы. На какое-то время выйти в магазин или прогуляться по улице стало мероприятием, к которому необходимо подготовиться: надеть маску, перчатки, не забыть документы. Казалось, весь мир следил за изменением цифр о количестве смертей среди заболевших, индексом самоизоляции и индексом распространения заболевания.

Болезнь, являясь отдельным объектом формирует к себе некоторое отношение. Она задает новые привычки, в том числе такие: следить за здоровьем, обращать внимание на самочувствие окружающих, чаще мыть руки и/или делать уборку дома. С другой стороны, по данным, опубликованным в научном дайджесте «Ценности в кризис: социология коронавируса»², доля ковид-скептиков в России больше чем в других странах (38%), они готовы согласиться с высказыванием, что пандемия коронавируса – мистификация, а ограничительные меры слишком жесткие. Значит есть те, кто в какой-то степени не готов воспринимать пандемию как угрозу. Эти данные можно попробовать объяснить возрастом, уровнем образования опрошенных, их уровнем доверия СМИ или медицинским работникам. Такая позиция дает возможность не прибегать к смене привычных практик, в том числе практик касающихся обращением с собственным здоровьем. На фоне этого появляется вопрос, действительно ли в период пандемии мы могли наблюдать смену поведенческих практик здоровьесбережения.

Поменялось ли наше отношение к здоровью? Если верить проводимым с 2019 по 2023 гг. исследованиям – да. В них указывается, что люди стали более внимательно относиться к своему здоровью и здоровью своих близких, стали уделять больше внимания мерам по профилактике, ответственно подходить к

© Сомхишвили К.О., 2023

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00480, <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>

² Ценности в кризис: социология коронавируса. Научный дайджест № 2 [Электронный ресурс] // URL: https://www.hse.ru/data/2021/10/05/1460516987/Human_Capital_NCMU_Digest_2_Values_In_Crisis_2021.pdf

здоровью¹. Многие исследователи пишут, что последствия и эффекты пандемии нам только предстоит наблюдать и фиксировать, это касается не только физического, но и психо-эмоционального состояния людей. В приведенном и похожих исследованиях акцентируется внимание на возрастание числа ответов, указывающих на повышение позиции ценности здоровья по отношению к другим, что не гарантирует кардинальной смены жизненного стиля.

В качестве примера, для проверки описанных тенденций, воспользуемся результатами ежегодного «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE)². Материалом для иллюстрации стали данные, собранные за период с 2016 по 2021 гг. Период с 2016 г. по 2019 г. будет рассматриваться нами в качестве «допандемийного», а 2020 и 2021 – как годы пандемии. Допандемийный период будет использоваться в качестве контрольного, для проверки выявленных закономерностей. Допандемийный период так же можно разделить на два 2016–2017 гг. и 2018–2019 гг., основываясь на структуре инструментария исследования. Для изучения трансформаций практик здоровьесбережения россиян используемые данные отвечают ряду критериев: возрастная граница – от 18 лет до пенсионного возраста (до 2019 для мужчин 60 лет, для женщин 55 лет, начиная с 2019 г. 65 и 60 соответственно); участие опрошенного в ранее проведенных волнах. Таким образом можно обозначить, что выявленные в ходе анализа закономерности фиксировались для трудоспособного населения.

В качестве практик здоровьесбережения будут рассматриваться две группы характеристик: показатели, описывающие физическую активность респондента и показатели, описывающие обращение за квалифицированной медицинской помощью. Отдельно будут рассмотрены параметры оценки респондентами собственного благополучия, они будут фиксировать представление респондента о своем материальном положении, состоянии здоровья и удовлетворенность жизнью в целом.

Показатели, описывающие физическую активность респондента: бег трусцой, катание на коньках, лыжах; упражнения на тренажерах; прогулочная и спортивная ходьба; езда на велосипеде; плавание; танцы, аэробика, шейпинг, йога; баскетбол, волейбол, футбол, хоккей; бадминтон, теннис; борьба, бокс, карате.

¹ Соколовская Т.А. Приоритеты ценности здоровья у населения и влияние на них пандемии COVID-19 / Т.А. Соколовская, О.В. Армашевская, Е.В. Бахадова [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2021. Т. 67. № 3. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1272/30/lang,ru/>. DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-3-10.

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>)

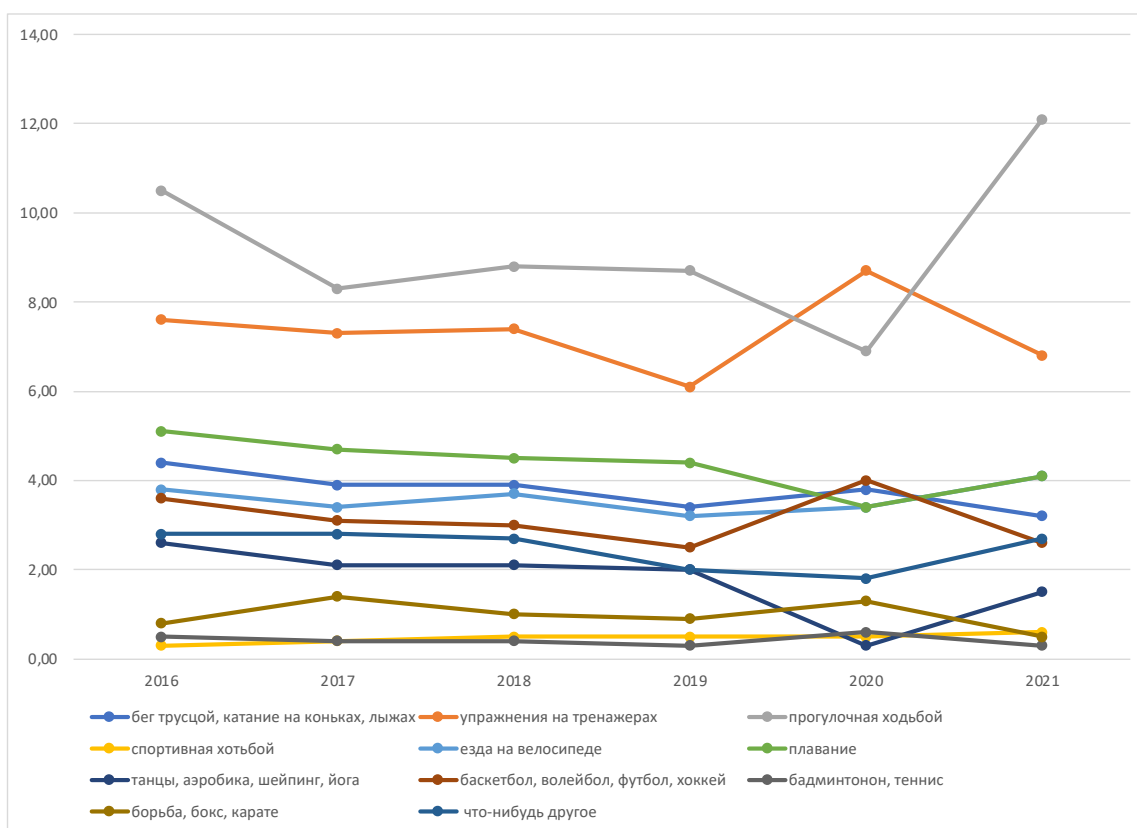

Рис. 2. Доля тех, кто в последние 12 месяцев по меньшей мере 12 раз занимался физической активностью (в % к общему числу опрошенных).

Исследователи отмечают, что ценность здоровья в годы пандемии увеличивается. При этом данные мониторинга НИУ ВШЭ не показывают высоких значений показателя доли занимающихся физической активностью, так в рассмотренные шесть лет ни в одном случае не наблюдается превышение порога в 12%. Фиксируемые в исследовании виды физической активности можно поделить на три группы: непопулярные активности (спортивная ходьба; бадминтон, теннис; борьба, бокс, карате) – доля занимавшихся ими не превышает 1% от числа опрошенных, средней популярности (бег трусцой, катание на коньках, лыжах; езда на велосипеде; плавание; танцы, аэробика, шейпинг, йога; баскетбол, волейбол, футбол, хоккей) – средняя доля для них не превышает 5% от числа опрошенных, относительно популярные (прогулочная ходьбой и упражнения на тренажерах) – доля не превышает 12%. При этом на рубеже 2020 и 2021 гг. мы видим изменение тренда, так занимающихся прогулочной ходьбой стало в 2021 г. больше, а вот доля тех, кто занимается на тренажерах сократилась (рис. 2).

Динамика доли занимающихся тем или иным видом физической активности говорит нам скорее о популярности последних. Необходимо учитывать, насколько данная активность является периодической и встроена в естественный ритм жизни. Рассмотрим на примере двух наиболее популярных активно-

стей. По данным с 2018 по 2021 гг., для тех, кто отметил, что занимался прогулочной ходьбой, характерно заниматься ей каждый месяц, в среднем не реже чем раз в два дня и затрачивать на это порядка одного часа. Нет оснований полагать, что в период пандемии увеличилось число тех, кто стал больше времени затрачивать на прогулочную ходьбу. Те, кто занимается упражнениями на тренажерах в среднем делают это каждый месяц, примерно раз в три дня и затрачивают порядка одного часа – такая динамика прослеживается устойчиво с 2018 по 2021 гг.

И прогулочная ходьба и упражнения на тренажерах можно отнести к индивидуальным видам физической активности, для их реализации нет необходимости специально собираться группой. Для групповых видов активности, частота встреч будет несколько ниже. Например баскетбол, волейбол, футбол, хоккей можно отнести к активностям, реализация которых возможна только группой. Те, кто отметили, что за последние двенадцать месяцев занимались указанными видами спорта, в среднем указывали, что занимались им девять месяцев из десяти, примерно шесть раз в месяц и продолжительность составляла полтора часа. Исключением стал 2020 г., когда продолжительность сократилась до часа.

Оценка динамики доли тех, кто занимался той или иной физической активностью не показывает резких перепадов в допандемийный и пандемийный период. Физическая активность, зафиксированная через занятие тем или иным спортом, не дает высокого показателя доли по отношению к всем опрошенным. Возможно, уточнение социально-демографических и иных характеристик индивидов, занимающихся спортом, позволит сделать более глубокие выводы об изменениях данных практик в пандемийный период.

Кроме физической активности к практикам здоровьесбережения можно отнести поведенческие аспекты, касающиеся посещения врача и использования медицинских услуг. Ожидания строятся на предположении необходимости обращения в специализированные организации за лечением и профилактикой в ситуации обострения риска заболеть. Однако в период пандемии были введены ограничения на передвижение и посещение публичных, в том числе медицинских учреждений¹. В совокупности эти два фактора могли повлиять на отсутствие значительного сдвига по параметру частоты обращения за медицинской помощью.

¹ Перечень мер в связи с коронавирусом (COVID-19) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348585/

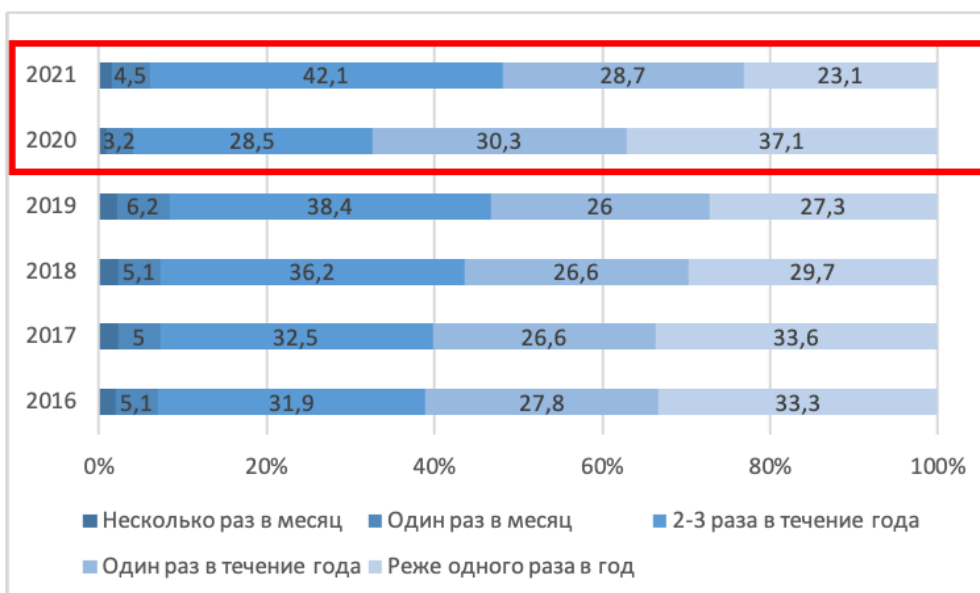

Рис. 3. Частота обращений за медицинской помощью в течение года, в разбивке по годам

В 2020 г. увеличивается доля тех, кто обращался за медицинской помощью один раз в течение года и реже. При соотнесении с предыдущими годами сократилось число тех, кто обратился за медицинской помощью 2–3 раза в течение года. Оценивая динамику, фиксируется увеличение тех, кто обращается за медицинской помощью чаще чем 2–3 раза в год. Динамика нарушается первым ковидным годом, что можно связать с введением режима самоизоляции и перестройкой функционирования системы здравоохранения на фоне смены приоритета в пользу борьбы с коронавирусной инфекцией.

В среднем число тех, кто отвечает, что в последние 30 дней не имел проблем со здоровьем стабильно больше, чем тех, кто может про себя сказать, что какие-то проблемы со здоровьем были. При оценке динамики наблюдается увеличение разрыва между двумя выделенными полярными позициями. В рамках изучаемого периода наибольшая разница приходится на 2020 г., когда тех, кто отметил, что у них не было каких-либо проблем со здоровьем было в 4,7 раза больше. За квалифицированной медицинской помощью можно обращаться не только в случае наступления болезни, но и в профилактических целях. И здесь распределение ответов позволяет фиксировать схожую тенденцию, с 2016 г. по 2019 г. включительно доля тех, кто обратился к медицинскому работнику в профилактических целях, увеличивается (18,4% – в 2016 и 24,6 – в 2019 гг.). В первый ковидный год их число сократилось до 16,8%. По этим двум вопросам 2020 г. маркируется как кризисный, на его фоне в 2021 г. показатели стремятся вернуться к прошлым значениям.

При высокой нагрузке на медицинскую систему становится сложнее получить квалифицированную помощь, что может стать причиной выбора самолечения. Если посмотреть на частотные распределения, даже если участники

опроса говорили, что за последние 30 дней они не испытывали проблем со здоровьем, они прибегали к действиям, позволяющим решить проблемы со здоровьем. Среди вариантов решений наиболее популярным является самолечение. В 2020 и 2021 гг. доля выбравших самолечение составила 67,2% и 65,2% соответственно. Можно фиксировать, что с 2016 г. по 2019 г. происходит сокращение доли тех, кто готов прибегнуть к самолечению при возникновении сложностей со здоровьем, а в 2020 г. и 2021 г. происходит возвращение на уровень 2016 г. В качестве предположения, можно высказать идею о смене тренда на фоне невозможности обратиться к необходимому специалисту.

Среди опрошенных договор на дополнительное добровольное медицинское страхование или обслуживание с какой-нибудь страховой фирмой/ поликлиникой/ больницей/ медицинским центром заключили в 2016 г. 3,7% опрошенных, то же значение в 2021 г. увеличилось до почти 4,8%, а в 2020 составляло 6,1%. Информация о добровольном медицинском страховании не собиралась в 2018 и 2019 гг., и нет оснований говорить о динамике увеличения/уменьшения показателя. В целом, доля тех, кто пользуется дополнительным медицинским обслуживанием, не достигает даже десятой части опрошенных.

Среди рассмотренных показателей статистически значимую связь дает выбор самолечения и частоты посещения врача в том числе в профилактических целях. Во все анализируемые периоды соотношение посещения врачей в группе готовых прибегнуть к самолечению меньше, в сравнении с группой не готовых. Это соотношение с 2016 по 2019 гг. стабильно уменьшается, в том числе за счет того, что люди меньше сочетают самолечение и поход к специалисту, но в 2020 г. соотношение увеличивается, в случае с частотой обращения за медицинской помощью практически достигаются значения 2016 г. и остаются устойчивы в 2021 г. В случае с обращением к врачу в целях профилактики, в 2020 г. можно было увидеть разницу в три раза. Доля тех, кто одновременно готов прибегнуть к самолечению и часто посещал врача за последний год увеличивается, исключение составляет 2020 г., в который возможность обращения к специалисту была значительно ограничена. Среди тех, кто готов прибегнуть к самолечению практически каждый второй за год обратился к квалифицированной медицинской помощи 2–3 раза и чаще практически каждый второй. В случае, если речь идет об одновременном выборе самолечения и обращения к специалистам в целях профилактики, то так поступает каждый пятый, за исключением 2020 г., когда рассматриваемое значение упало до 13,8% от числа готовых обратиться к самолечению.

Для уточнения рассмотренных закономерностей, приводим оценки собственного благополучия опрашиваемых. Оценка благополучия производилась по трем параметрам: самооценка здоровья; удовлетворенность материальным

положением; удовлетворенность жизнью в целом. Если подробнее рассматривать самооценку здоровья. С 2016 по 2021 гг. доля оценивающих свое здоровье как среднее остается в районе 45%. Примерно столько же ответивших, так же стабильно утверждают, что их состояние здоровья хорошее. Не многие готовы оценить свое состояние здоровья как совсем плохое – в районе 5% опрошенных, в 2020 и 2021 гг. наблюдается некоторое сокращение числа тех, кто готов оценить свое здоровье как плохое. В целом опрошенные склонны оценивать свое состояние здоровья как хорошее.

Мало кто из опрошенных готов отметить, что полностью удовлетворен своим материальным положением, этот ответ в среднем для всего изучаемого периода колеблется в районе 2%. Больше половины опрошенных стабильно не удовлетворены своим материальным положением. Хотя незначительно их число сокращается от года к году. Доля тех, кто удовлетворен своим материальным положением колеблется в области 20% от числа опрошенных.

Последний показатель из предложенной тройки – удовлетворенность жизнью в целом. На момент опроса в среднем оценку скорее удовлетворён склонны выбирать чуть больше 40% опрошенных, к 2021 г. таких становится почти 26%. Каждый четвертый в каждый из изучаемых годов отмечает «и да, и нет». Доля не очень удовлетворённых своей жизнью в целом сократилась с 17,7% в 2016 г. до 14,3% в 2021 г.

Медианная оценка благополучия от 2016 г. к 2021 г. не меняется и составляет 7 пунктов из 13 максимальных, при уточнении такое значение получается благодаря высокой доле средних оценок по каждому из трех использованных в суммарном индексе параметров. При оценке связей между практиками заботы о здоровье и оценкой благополучия, последняя переменная во всех случаях занимает зависимое положение, так здоровьесбережение позволяет людям чувствовать себя более здоровыми. В 2020 г. значительно ослабевают связи между указанными параметрами, и данный эффект продолжает действовать в 2021 г. Наиболее устойчивые связи для всего анализируемого периода фиксируются между благополучием и наличием проблем со здоровьем, занятиями бегом трусцой, катанием на коньках, лыжах, плаванием.

Повседневные практики здоровьесбережения россиян несколько изменяются в пандемийный период, однако это не связано с перестройкой мотивации или появлением осознанной потребности в заботе о здоровье. Скорее стоит говорить о влиянии объективных обстоятельств, которые сократили возможности людей заниматься спортом или обращаться за медицинской помощью в целях лечения или профилактики заболеваний. Сама же ориентация на заботу о собственном здоровье скорее фиксируется как тренд, развитие которого прерывается пандемией.

ПРАКТИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ И ТАБАКА РОССИЯНАМИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19¹

Пандемия COVID-19 актуализировала вопрос о влиянии поведенческих факторов риска на течение различных, в т. ч. инфекционных заболеваний. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в самом начале пандемии (в марте 2020 г.) рекомендовала жителям всех стран мира придерживаться здоровой диеты, ограничить потребление алкоголя, прекратить курить и увеличить двигательную активность². Роспотребнадзор, начиная с мая 2020 г., регулярно размещал на своем сайте информацию о необходимости ограничения употребления табака в период эпидемии коронавируса³.

Зарубежные исследователи приводят противоречивые данные о динамике потребления алкоголя и никотинсодержащей продукции в ходе пандемии⁴ – фиксировался как рост потребления⁵, так и его снижение⁶. Практики россиян в отношении потребления алкоголя и табака в данный период представляют предмет настоящего исследования.

Эмпирической базой выступили данные двух волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) – 2020 и 2021 гг.⁷. Мониторинг представляет собой ежегодный общенациональный репрезентативный опрос.

© Сирковская Т.В., 2023

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00480, <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>

² Глава ВОЗ рекомендовал отказаться от курения в условиях пандемии коронавируса. 20 марта 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8040709>

³ Об употреблении табака в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. 27 мая 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Роспотребнадзора. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14549&sphrase_id=4848390

⁴ Салагай О.О. Пандемия COVID-19 и потребление табачной и никотинсодержащей продукции: обзор литературы / О.О. Салагай, Г.М. Сахарова, Н.С. Антонов, Н.М. Стадник // *Общественное здоровье*. 2022. Т.2, № 2. С. 29–39.

⁵ Schäfer A.A. et al. Alcohol Consumption and Smoking During Covid-19 Pandemic: Association with Sociodemographic, Behavioral, and Mental Health Characteristics / A.A. Schäfer, L.P. Santos, M.R. Quadra, S.C. Dumith, F.O. Meller // *Journal of Community Health*. 2022. No 47(4). Pp. 588–597. doi: 10.1007/s10900-022-01085-5.

⁶ Quadri M.F.A et al. Factors associated with an increase in alcohol consumption and tobacco use during the COVID-19 pandemic: A cross-sectional study of data from 105 countries / M.F.A. Quadri, J. Lusher, M.O. Folayan et al. // *Tobacco Induced Diseases*. 2023. No. 21. doi:10.18332/tid/157205.

⁷ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>)

Анализ результатов двух волн опроса показал, что среди россиян в возрасте 18 лет и старше во время пандемии курил каждый четвертый (24%)¹. Средний возраст начала курения был равен $17 \pm 0,10$ годам (хотя купить табачные изделия любого вида в соответствии с законодательством РФ разрешено только после достижения покупателем 18-летнего возраста). Более половины опрошенных (55%) начали курить, не достигнув совершеннолетия.

Среди участников исследования 2019 г. на момент проведения опроса курили 25% респондентов. Разница в 1% не позволяет говорить о том, что в период пандемии в целях эффективной борьбы с коронавирусной инфекцией жители стали потреблять табачные изделия значительно меньше.

Среди различных видов табачных изделий наибольшее предпочтение опрошенными 2020 и 2021 гг. отдавалось сигаретам с фильтром (95,5% опрошенных чаще курят именно их). Отмечая количество сигарет, которые респонденты выкуривают ежедневно, в среднем, это число равняется $15 \pm 0,15$ шт. Всего среди участников исследования когда-либо курил только каждый пятый опрошенный (18%). Опрошенные, кто не курит в данный момент, но курил вообще в своей жизни, в среднем, бросили потребление табачной продукции $8 \pm 0,34$ лет назад. Всего за последние 10 лет бросило курить чуть менее десятой части респондентов (9%).

Хотя бы иногда алкогольные напитки, включая пиво, употребляют 58% участников исследования. Безалкогольное пиво в течение последних 30 дней (на момент проведения опроса) употребляли лишь 4% опрошенных. Примерно половина пьет спиртные напитки до еды, треть – может употреблять алкогольную продукцию независимо от приема пищи. Несмотря на ограничения, введенные в результате распространения коронавирусной инфекции, в ресторанах и барах пил алкогольные напитки каждый третий опрошенный житель, 85% употребляли алкоголь в гостях. Менее предпочтительными обстоятельствами употребления спиртных напитков являются парки, улицы и подъезды, места работы или учебы (только порядка 4% респондентов отмечают, что выпивают в них).

Среди тех, кто указал, что не употреблял спиртные напитки в течение последних 30 дней, 4%, тем не менее, пили пиво, содержащее алкоголь.

Сравнивая долю употребляющих алкогольные напитки респондентов в 2020–2021 гг. с данными за 2019 г., можно отметить лишь незначительное изменение ситуация в лучшую сторону. 60% участников исследования 2019 г. выпивали спиртосодержащую продукцию хотя бы иногда, что на 2% выше, чем в рассматриваемый период распространения COVID-19.

¹ Здесь и далее приводятся средние арифметические значения за 2020 и 2021 гг. Среднее арифметическое рассчитывалось только в тех случаях, когда различия между значениями за 2020 и 2021 гг. не превышали 2%.

Наибольшей популярностью у опрошенных пользуются напитки категории «пиво или брага». Всего хотя бы один из напитков этой категории потреблял каждый пятый¹ (рис. 4).

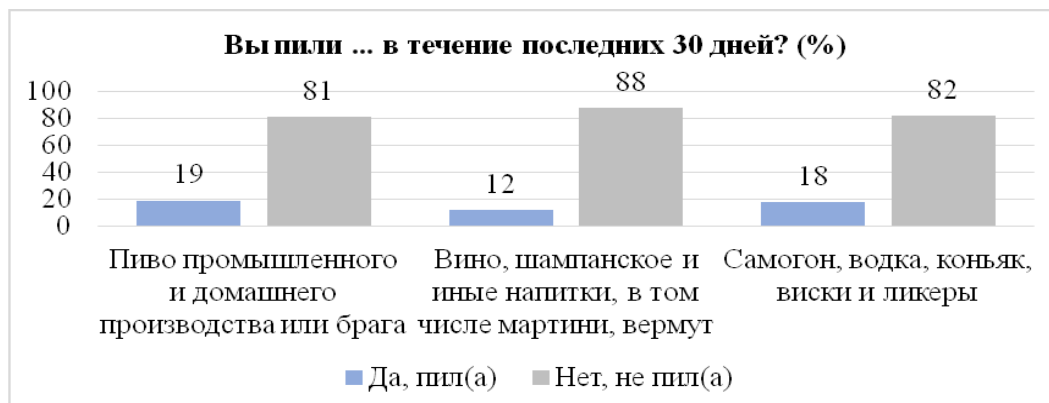

Рис. 4. Потребление алкогольных напитков россиянами в 2020–2021 гг. (% , среднее арифметическое за два года)

При этом абсолютным фаворитом употребляющих алкоголь людей является пиво промышленного производства (рис. 5). Более половины участников опроса (54%) употребляли его в течение последних 30 дней.

Рис. 5. Потребление различных видов алкогольных напитков россиянами в 2020–2021 гг. (% , среднее арифметическое за два года)

¹ В 2020 г. пиво промышленного или домашнего производства, брагу в течение последних 30 дней на момент проведения исследования пили 19,7% опрошенных; домашнее, сухое вино, шампанское или крепленое вино, в том числе мартини, вермут – 12,4%; самогон, водку, коньяк, виски или ликеры – 18,3% респондентов. В 2021 г., аналогично, пиво промышленного или домашнего производства, брагу в течение последних 30 дней на момент проведения исследования пили 18,8% опрошенных; домашнее, сухое вино, шампанское или крепленое вино, в том числе мартини, вермут – 12,1%; самогон, водку, коньяк, виски или ликеры – 17,5% респондентов.

Домашнее пиво и брагу пили лишь менее 1% употребляющих алкоголь опрошенных. Далее по частоте потребления следуют крепкие спиртные напитки: самогон, водка, коньяк, виски и ликеры. Всего среди опрошенных хотя бы один из алкогольных продуктов этой группы пили 18% участников исследования. За последний месяц примерно треть употребляющих алкогольные напитки респондентов чаще отдавала предпочтение водке, около 15% – коньяку, виски или ликерам. Реже опрошенные употребляют алкогольную продукцию секции «вина». Всего 12% всех респондентов отмечают напитки данной категории, а самым востребованным видом алкоголя здесь являются сухие вина и шампанское промышленного производства. Среди потреблявшей алкоголь в течение последнего месяца части участников исследования данные напитки употребляли в среднем 22% респондентов.

В среднем, употребляющие алкоголь респонденты пьют пиво промышленного производства трижды в месяц, в каждый из которых выпивают 1000 ± 17 г напитка. Употребляющие алкоголь респонденты в 2020 г. пили водку, самогон, домашнее и крепленое вино (каждый отдельный напиток) 2 раза в месяц по 200 ± 5 , 250 ± 9 , 200 ± 17 и 250 ± 14 грамм, соответственно. Также 1 раз в месяц употребляли сухое вино или шампанское (средняя порция равнялась 250 ± 9 г), коньяк, виски или ликеры (150 ± 7 г) и коктейли, содержащие алкоголь ($500 \pm 30,5$ г).

Сравнивая ответы участников за две волны исследования (2020 и 2021 гг.), можно отметить незначительное увеличение разовости употребления сухого вина или шампанского участниками исследования. В 2021 г. среднее число дней потребления этих спиртных напитков увеличилось в два раза. Однако частота потребления крепленых вин, в том числе мартини и вермута, сократилась до 1 дня в месяц, вместе с уменьшением выпиваемого объема этих напитков (225 ± 12 г в 2021 г. по сравнению с 250 ± 14 г в 2020 г.).

Сравнив различные группы опрошенных жителей России старше 18 лет, выделим факторы, обуславливающие формирование особенностей потребления алкогольных напитков и курения. Для начала остановимся на социально-демографических характеристиках респондентов.

Мужчины в 5 раз чаще оказываются курящими, нежели женщины (Коэффициент ϕ и V Крамера, меры величины эффекта для критерия независимости хи-квадрат = $0,339$ при $p \leq 0,001$. Коэффициент оценки отношения рисков (шансов) = $5,160^1$). Среди участников двух волн опроса, проводимых в 2020–2021 гг., в среднем, было примерно 42% и 12% курящих мужчин и женщин со-

¹ Здесь и далее значение статистических коэффициентов приводятся по результатам анализа данных за 2020 г. Во всех случаях направленность и сила связи переменных в 2020 и 2021 гг. принципиально не отличались.

ответственно. Девушки позднее начинают потреблять табачную продукцию (Коэффициент ϕ и V Крамера = 0,279 при $p \leq 0,001$. Различия средних значений двух выборок статистически значимы на основании Критерия Манна-Уитни, $p \leq 0,001$), в среднем, уже достигнув $18 \pm 0,25$ лет, тогда как начало курения у юношей происходит ранее – в $16 \pm 0,1$ лет. При этом, не достигнув совершеннолетия, начинают курить около 64% опрошенных юношей и только 49% девушек. Среди опрошенных 2020 г., кто не курит сейчас, но курил когда-либо в прошлом, доля мужчин (38%) значительно превосходит женщин (9%) – в 4,4 раза (Коэффициент ϕ и V Крамера = 0,360 при $p \leq 0,001$. Коэффициент оценки отношения рисков (шансов) = 4,362). Также женщины, участвовавшие в исследовании, в целом выкуривают меньше сигарет в день, чем мужчины (Коэффициент ϕ и V Крамера = 0,292 при $p \leq 0,001$). До 10 сигарет в день выкуривают две трети женщин (60%) и только чуть более трети мужчин.

Рассматривая те же социально-демографические характеристики в качестве предикторов, объясняющих формирование особенностей потребления алкогольных напитков, можно сказать, что в целом в 1,7 раза чаще именно мужчины употребляют спиртосодержащую продукцию, нежели женщины (Коэффициент ϕ и V Крамера = 0,127 при $p \leq 0,001$. Коэффициент оценки отношения рисков (шансов) = 1,702). Среди опрошенных насчитывается около 65% и 53% употребляющих алкоголь мужчин и женщин соответственно. Мужчины чаще пьют алкоголь до основных приемов пищи (Коэффициент ϕ и V Крамера = 0,146 при $p \leq 0,001$) и употребляют спиртные напитки без еды совсем (Коэффициент ϕ и V Крамера = 0,203 при $p \leq 0,001$). Мужчины чаще употребляют алкоголь в «непредназначенных» для этого общественных местах: в парках, на улице и в подъездах (Коэффициент ϕ и V Крамера = 0,116 при $p \leq 0,001$). Среди употреблявших за последние 30 дней крепкие спиртные напитки, такие как водка, коньяк и виски, доля мужчин достоверно выше (Коэффициент ϕ и V Крамера = 0,264 при $p \leq 0,001$. Коэффициент оценки отношения рисков (шансов) = 3,115), как и в случае с потреблением пивной продукции (Коэффициент ϕ и V Крамера = 0,238 при $p \leq 0,001$. Коэффициент оценки отношения рисков (шансов) = 2,628).

Среди группы опрошенных жителей старше 60 лет 86% указывают, что они не потребляют табачную продукцию в настоящее время, и для сравнения, примерно 65% опрошенных от 30 до 50 лет отмечают, что они не курят в повседневной жизни. Молодые люди по частоте встречаемости курильщиков в этой группе занимают середину, так только каждый пятый курит на данный момент. Таким образом, можно заключить, что с возрастом участники опроса чаще отказываются от курения. Отмечая возраст начала курения, отметим, что только около половины респондентов старше 60 лет начали курить, не достиг-

нужно 18 лет, по сравнению с 69% участников опроса в возрасте от 18 до 30 лет в 2020 г. (и 66% – в 2021).

Наиболее «пьющей» среди сформированных возрастных групп¹ являются участники исследования в возрасте от 40 до 50 лет (почти 70% из них хотя бы иногда употребляют алкогольные напитки). Среди выпивающих спиртосодержащую продукцию с возрастом становится значительно меньше делающих это без принятия пищи (Коэффициент Спирмена = 0,150 при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне 0,01). Ровно треть опрошенных, употребляющих алкоголь в ресторанах или барах, а также в парках, на улице и в подъездах, на работе или по месту учебы являются респондентами от 30 до 40 лет. Каждый четвертый, выпивающий в гостях, также является представителем этой же когорты.

Среди всех выделенных возрастных групп больше всего предпочтений продукции категорий «пиво и пивные напитки» и «вино и иная винная продукция» за последний месяц отдавали участники опроса в возрасте от 30 до 50 лет. Суммарно 55% опрошенных данного возраста из тех, кто употреблял пиво домашнего или промышленного производства, или брагу в течение последних 30 дней (и 45% – среди тех, кто пил домашнее или сухое вино, шампанское, крепленое вино). Крепкие высокоградусные виски, коньяк и ликеры предпочитали респонденты в возрасте от 40 до 60 лет. Совокупно 46% среди потреблявших данную продукцию за последний месяц составляли опрошенные данного возраста.

Чем выше уровень образования, тем с большей вероятностью респондент не курит в настоящее время (Коэффициент Спирмена = 0,173 при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне 0,01). Если и потребляет табачную продукцию, то делает это в меньших количествах – $11 \pm 0,3$ сигарет в день, в среднем, по сравнению с $13 \pm 0,3$ или $15 \pm 0,2$ в группах опрошенных со средним специальным или средним общим и ниже уровнем образования, соответственно.

Описывая возраст начала курения, можно отметить, что среди ответивших на данный вопрос респондентов с высшим образованием, не достигнув совершеннолетия начали курить менее половины (47%). Тогда как таких же опрошенных со средним общим уровнем образования и ниже в 2020 г. насчитывалось 65% (60% – в 2021 г.). Таким образом, участники исследования с высшим образованием, в целом начинают курить позднее.

Интересным представляется тот факт, что участники исследования с более высоким уровнем образования чаще оказываются потребляющими алкоголь, нежели респонденты со средним общим или специальным образованием

¹ Исследовательский инструментарий РМЭЗ НИУ ВШЭ включал в себя вопрос, в котором респонденту необходимо было указать собственный возраст числом. Для удобства работы с переменной, она была перекодирована в порядковую шкалу, объединяя респондентов в возрастные группы по 10 лет: 1) 18–29 лет, 2) 30–39 лет, 3) 40–49 лет, 4) 50–59 лет, и 5) группа старше 60 лет.

(Коэффициент Спирмена =(-)0,099 при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне 0,01). Около 67% по сравнению с 55% «хотя бы иногда» употребляют алкоголь в этих группах, соответственно. Опрошенные со средним общим или специальным образованием чаще указывали, что употребляют алкогольные напитки до основных приемов пищи (Коэффициент Спирмена = 0,120 при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне 0,01). Так делают 52% респондентов этой группы по сравнению с 42% участниками с высшим образованием в 2020 г., и около 57% и 50%, соответственно, в опросе следующего года. Они же чаще употребляют алкоголь без еды совсем (32% и 23% опрошенных выделенных в разрезе уровня образования групп соответственно) (Коэффициент Спирмена = 0,120 при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне 0,01). Основываясь на ответах респондентов, можно заключить, что вероятность встретить в ресторанах или барах с алкогольным напитком жителей, получивших высшее образование, несколько выше (Коэффициент Спирмена =(-)0,207 при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне 0,01). Так, например, среди опрошенных, кто выпивает алкоголь в указанных местах, 42% являются жителями, окончившими высшее образование. Респонденты с высшим уровнем образования в течение последнего месяца больше предпочтений отдавали винам, в том числе крепленым, и шампанскому (Коэффициент Спирмена =(-)0,171 при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне 0,01).

Анализируя потребление никотинсодержащей продукции в каждой из сформированных по уровню дохода групп¹, можно заметить, что, в среднем за 2020–2021 гг., среди опрошенных, за месяц зарабатывающих менее 15 тыс. руб. курили 24% респондентов, среди участников исследования с уровнем доходов от 15 до 25 тыс. руб. – 21%; от 25 до 40 тыс. руб. – 28% в 2020 г. (и 25% – в 2021 г.); от 40 до 60 тыс. руб. – 30%; свыше 60 тыс. руб. – 27%. Курящие люди менее удовлетворены собственным материальным положением в настоящее время (коэффициент Спирмена =(-)0,112 при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне 0,01): среди опрошенных таких 63% по сравнению с примерно 54% некурящими.

Чем выше уровень доходов, тем больше вероятность, что в течение последних 30 дней респондент употреблял алкогольную продукцию каждой из

¹ Исследовательский инструментарий РМЭЗ НИУ ВШЭ включал в себя вопрос, в котором респонденту необходимо было подсчитать уровень собственных доходов за последний месяц и указать число («Сколько всего денег в течение последних 30 дней Вы лично получили, считая все: зарплату, пенсии, премии, прибыли, пособия, материальную помощь, случайные заработки и другие денежные поступления?»). Для удобства работы с переменной, она была перекодирована в порядковую шкалу, объединяя респондентов в следующие сформированные по уровню дохода группы жителей: 1) менее 15 тыс. руб., 2) 15–25 тыс. руб., 3) 25–40 тыс. руб., 4) 40–60 тыс. руб. Для расчета переменной, отражающей уровень дохода опрошенных в 2021 г., данные были проиндексированы в ценах 2020 г., и после респонденты были сгруппированы таким же образом.

выделенных категорий: «пиво и пивные напитки», в том числе безалкогольное (Коэффициент Спирмена = $-0,112$ при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне $0,01$), «шампанское и винные изделия» (Коэффициент Спирмена = $-0,129$ при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне $0,01$) и «высокоградусные крепкие напитки (виски, коньяк или ликеры)» (Коэффициент Спирмена = $-0,100$ при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне $0,01$).

Наиболее «пьющими» по процентному соотношению потребляющих и не потребляющих алкогольные напитки выступают опрошенные с уровнем доходов от 40 до 60 тыс. руб. (76% респонденты этой группы участвовавших в исследовании 2020 г. хотя бы иногда употребляют алкогольные напитки, годом позже – только 73%). Меньше всего в целом пьют участники исследования с уровнем заработной платы ниже 15 тыс. руб. (только примерно половина респондентов).

С увеличением уровня доходов в группах возрастает количество опрошенных, выпивающих алкоголь в ресторанах или барах (коэффициент Спирмена = $(-0,228)$ при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне $0,01$). Среди респондентов, получающих более 60 тыс. руб. ежемесячно в 2020 г. таких наблюдалось 59% (и 55% в волне мониторинга 2021 г.), сравнивая с 23% в 2020 г. (и 27% в 2021 г.) для группы с уровнем доходов менее 15 тыс. руб. Весьма слабые изменения в посещении общественных мест для употребления алкогольных напитков могут являться следствием развития ситуации распространения COVID-19 в России в этот период времени.

Образ жизни и экономико-географические факторы влияют на формирование особенностей курительного поведения и потребления алкогольных напитков. Смена места жительства, например, переезд в другой населенный пункт являются одним из предикторов курительного поведения. Так респонденты, лишь недавно переехавшие в другой населенный пункт, с большей степенью вероятности употребляют табачную продукцию (коэффициент Спирмена = $-0,118$ при $p \leq 0,001$, корреляция значима на уровне $0,01$). Данная зависимость, можно предположить, связана с фактором стресса, возникающего в связи со сменой привычного образа жизни, места работы или учебы и социального окружения, снижающего у уже обжившихся на новом месте жителей. В городах доля курящего населения несколько больше, чем в селах и деревнях: среди опрошенных горожан курит в настоящее время каждый четвертый, а среди сельчан и жителей поселков городского типа в среднем – 21% респондентов.

Среди участников опроса, родившихся в городах, 63% пьют алкогольные напитки хотя бы иногда, тогда как в группе родившихся в селах и деревнях употребляют алкоголь только чуть более половины респондентов (55%).

Наиболее распространенными среди участников исследования религиями и иными верованиями являются православие, которое исповедуют в среднем 82% опрошенных, и мусульманство – 7,5%. Доля респондентов, кто не относит себя ни к какой из религий, равняется около 10%. Самыми курящими среди них оказались атеисты и неверующие (из них курит каждый третий). Далее следуют православные христиане, каждый четвертый из которых употребляет табачную продукцию и 60% употребляют алкогольные напитки. Реже всего курящими являются мусульмане, только 9% которых курит в повседневной жизни. В большей мере употребляющими алкоголь также оказываются не причислившие себя ни к одной из религий или исповедующие православие (среди последних в среднем 63% пьют алкоголь хотя бы иногда), реже употребляют спиртные напитки мусульмане, из которых пьет только каждый пятый.

Сферами профессиональной занятости, чьи работники курят больше других на 2020 г., являются: 1) строительство, 2) сельское хозяйство, 3) жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), 4) транспорт и связь (среди занятых в этих профессиональных секторах опрошенных жителей курят примерно 53%, 45%, 44% и 41% соответственно) (коэффициент ϕ и V Крамера = 0,257 при $p \leq 0,001$) (табл. 5). Меньше всего курят: 1) сотрудники органов управления, 2) сферы здравоохранения и 3) образования (15%, 15% и 12% употребляющих табак среди работников указанных отраслей соответственно). В 2021 г. лидирующими отраслями по процентному соотношению курящих сотрудников являлись строительство (где 53% работников употребляют табачные изделия), гражданское машиностроение и сфера ЖКХ (по 43% среди сотрудников каждой), транспорт и связь (42%), сельское хозяйство (41%).

Чаще всего в 2020 г. употребляли алкоголь занятые в сфере строительства и отраслях тяжелой промышленности (из них 80% выпивающих алкоголь среди каждой профессиональной группы) и транспортной отраслей (76%) (коэффициент ϕ и V Крамера = 0,137 при $p \leq 0,001$). В опросе 2021 г. резко выделяются исключительно рабочие строительных предприятий и организаций, 77% которых употребляет алкоголь в повседневной жизни. Реже всего выпивавшими спиртосодержащие напитки в течение последнего месяца в 2020 г. являлись работники сферы здравоохранения (66% из которых употребляли алкоголь), образования (61%) и сельского хозяйства (58%), а в 2021 г. – только последних (63% и 60% употребляющих алкогольные напитки соответственно) и, ранее не указанной здесь, сотрудники органов управления (61%).

**Доли курящих и употребляющих алкогольные напитки опрошенных
среди занятых в различных отраслях экономики в 2020–2021 гг.
(%, среднее арифметическое за два года)**

Отрасль экономики	% курящих		% употребляющих алкогольные напитки	
	2020	2021	2020	2021
Строительство	53,2	53,0	80,0	77,1
Сельское хозяйство	44,7	41,2	58,3	60,1
Жилищно-коммунальное хозяйство	43,9	43,1	76,9	67,3
Транспорт, связь	41,1	41,9	75,8	73,5
Легкая и пищевая промышленность	39,8	37,5	75,2	70,8
Гражданское машиностроение	39,6	42,9	73,0	76,5
Другая отрасль тяжелой промышлен- ности	38,1	39,9	79,6	72,7
Нефтегазовая промышленность	35,7	33,0	78,8	67,8
Военно-промышленный комплекс	33,3	33,9	71,9	72,9
Армия, МВД, органы безопасности	32,6	31,0	71,9	71,8
Торговля и бытовое обслуживание	32,1	32,0	72,5	70,5
Энергетическая промышленность	30,2	37,6	71,9	73,1
Наука и культура	24,6	16,3	69,8	67,6
Финансы	18,5	11,0	75,2	68,1
Органы управления	15,2	14,0	66,7	61,0
Здравоохранение	14,9	15,2	66,0	68,3
Образование	11,5	11,5	61,3	63,0

Описывая особенности спортивных практик, выполняемых каждой группой в сравнении как элемента здоровьесберегательного поведения, можно говорить о том, что среди употребляющих табачную продукцию респондентов 63% в среднем за анализируемый период (и в группе выпивающих алкогольные напитки – 59%) выполняют легкие физкультурные упражнения для отдыха или упражнения средней или высокой тяжести менее трех раз в неделю, по сравнению с 55% некурящими и 55% (в 2020 и 52% – в 2021 г.) непьющими респондентами. Ежедневно физкультурой занимаются 33 и 41% курящих и некурящих (и 37% употребляющих и 45% не употребляющих спиртную продукцию в повседневной жизни) опрошенных жителей соответственно.

Опрошенные, имеющие **хронические заболевания**, например, *болезни эндокринной системы, диабет или повышенный сахар крови* курят (по частоте встречаемости курящих респондентов в этой группе больных) в приблизительно-

но 2,5 раза реже¹ (Коэффициент ϕ и V Крамера = $(\pm)0,098$ при $p \leq 0,001$. Коэффициент оценки отношения рисков (шансов) = 0,454); *сердца* – в 2 раза реже (14% по сравнению с 26% курящих среди тех, кто отмечает и не указывает наличие подобных тяжелых болезней соответственно) (коэффициент ϕ и V Крамера = $(\pm)0,106$ при $p \leq 0,001$; коэффициент оценки отношения рисков (шансов) = 0,515); *варикозное расширение вен и заболевания почек* – в 1,7 раза реже (коэффициент ϕ и V Крамера = $(\pm)0,071$ и $(\pm)0,055$, соответственно, при $p \leq 0,001$; коэффициент оценки отношения рисков (шансов) = 0,606 и 0,636), *суставов* – в 1,5 (коэффициент ϕ и V Крамера = $(\pm)0,088$ при $p \leq 0,001$; коэффициент оценки отношения рисков (шансов) = 0,661) (см. Табл. 6).

Участники опроса, употребляющие табачную продукцию, в 1,7 раза чаще обращают внимание на наличие у них гипертонической болезни или повышенного артериального давления (Коэффициент ϕ и V Крамера = $(\pm)0,133$ при $p \leq 0,001$. Коэффициент оценки отношения рисков (шансов) = 0,591).

Таблица 6

Процентная доля курящих в каждой среди групп, имеющих и не имеющих хронические заболевания (%)

Класс хронических заболеваний	% курящих среди тех, кто имеет заболевания	% курящих среди тех, кто не имеет заболевания	Значение коэффициента отношения шансов
Заболевания эндокринной системы, диабет или повышенный сахар крови	12	26	0,454
Заболевания сердца	14	26	0,515
Заболевания почек	16	25	0,636
Варикозное расширение вен	16	25	0,606
Заболевания суставов	18	26	0,661

Опрошенные, имеющие хронические заболевания *сердца*, также выпивают (по частоте встречаемости употребляющих алкоголь участников исследования в этой группе больных) в 1,5 раза реже: 40% употребляющих по сравнению с 61% не употребляющих алкоголь (Коэффициент ϕ и V Крамера = $(\pm)0,154$ при $p \leq 0,001$. Коэффициент оценки отношения рисков (шансов) = 0,656). Иные обнаруженные взаимосвязи практик поведения, связанных с употреблением спиртосодержащих напитков, и наличия у респондентов хрониче-

¹ Здесь и далее акцент делается на соотношении долей курящих (выпивающих алкогольную продукцию) в группах, имеющих и не имеющих хронические заболевания. В работе приведены исключительно взаимосвязи, в которых соответствующие доли более чем в 1,5 раза выше в группах, имеющих хронические болезни, нежели не имеющих их (обратной зависимости обнаружено не было).

ских заболеваний являются менее выраженными в соотношении долей выпивающих алкогольную продукцию в группах, имеющих и не имеющих каждое хроническое заболевание.

Можно заключить, что отказ от курения и употребления алкогольных напитков в ряде описанных выше случаев выступает не как фактор здоровьесберегающего поведения, а как следствие. Это формируемая стратегия «не усугубить» тяжелое состояние или восстановить находящееся в критическом состоянии здоровье. Именно этим можно объяснить сравнительно меньшие доли курящих среди имеющих перечисленные выше хронические заболевания. Опрошенные, имеющие хронические онкологические заболевания, реже оказываются курящими (приблизительно 17% респондентов с выявленным онкозаболеваниями курят в настоящее время, тогда как среди не имеющих их курит каждый четвертый) или употребляющими алкогольные напитки в повседневной жизни (аналогично в группе «онкобольных» выпивают алкоголь 44% участников исследования, тогда как в группе «здоровых» – 59%). Аналогичные взаимосвязи выстраиваются и для опрошенных, которым назначена какая-либо группа инвалидности.

Таким образом, подводя итоги, лишний раз подчеркнем, что социально-демографические факторы оказывают влияние на уровень курения и употребления алкоголя. Экономические предикторы также играют важную роль, определяя практики курения и употребления алкогольных напитков. Чаще других групп населения курят: 1) мужчины (пол), 2) опрошенные, имеющие средний и ниже уровень законченного образования (уровень образования), 3) респонденты, проживающие совместно с партнером, но не зарегистрированные официально (семейный статус и положение), и 4) участники исследования со средним уровнем доходов около 25-40 тыс. рублей (уровень доходов). Мужская часть и опрошенные жители в возрасте от 40 до 50 лет с более высоким уровнем образования, проживающие совместно с партнером, но не зарегистрированные официально, со средним уровнем доходов около 40-60 тыс. руб. также чаще других групп населения и употребляют алкогольные напитки.

Курение и употребление алкоголя негативно влияет на здоровье человека, вызывая множество заболеваний, таких как рак, заболевания сердца и легких. При этом курящие и употребляющие алкоголь часто недооценивают свое состояние здоровья, могут не обращать внимания на предупреждения касательно негативных последствий, в том числе реже посещают медицинских специалистов для осмотра и выявления проблем со здоровьем, включая хронические заболевания.

ГЛАВА 3. МОЛОДЕЖЬ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С.С. Соловьев

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА МОЛОДЕЖИ

Протекающие в современном обществе глобализационные процессы увеличивают экономический разрыв между наиболее развитыми странами и странами «третьего мира». Глобализация, как большинство социальных процессов, протекающих в обществе, имеет как позитивные, так и негативные последствия. К наиболее болезненным последствиям можно отнести рост безработицы, экологические проблемы, утрату национального и исторического наследия отдельных культур, доминирование массовой культуры над национальной и этнической, ассимиляция этносов и народностей. По мнению некоторых ученых¹, глобализация негативно влияет и на культурный капитал отдельно взятых обществ. Однако, в современном мире каждое государство так или иначе включено в процессы глобализации, без этого невозможно представить его развитие, да и само существование. Таким образом возникает проблема: как сохранить и приумножить культурный капитал населения, оставаясь в глобальном мире.

Институт образования, среди прочих функций, формирует, и позволяет накапливать культурный капитал². По мнению одного из наиболее влиятельных социологов XX века, Пьера Бурдьё, культурный капитал следует рассматривать как объем знаний, навыков и представлений (в виде понимания и внутренних аргументаций), который человеку удалось наработать в течении жизни.³ Роль культурного капитала в общественной жизни велика: он влияет на накопление индивидом других форм капитала, позволяет конвертировать их и реализовывать. Кроме субъективной полезности для индивида, культурный капитал важен и для общества в целом. Его развитие способствует накоплению наследия нации, что сохраняет ее идентичность.⁴

© Соловьев С.С., 2023

¹ Лушникова О.Л. Роль социокультурного капитала в условиях глобализации / О.Л. Лушникова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2016. Т. 11, № 4 (158). С. 76–81.

² Нестерова Д.В. Инвестиции в образование как фактор экономического роста / Д.В. Нестерова // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. 2004. Вып. 1. С. 61–70.

³ Бурдьё П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.

⁴ Герасимова И.А., Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации / И.А. Герасимова, В.Ю. Ивахнов // Сервис Plus. 2017. Т. 11, № 2. С. 66–75.

Существуют разные способы формирования и накопления культурного капитала. Социальные установки и ценности, являющиеся элементами культурного капитала, накапливаются посредством воспитания в определенных условиях и проживания в конкретной социальной среде. Культурный капитал может быть унаследован, его формирование зависит от территориальной принадлежности индивида. Но главными составляющими наращивания культурного капитала являются процесс обучения и уровень образования человека.

Современная социология выделяет три состояния культурного капитала: инкорпорированное, институционализированное и объективированное. Инкорпорированный культурный капитал – «длительные диспозиции ума и тела»¹, требует собственных усилий по самосовершенствованию. Прилагая усилия по освоению культуры индивид не может делегировать этот процесс и вынужден затрачивать собственные время и силы. Такой капитал не может быть отчужден и, следовательно, немедленно конвертирован в другие формы капитала. Однако он может быть необходим для достижения определенных целей. Например, невозможно управлять автомобилем, не имея соответствующих знаний; для поступления в университет необходимо сдать экзамены. Инкорпорированный культурный капитал можно измерить через внешние проявления, например, высокая эрудиция, профессиональные знания или умение ценить произведения искусства демонстрируют наличие высокого уровня культурного капитала.

Объективированный культурный капитал связан с обладанием материальными предметами культуры. Такой капитал может быть передан и конвертирован, например, в экономический. Он не зависит от сознания индивида, а значит, обладание объективированным капиталом не говорит о наличии у его владельца высокого уровня культурного капитала. Приобретая предмет искусства, например картину, индивид не получает способность культурно потреблять, наслаждаться ей. Объективированный культурный капитал тесно связан с инкорпорированным – не обладая последним, индивид не может в полной мере реализовать свои возможности относительного первого.

Институционализированный культурный капитал выражается в признаний статуса его обладателя. Знания, умения и навыки, которыми обладает индивид, могут ставиться под сомнение, в то время как институциональное закрепление определенного статуса признается обществом, делает его легитимным. Институционализированный культурный капитал является объективацией инкорпорированного культурного капитала в форме академических квалификаций. Он формально независим от индивида и может выступать мерой «ценности» в обществе. Так, при приеме на работу необходимо принести документы,

¹ Шилова А.А. Знания и квалификации в качестве предпосылки к созданию инноваций / А.А. Шилова, Я.А. Якименко // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2022. № 1(6). С. 161–167.

подтверждающие квалификацию; заработная плата может зависеть от уровня квалификации, наличия статусных атрибутов. Таким образом, институционализированный культурный капитал может быть рассмотрен, как форма обмена между культурным и экономическим капиталом, имеющим гарантированную стоимость.

Отдельного внимания заслуживает изучение специфики развития культурного капитала молодежи, поскольку именно она, по мнению не только социологов, но и высшего руководства страны является «будущим российского государства», его потенциальным ресурсом.

Существуют разные подходы к определению молодежи, как социальной группы. Российское законодательство трактует молодежь как социально-демографическую группу лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (согласно ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»). Данная группа обладает своими, присущими только ей, характерными чертами: наибольшая динамичность, специфические ценности, активная социализация и др. Однако, сама молодежь внутренне неоднородна, что позволяет выделять виды молодежи по разным критериям.

Так, по месту проживания можно выделить сельскую молодежь, проживающую в населенных пунктах с численностью не более 1000 человек, и городскую молодежь, проживающую в городах и поселениях с численностью свыше 1000 человек.

Молодежь по семейному положению может быть рассмотрена как молодая семья, когда оба супруга не достигли 35 лет и после заключения брака прошло не более трех лет и молодежь вне брака.

По основному виду деятельности молодежь может быть представлена как учащаяся, основной вид деятельности которой заключается в обучении на дневных отделениях, и работающая молодежь, трудоустроенная по договору и имеющая официальный доход.¹

По интересам, молодежь может быть представлена, как: спортивная, те кто профессионально занимается спортом или делает это ради собственного удовольствия; интеллектуальная, молодые ученые, изобретатели, получающие послевузовское образование; религиозная, последователи религии, интересующиеся и практикующие религиозные традиции и обряды; политическая, социально-ориентированная, создающая и реализующая проекты, направленные на социальные изменения в обществе и др. Данная классификация связывает инте-

¹ Накашидзе Д.Д. Молодежь как особая социально-возрастная группа в современном обществе [Электронный ресурс] / Д.Д. Накашидзе // Science Time. 2016. № 8 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kak-osobaya-sotsialno-voznrastnaya-gruppa-v-sovremennom-obschestve>

рессы молодежи с теми сферами общества, через которые индивиды будут формировать и наращивать свой культурный капитал.

С точки зрения формирования культурного капитала наиболее интересной для изучения представляется учащаяся молодежь, так как именно институт образования осуществляет целенаправленное развитие качеств личности, способствует усвоению знаний, получению умений и навыков.

На каждом уровне образования происходит формирование культурного капитала, но для специального образования (ссузы и вузы) характерна большая индивидуальность. Студенты при поступлении выбирают направление подготовки, которое в будущем может стать профессией, определяются с наиболее интересными формами внеучебной деятельности, кругом научных интересов. Обучение в высших учебных заведениях повышает самостоятельность студентов: снижается родительский контроль, появляется необходимость самостоятельного освоения материал. Именно на начало обучения в вузе приходит и совершеннолетие, а значит – новые права, и обязанности, а также ответственность за свои поступки.

Основными функциями университета, как элемента института образования, являются передача знаний и профессиональная социализация молодых людей. Реализуя эти функции, он способствует и наращиванию культурного капитала студентов. Приобретая новые знания и компетенции, студент накапливает культурный капитал в инкорпорированном состоянии. Обучение в университете способствует расширению кругозора, формирует критическое мышление, умение выявлять причинно-следственные связи. Также студенты получают специфические знания, умения и практические навыки, связанные с их специализацией, формируется их ценность, как будущих специалистов, которые займут определенное место в обществе.

Получаемые в университете академические квалификации являются институционализированным состоянием культурного капитала. Одним из обязательных результатов обучения в вузе является написание дипломной работы, содержащей итоги самостоятельной теоретической и практической работы студента, которые оценит экспертная комиссия и присвоит выпускнику соответствующую квалификацию. В процессе обучения студент занимается научной деятельностью, результаты которой могут привести к написанию статей, участию в конференциях, публикации в сборниках и журналах, а значит – к получению признания в форме сертификатов, свидетельств и т. д. Система образования поддерживает участие в спортивных состязаниях, например Универсиада, различные региональные и городские соревнования для студентов победители и призеры которых получают общественное признание и его институциональное подтверждение. Кроме того, студенческая самодеятельность так же

позволяет накапливать данный вид капитала. Всероссийская студенческая весна, региональные, внутри вузовские весны привлекают большое количество участников, соревнующихся в различные номинациях и получающих награды и дипломы за победы. Все эти мероприятия относятся к внеучебной деятельности, которая является неотъемлемой частью образовательного процесса любого вуза.

В современной социологии существует два основных подхода к рассмотрению внеучебной деятельности: в качестве элемента образовательного процесса и как механизм личностного роста студента. Сторонником первого подхода является Н. С. Бейлина¹, которая в своих работах рассматривает внеучебную деятельность как базу профессиональных компетенций студентов вне учебы. Эта деятельность имеет тесную связь с образовательным процессом, поскольку является совокупностью преобразующих действий, которые развивают навыки, связанные с получаемыми знаниями в университете.

Второй подход к внеучебной деятельности в своих работах раскрывает И. Н. Бригинец. Она определяет внеучебную деятельность как: «форму организации студентов с целью добиться самореализации личности студента в научно-исследовательской деятельности, студенческом самоуправлении, художественно-творческой деятельности»². Согласно этому определению, внеучебная деятельность позволяет студенту формировать свой культурный капитал безотносительно знаний, получаемых в университете. Развиваясь во внеучебной деятельности студент накапливает инкорпорированный культурный капитал, основанный на реализации себя в различных сферах общественной жизни, но не связанный с академическими знаниями и университетской специальностью. Т. Л. Иванайская³, подтверждает этот вывод, считая, что внеучебная деятельность имитирует будущее поле деятельности, которое предстоит пройти студенту после обучения в университете. Занимаясь внеучебной деятельностью студент сталкивается с новыми задачами и проблемами, которые приходится решать самостоятельно. Таким образом накапливается новый опыт и знаний, которые могут пригодиться после окончания университета при выборе профессии и жизненного пути в целом. Этот опыт и знания также могут быть рассмотрены как культурный капитал.

Система высшего образования в России выстроена таким образом, что внеучебная деятельность является ее неотъемлемой частью. В каждом универ-

¹ Бейлина Н.С. Формирование социальной компетентности будущих бакалавров в деятельности куратора студенческой группы: дис. ... канд. пед. наук / Н.С. Бейлина. Тольятти, 2014.

² Бригинец И.Н. Развитие лидерских качеств студентов туристского вуза во внеучебной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук / И.Н. Бригинец. М, 2010.

³ Иванайская Т.Л. Внеучебная деятельность как фактор профессионального самоопределения студента: дис. ... канд. пед. наук / Т.Л. Иванайская. Оренбург, 2010.

ситете существуют подразделения, основная задача которых сводится к организации внеучебной деятельности студентов. Эта деятельность включает спортивные, научные, творческие мероприятия и проекты, к участию в которых активно привлекаются студенты. Основная задача таких мероприятий – дать студентам возможность всесторонне развиваться, а значит и накапливать свой культурный капитал в том числе.

Внеучебная деятельность в Пермском Государственном Национальном Исследовательском Университете реализуется в четырех направлениях: спортивное, научное, творческое и деятельность, связанная с развитием личностных качеств. Каждое направление реализуется как на уровне всего факультета, так и на каждом факультете. Студенты активно включены в этот процесс и для каждого направления существует студенческий комитет с председателем, ответственным за реализацию плановых мероприятий.

Спортивная деятельность реализуется через проведение межфакультетских соревновательных мероприятий, совместных тренировок, а также формирования университетских сборных для участия во внешних соревнованиях. На базе студенческого дворца культуры университет существуют творческие объединения по разным направлениям искусства, также ежегодно проводятся студенческие весны и весны первокурсников. Для реализации научной деятельности на факультетах сформированы студенческие научные общества, на базе которых проходят мастер-классы, регулярно проводятся студенческие научные конференции. За развитие личностных качеств студентов отвечают профсоюзное бюро и студенческий актив. Они организуют мастер-классы, занимаются наставничеством и тьюторством, проводят культурно-массовые мероприятия и школы лидерства.

Для изучения влияния внеучебной деятельности на культурный капитал студентов ПГНИУ в 2023 г. было проведено фокус-групповое исследование среди участников четырех комитетов внеучебной деятельности. Участники группы, сами являясь студентами, могут оценить процесс формирования культурного капитала «изнутри», при этом они обладают знаниями о том, как этот процесс формирует в подведомственных им комитетах.

В качестве поощрения занятием внеучебной деятельностью были выделены грамоты, сертификаты, дипломы – элементы институционализованного состояния культурного капитала, и возможность принять участие в значимых для студента мероприятиях (культурно-массовые, научные спортивные и другие мероприятия), что, в свою очередь, можно считать проявлением инкорпорированного состояния культурного капитала.

В качестве субъективной выгоды от внеучебной деятельности. Были отмечены полезные знакомства, дополнительные компетенции, знания, умения,

развитие личностных качеств. Полезные знакомства следует рассматривать как элемент социального капитала индивида. По мнению Бурдье, социальный капитал может быть конвертирован в других формы капитала и в культурный капитал, в частности, следовательно, можно говорить о наличии опосредованной связи между заведением полезных знакомств и развитием культурного капитала студентов. Получение дополнительных компетенций, знаний и умений само по себе является увеличением культурного капитала. Развитие личностных качеств было рассмотрено очень широко, но, в числе прочего, были отмечены лидерские качества и чувство ответственности, в конечном счете, можно говорить о наличии общественного признания – инкорпорированном состоянии культурного капитала.

Молодежь, являясь специфической социальной группой, характеризуется состоянием лабильности, неустойчивости и маргинальности. Исходя из этого, первой специфической особенностью процесса формирования культурного капитала молодежи можно назвать его динамичность и изменчивость. Специфический образ жизни, небольшой жизненный опыт, формирующаяся система ценностей, появление новых возможностей – все это влияет на процесс формирования культурного капитала. Переоценка ценностей, появление новых интересов могут изменить процесс усвоения знаний и навыков, переориентировать его, ускорить или замедлить. Так, например, увлечение студенческой самодеятельностью может сместить акценты культурного капитала в сторону искусства, а участие в научной конференции – в сторону научного знания.

Вторая особенность заключается в том, что формирование культурного капитала происходит в его потенциальном состоянии. В процессе получения образования обучающиеся усваивают знания и умения, формируют навыки, которые будут применяться, преимущественно в трудовой деятельности, то есть уже после окончания учебного заведения. В зависимости от погруженности в образовательный процесс, школьники и студенты неодинаково формируют свой культурный капитал. Г. Беккер¹ в своих работах отмечал, что экономическая выгода, в конечном счете, зависит от продолжительности и качества образования. Таким образом, получение образования, как специфическая форма занятости студентов, является важным фактором формирования их культурного капитала.

Третья особенность формирования культурного капитала молодежи связана с его институциональным характером. В системе образования существуют нормы и стандарты, которые общество, считает необходимыми для индивида. Кроме того, для системы образования характерен контроль усвоения знаний и

¹ Самарина И.С. Особенности формирования культурного капитала студенческой молодежи / И.С. Самарина // Вестник Поволжского института управления. 2009. № 2(19). С. 147–153.

навыков посредством системы оценивания, существуют определенные требования к их минимальному набору. Окончание школы, поступление в средне-специальные и высшие учебные заведения, а также их окончание связаны с экзаменами – то есть оценкой знаний, умений и навыков, сформированных в процессе получения образования. Следовательно, общество определяет и контролирует процесс формирования культурного капитала.

Таким образом, институционализированный культурный капитал увеличивается за счет общественного признания результата деятельности в виде грамот, дипломов, сертификатов. Инкорпорированный культурный капитал увеличивается за счет приобретения дополнительных знаний, умений и навыков, полученных в процессе внеучебной деятельности.

Развитие внеучебной деятельности в рамках получения высшего образования, расширение ее форм и видов, поощрение к занятию внеучебной деятельностью ведет к увеличению культурного капитала студенческой молодежи.

ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ К ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Стратегические приоритеты государственной молодежной политики на период до 2025 г.¹ подчеркивают необходимость формирования личности, способной адаптироваться к постоянно меняющимся условиям. Основы данной политики были приняты еще в 2014 г., и на протяжении всех этих лет трансформации современного российского общества, выступающие в качестве ответной реакции на изменения и вызовы внешней среды, подтверждали необходимость развития данной компетенции. Вместе с тем, результаты исследования 2020 г., проведенного Фондом «Общественное мнение», указывают на то, что 40% молодых людей от 18 до 30 лет чувствуют себя неуверенно, когда думают о своем будущем².

Современные реалии вновь актуализируют и обостряют противоречия между традиционным и современным, между нормативным и отклоняющимся, между коллективным и индивидуальным и т. п. В свою очередь это обуславливает очередной пересмотр представлений относительно возможных альтернатив развития и степени обусловленности индивидуального выбора в процессе адаптации, поскольку такая адаптация не всегда протекает в однозначных и нормативных для конкретного общества рамках³, но предполагает и в существенной мере обуславливается субъективным восприятием происходящих изменений.

Молодежь, как транзитивная в силу своего возрастного социального статуса, совокупность лиц, представляет собой наиболее уязвимую часть населения, процессы адаптации которой требуют особого внимания. С одной стороны, молодые люди уже вышли из-под опеки структур первичной социализации, приобрели свободу выбора, которая на практике сталкивается с ограничивающими влияниями институтов социального контроля. С другой стороны, молодые люди еще не выработали определенных установок и позиций, но уже сталкиваются с необходимостью принятия жизненных решений относительно раз-

© Безруков А.В., 2023

¹ Распоряжение от 29 ноября 2014 года N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420237592>

² Удовлетворенность жизнью и настроения [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14422>.

³ Мертон Р.К. Социальная структура и аномия / Р.К. Мертон // Социология власти. 2010. № 4. С. 212–223.

нообразных жизненных вопросов и противоречий социокультурной, социально-политической и социально-экономической динамики общественного развития.

Таким образом, адаптация молодежи к меняющимся условиям внешней среды всегда и неизбежно проявляется как самоопределение относительно противоречивых альтернатив дальнейшего развития.

Тематика самоопределения рассматривается в тесной взаимосвязи с такими понятиями как социализация, идентификация и выбор, что находит отражение в авторских интерпретациях и подходах к исследованию.

По отношению к категории самоопределение социализация выступает более общим понятием. Первичная социализация как процесс интернализации доминирующих образцов деятельности обеспечивает стартовые условия для будущего самоопределения. На этапе вторичной социализации проявляется избирательное отношение индивида к миру. Следовательно, переход от одной стадии социализации к другой предполагает смещение позиции индивида от объекта социализации к активному субъекту самоопределения.

Идентификация включает момент своеобразной специализации социализации, ее сужение посредством концентрации внимания и деятельности индивида на социокультурных образцах приписываемых ему социальных ролей, на осознаваемой им принадлежности к определенным социальным группам по различным основаниям. Результатом идентификации является формирование достигнутой идентичности, в которой «максимально реализуются интегративные процессы формирования личности»¹. При этом выделяются два параметра измерения идентичности²: 1) сила идентичности, т. е. степень ее достижения, и 2) открытость, т. е. готовность меняться и принимать новое из окружающей среды. В результате соотношения этих параметров индивид конструирует в различной степени открытые и стабильные модели идентификации. Вместе с тем, обозначенные параметры фиксируют принципиально различные интерпретации адаптации.

Тенденция к стабильности связана со стремлением поддерживать и сохранять образец исходной (общественно-предписанной или уже сконструированной индивидом) идентичности. В результате, абсолютизация первого параметра предполагает некий нормативный подход к интерпретации адаптации, наличие своеобразного идеального плана и стратегии адаптации для всех субъектов, перед которыми встает необходимость адаптации. Другими словами, сила идентичности означает, что в процессе адаптации перед индивидом не будет

¹ Цит. по: Никишина В.Б. Методика исследования личностной идентичности: методология и технология стандартизации / В.Б. Никишина, Е.А. Петраш // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 6(177). Вып. 21. С. 254–261.

² См. подробнее об этом: Антонова Н.В. Самоопределение как механизм развития идентичности / Н.В. Антонова, В.В. Белоусова // Педагогика и психология образования. 2011. № 2. С. 87–88.

возникать проблема выбора, поскольку его идентичность определяет все последующие выборы.

Именно поэтому российские власти обеспокоены вопросами патриотического воспитания молодежи и формирования соответствующей модели идентичности, с целью ее определяющего воздействия на прочие основания идентификации и индивидуального выбора молодым человеком. В этом отношении опросы общественного мнения демонстрируют вполне нормативную систему гражданской идентификации молодежи. Согласно данным Фонда «Общественное мнение» 2022 г. 75% молодых людей считают себя патриотами¹. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 2022 г. 83% молодежи идентифицируют себя как «граждане РФ»². Однако приносить пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной, политической жизни, хотели бы только 26% опрошенных молодых людей. Более половины в этом отношении желают добиться высокого уровня благополучия (58%) и жить спокойно, работая и заботясь о своей семье (54%).

Тенденция к открытости, наоборот, обеспечивает расширение исходной идентичности посредством изменения ее идеального, т. е. исторически сложившегося в обществе, образца или конструирования совершенно новых и даже противоположных образцов идентификаций, поскольку принципы прежней идентичности уже не позволяют успешно функционировать в изменившихся условиях. Абсолютизация этого (второго) параметра в перспективе формирует угрозу размывания изначально заданной, ранее усвоенной или сформированной сильной идентичности.

Следовательно, аналогично социализации в процессе идентификации логично различать «первичный» уровень предписанных, ожидаемых и социально одобряемых образцов, а также «вторичный» уровень избираемых образцов. Переход от одного уровня идентификации к другому предполагает смещение направленности формирования идентичности индивида от соотношения себя с общепризнанными образцами к соотношению себя с ранее сделанным выбором, т. е. к активной автономизации и личностной обусловленности жизненного выбора.

Таким образом, через понятие выбора, реализуемого в процессе социализации и идентификации, большинство авторов рассматривают категорию самоопределение. Выбор выступает ответом на специфические условия жизни, отражается в комплексе оценочных суждений и выражает цели индивида, его личностные и социальные потребности. Однако важной характеристикой выбо-

¹ Патриотизм и патриоты [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14733>.

² Ценности молодежи [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>.

ра в процессе адаптации является его проблемность. Во-первых, проблема выбора всегда внешне обусловлена стремящимся к бесконечности многообразием альтернатив выбора, а значит и самоопределения. Во-вторых, она внутренне обусловлена знанием и пониманием самого себя, своих потребностей и возможностей, т. е. осознанностью и последовательностью самоопределения. В-третьих, проблема выбора обусловлена необходимостью соотношения личных потребностей и стремлений с социальными требованиями и имеющимися возможностями их удовлетворения, т. е. соотношением индивидуального и общественного, а также желаемого, должного и объективно-необходимого.

В зависимости от преимущественного акцента на определенной стороне детерминации выбора молодого человека, а также от интерпретации пространства этого выбора, можно говорить о четырех основных теоретико-методологических подходах¹ к самоопределению молодежи.

Структурно-позитивистский подход подчеркивает строгую детерминацию выбора, осуществляемого самоопределяющимся индивидом, со стороны принуждающих общественных структур, которые с функциональной точки зрения призваны обеспечивать превращение асоциального по природе человека в социальное существо, способное к совместным действиям, обеспечивающим сохранение порядка, поддержание преемственности и стабильности в обществе. Центральное требование поддержания образца для эффективного функционирования исторически сложившихся общественных структур обуславливает проблематизацию самоопределения с точки зрения соответствия индивидуального выбора условиям ранее сложившегося порядка. Механизмом самоопределения становится скрытое «социальное принуждение»², т. е. своеобразное приписывание статусов и ролей на основе объективных по отношению к самоопределяющемуся индивиду факторов, таких как пол, возраст, происхождение, а также потребностей рынка труда, стратегических целей государства и прочих функциональных структур данного общества.

Ограниченность такого подхода обнаруживается в объяснении социальных противоречий, неизбежных для трансформирующихся обществ, и анализе девиантных стратегий адаптации молодежи. На практике вместо социального порядка и единства обнаруживается конфликт и беспорядочная фрагментированность социальной реальности. Сконцентрированный на единстве и регламентированной внутренней непротиворечивости структурно-позитивистский подход игнорирует субъективный аспект выбора, многообразие направлений

¹ См. подробнее: Безруков А.В. Методологические подходы к изучению социального самоопределения молодежи / А.В. Безруков // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 137–145.

² Цит. по: Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношения / пер. к. ф. н. Н.Л. Поляковой // THESIS. 1993. Вып.2. С. 94–122.

самоопределения и порождаемых способов самореализации, поскольку они нарушают функциональную интеграцию индивида в общество, ограничивают социальную солидарность, порядок и стабильность. В результате ряд исследователей смещают акцент с принуждающей социализации на дезинтеграционные устремления, связанные с борьбой молодежи против образцов и ролей, навязываемых старшим поколением¹. Социальные институты, статусы и роли начинают рассматриваться не просто как внешние по отношению к индивиду, явления и принуждающие структуры, но также внутренние переживания индивида.

Культурно-феноменологический подход обращает внимание на онтологическую двойственность социальной реальности, обусловленную возможностью и способностью самоопределяющегося индивида по-своему интерпретировать относительно стабильные по отношению к нему социальные явления и структуры, придавать им смысл во взаимодействии с другими. Важно учитывать этот аспект, когда разговор заходит об адаптации. Поскольку адаптация всегда предполагает столкновение с чем-то новым, не известным, чуждым, постольку это новое, с одной стороны, расширяет пространство выбора, с другой, – ставит под сомнение релевантность прежних очевидностей, обнажает изменчивую и противоречивую природу социальной реальности. В нестабильных условиях индивид постоянно испытывает необходимость определить свою ситуацию², стремится принять такие жизненные ориентиры, которые позволили бы ему найти свое место и самоопределиться. Эта необходимость рассматривается как «естественная защитная реакция на социальную нестабильность, попытка в меру имеющихся возможностей сконструировать собственную модель социокультурного пространства путем приватизации его отдельных составляющих»³. Самоопределение обретает смысл разнонаправленного поиска себя и содержательного конструирования относительно устойчивого жизненного пространства, призванного стабилизировать существование индивида в изменяющемся и противоречивом окружающем мире. Вместе с тем, риск чрезмерной индивидуализации конструируемого индивидуального пространства обуславливает субъективную оторванность от объективной реальности и, как следствие, борьбу с социальной регламентацией.

В связи с пониманием этого, социально-психологический подход подчеркивает взаимообусловленность самоопределяющегося индивида и общества, частью которого он сам является и продолжает оставаться независимо от кон-

¹ Eisenstadt S.N. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure / S.N. Eisenstadt. N.Y.: The Free Press; London. 1966. Pp. 269–324.

² См. подробнее об этом: Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира / перевод Портнов А.Н. // Вопросы социальной теории. 2008. Том II, вып.1 (2). С. 72–87.

³ Цит. по: Морозова Т.И. Самоорганизация молодежи как форма социокультурной рефлексии (региональный аспект) / Т.И. Морозова // Научные ведомости. 2008. № 8(48). С. 190–196.

струируемого пространства. Следовательно, чтобы оставаться таковым (частью общества) и претендовать на использование возможностей, которые предлагает это общество, индивиду необходимо, хотя бы отчасти, соответствовать предъявляемым общественным требованиям. При этом, чтобы сохранить за собой возможность на интерпретацию значимости этих требований, и, в конечном счете, на собственный выбор, индивиду необходимо проявлять гибкость и терпимость по отношению к окружающим, аналогично обладающим этим негласным правом. Иначе индивид рискует вызвать неодобрение и непонимание, и тем самым стать заложником чрезмерного социального контроля. Кроме того, необходимо учитывать, что, поскольку внешняя детерминация включает в себя не только ожидания других по отношению к субъекту самоопределения, но и собственные ожидания субъекта по отношению к другим, постольку внутренняя детерминация выбора субъекта обусловлена не только субъективными предпочтениями, но и теми субъективными ожиданиями, которые он накладывает на других и которым сам вынужден соответствовать с точки зрения окружающих. Следовательно, совершаемый в процессе самоопределения выбор выступает не только способом социального конструирования реальности, но также объективно институционализируется в социальной стратификации и социальной структуре в форме групп единомышленников, т. е. становится частью объективной реальности.

Важными факторами при этом выступают социально-психологические потребности и мотивация самоопределяющегося индивида, а также степень внешней детерминации его выбора. Проводится различие между двумя типами мотивации¹: автономной мотивацией (выбор соответствует желаниям, глубинным интегрированным ценностям) и контролируемой мотивацией (индивиды действуют из принуждения, соблазна получить больше «наград» в ответ на соответствие ожиданиям других или чувства долга). Соответственно, социальные контексты, в которых протекает жизнедеятельность индивидов и к изменению которых они вынуждены адаптироваться, рассматриваются в качестве поддерживающих или подрывающих мотивацию самоопределяющегося индивида, т. е. облегчающих или препятствующих удовлетворению основных потребностей, способствуя или угрожая достижению индивидуальных целей. Другими словами, в более широком социальном контексте потенциал самоопределения обусловлен степенью гибкости/строгости или открытости/закрытости общества. Проблема самоопределения отсутствует в закрытых традиционных обществах, отличающихся строгой регламентацией выбора и поведения индивида,

¹ См. подробнее об этом у авторов теории самодетерминации: Deci E.L. Motivation, Personality, and Development Within Embedded Social Contexts: An Overview of Self-Determination Theory / E.L. Deci, R.M. Ryan. The Oxford Handbook of Human Motivation. 2012. Pp. 85–107.

зачастую перетекающей в подавление индивидуальности. Проблематизируется не столько выбор, сколько возможность сама выбора. В открытом обществе самоопределение проблематично в силу интенсивной социокультурной дифференциации, неопределенности образцов и рисков «экстремальной» индивидуализации.

Системно-диалектический подход обращает внимание на тенденции к разграничению и противопоставлению как механизм социального развития при сохранении внутренних единства и целостности. Индивид в ситуации самоопределения не просто отражает мир и совершает выбор относительно внешних по отношению к нему феноменов, но и творит его через противопоставление себя этому миру и устоявшимся образцам. Молодежь как одновременно продукт общества и социальная общность, с одной стороны, выступает социокультурной системой ценностей и норм, находящаяся в оппозиции аналогичной системе общества в целом. С другой же стороны, сама эта система является средой формирования молодой личности, в которой воспроизводятся заложенные в нее культурные модели как «мы-группы». В результате, молодежная культура рассматривается как «институт, который регулирует... подготовку молодежи к занятию своей статусной позиции во взрослой социальной системе»¹.

Жизненные выборы в различных сферах жизнедеятельности в процессе адаптации оказывают влияние на самоопределение не непосредственно, а сами опосредуются их ценностно-смысловыми значениями для индивида. Ценностный аспект самоопределения через восприятие и отражение социокультурного контекста выступает, с одной стороны, связующим звеном между социальной средой и индивидуальным сознанием, с другой, – между сознанием и поведением, задавая направленность жизненных выборов.

Материалы Европейского социального исследования², в котором Россия принимала участие с 2006 г., позволяют проследить изменение структуры ценностей российской молодежи. При этом стоит обратить внимание, что формулировки ценностей в данном исследовании звучат как качества, субъективная значимость и проявление которых отражает восприятие и направленность процессов адаптации молодежи к условиям усиливающейся неопределенности современного российского общества.

¹ Цит. по: Степанищенко О.В. Исследование молодежи как особой социальной группы в социально-гуманитарных науках / О.В. Степанищенко // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 73. С. 590.

² Базы данных размещаются в открытом доступе на официальном сайте: The European Social Survey [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=1>. – 3.08.2021. Для изучения ценностей в обозначенном исследовании отводится блок вопросов по методике Ш. Шварца. Авторские исследования 2017 и 2021 гг. включали аналогичный блок вопросов.

Согласно полученным данным в среднем по выборке современные молодые люди считают значимыми для себя, прежде всего, такие качества-ценности как независимость и самостоятельность в принятии решений, верность друзьям, безопасность окружения и равенство (табл. 7). Наименее значимым качеством закономерно оказалось готовность следовать указаниям других, а также готовность к приключениям и риску, что, в свою очередь, выглядит закономерно вслед за высокой значимостью безопасности.

Таблица 7

Значимость ценностей по возрастным группам молодежи, индексы¹

Качества-ценности личности	16–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–35 лет	Выборка
Важно самому принимать решения о том, что и как делать	0,66	0,71	0,62	0,63	0,65
Важно быть верным своим друзьям	0,65	0,68	0,64	0,65	0,65
Важно жить в безопасном окружении	0,56	0,54	0,62	0,62	0,59
Важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково	0,59	0,56	0,56	0,58	0,57
Важно помогать окружающим людям	0,57	0,52	0,54	0,57	0,55
Важно быть очень успешным	0,61	0,59	0,50	0,49	0,54
Важно уважение	0,50	0,55	0,50	0,56	0,53
Важно придумывать новое и подходить ко всему творчески	0,55	0,49	0,49	0,49	0,50
Важно показать свои способности	0,51	0,54	0,47	0,46	0,49
Важно выслушивать мнение других, отличающихся от него людей	0,43	0,48	0,49	0,45	0,47
Важно всегда вести себя правильно	0,44	0,39	0,47	0,47	0,45
Нравятся неожиданности, всегда старается найти новые занятия	0,58	0,50	0,39	0,38	0,44
Важно быть богатым	0,47	0,43	0,44	0,37	0,42
Важно быть простым и скромным	0,34	0,41	0,38	0,44	0,40
Поиск приключений, нравится рисковать	0,48	0,49	0,32	0,15	0,33
Убежден, что люди должны делать то, что им говорят	0,20	0,17	0,28	0,27	0,24

Важно отметить, что, характеризуя современность, 60% молодых респондентов выбирают в качестве описания формулировку «эпоха неопределенности». Как следствие, согласно другому исследованию Фонда «Общественное мнение»² 2020 г. 75% молодых людей считают, что сейчас в нашей стране не слишком благоприятная ситуация для планирования будущего на несколько лет вперед. Обосновывая свое восприятие, респонденты ссылаются на события последних лет и дестабилизацию геополитической ситуации. Это отражает отсутствие уверенности в предпринимаемых действиях, несформированность иден-

¹ Представлены данные по материалам последней 9-ой волны Европейского социального исследования.

² Планы на будущее [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483>.

тификационного ядра в молодежной среде и обуславливает ситуативный характер адаптации к происходящим переменам.

Иерархия ценностей обращает внимание на то, что современная молодежь демонстрирует потребность на поддержку принимаемых ими решений, участие и безопасность. Однако выраженное противоречие традиций и трансформаций, коллективных провозглашаемых целей и индивидуальных интересов формирует угрозу локальной исключенности ориентированной на социальные изменения молодежь, т. е. на уровне традиционного российского общества. Ощущение неопределенности и исключенности в целом обуславливают риск распространения внеинституционализированных практик адаптации и самоопределения.

СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Развитие целостной и обоснованной системы информационного, психологического и педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся на сегодняшний день оказывается актуальным направлением реализации государственной политики в сфере образования. Федеральные государственные образовательные стандарты основного и среднего общего образования фиксируют в качестве значимых результатов необходимость информирования обучающихся «об особенностях различных сфер профессиональной деятельности, в том числе с учетом имеющихся потребностей в профессиональных кадрах на местном, региональном и федеральном уровнях»¹. Серьезное внимание задачам профессиональной ориентации уделяется и в национальном проекте «Образование».

Причины повышенного внимания общества и государства к сопровождению выбора обучающимися собственного образовательного и профессионального пути, носят комплексный характер. Во-первых, внимание к данной тематике обусловлено старением населения и снижением численности молодежи, выходящей на рынок труда². Во-вторых, существенные изменения можно зафиксировать в социально-профессиональной структуре (связанных с появлением новых «цифровых» профессий, изменением содержания уже существовавших видов деятельности) и системы образования. Отсюда вытекает и третья причина: сопровождение профессионального самоопределения молодежи все чаще начинает рассматриваться как многоуровневый процесс, связанный с координацией усилий различных участников: федеральных органов исполнительной власти, иницирующих и реализующих крупные общенациональные проекты, регионов, проводящих комплекс мер по развитию профильного образования и преодоление неравного доступа к образовательным ресурсам, образовательных организаций, чьей задачей оказывается интеграция всех описанных элементов в единый образовательный процесс³.

© Волегов В.С., 2023

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/>

² Демографические изменения и предложение рабочей силы в регионах России [Электронный ресурс] // Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала. URL: https://www.hse.ru/data/2022/05/30/1872644620/Human_Capital_NCMU_Digest_10_Demographic.Ssupply_in_Russian_Regions_2022.pdf

³ См. напр. Методические рекомендации по организации и проведению оценки механизмов управления качеством образования в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральный институт оценки качества образования. URL: <https://fioco.ru/RUM2021>

Из краткого описания факторов актуальности исследования профессионального самоопределения можно прийти к заключению о том, что профессиональное самоопределение тесным образом переплетено с различными социальными институтами и социальными процессами. В общем виде профессиональное самоопределение молодежи может быть описано как «набор практик, мотивов поведения личности, связанных со способностью делать осознанный обоснованный выбор образовательных и профессиональных целей на основании адекватных представлений о внешних условиях и субъективных интересах»¹.

Процесс самоопределения связан с объективными характеристиками развития промышленного развития и рынка труда, ресурсами системы образования, а также тем, как сами субъекты самоопределения осознают и оценивают эти возможности, а также готовы использовать их в реальной деятельности. В подобной трактовке профессиональное самоопределение оказывается одним из проявлений социокультурного потенциала².

Пермский край относится к регионам с высокими показателями экономического развития³. Примерно половину его внутреннего регионального продукта составляет обрабатывающее производство. Еще одно важное для описания перспектив направление экономической деятельности: «деятельность профессиональная, научная и техническая» – занимает в консолидированном обороте организаций всего 1,8%, однако позволяет региону входить в двадцатку лучших Субъектов Федерации, а по объему организаций сферы «деятельность в сфере информации и связи» – занимать 4 место⁴.

Структуре экономики соответствует и структура официально-регламентированного рынка труда. По данным Федеральной службы государственной статистики, основными сферами занятости трудоспособного населения являются обрабатывающее производство (19,9%), торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (16,2%) и строительство (9,3%)⁵. По уровню среднедушевого денежного дохода населения Пермский край занимает 34 место среди всех субъектов РФ и 4 средю субъектов, входящих в Приволжский федеральный округ⁶.

¹ Волегов В.С. Восприятие внешних условий профессионального самоопределения обучающимися Пермского края / В.С. Волегов // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: материалы VI Всерос. (с междунар. уч.) науч.-практ. конф. (3–4 декабря 2019 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2019. С. 272–276.

² Антонова М.А. Подходы к оценке социокультурного потенциала региона / М.А. Антонова // Вопросы территориального развития. 2013. № 3. С. 1–10.

³ Предварительные итоги социально-экономического развития Пермского края за истекший период 2020 года и ожидаемые итоги социально-экономического развития Пермского края за 2020 год [Электронный ресурс] // Законодательное собрание Пермского края. URL: <https://zakon.zsperm.ru/data/docs/298894.pdf>

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2021. С. 524–527.

⁵ Там же. С. 122–125.

⁶ Там же. С. 198–199.

Таким образом, Пермский край представляет собой экономически развитый регион, с высокими показателями развития промышленного производства и развивающейся IT-отраслью. Структура профессионального образования, в значительной степени, воспроизводит данную картину.

В структуре образования также можно заметить существенное влияние социально-экономических условий региона. В первую очередь это касается разнообразия существующих в регионе направлений подготовки и ведомственных образовательных организаций, охватывающих практически весь спектр профессиональных групп. Во-вторых, тенденции экономики (увеличение потребности промышленных предприятий в рабочей силе) отражаются на увеличении количества мест в профессиональных образовательных организациях (техникумах и колледжах), а также расширении направлений подготовки в них. Во-вторых, с 2014 г. в регионе наблюдается устойчивая тенденция к увеличению популярности среднего профессионального образования и сокращению числа обучающихся по программам высшего образования (рис. 6). Описанная динамика характерна не только для Пермского края, но и для страны в целом, однако в Прикамье она выражена более сильно¹.

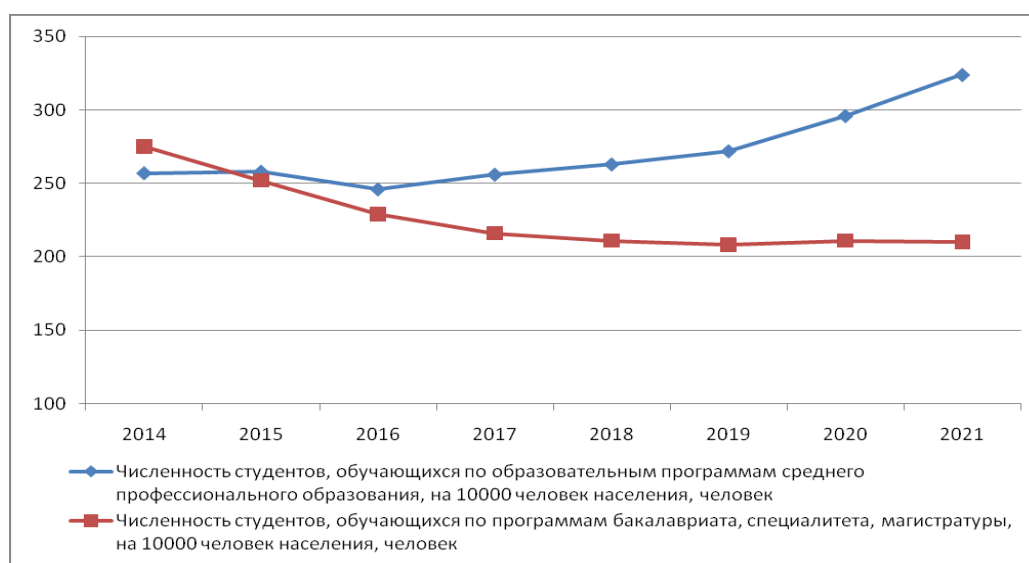

Рис. 6. Динамика численности студентов среднего профессионального и высшего образования на 10000 человек населения²

Таким образом, в Пермском крае постепенно усиливается потребность в слаженной работе субъектов социального управления на разных уровнях (включая региональные органы управления образованием и образовательные

¹ Индикаторы образования: 2022: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. С. 44–49.

² Статистический ежегодник Пермского края. 2022: Статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2022. С. 108.

организации), направленной на сопровождении выбора обучающимися своей последующей профессиональной и образовательной траектории.

В целях мониторинга эффективности профориентационной работы в Пермском крае с 2017 г. проводится диагностика готовности обучающихся 8-х и 9-х классов к профессиональному самоопределению. Первая часть диагностики направлена на выявление уровня информированности обучающихся основной ступени о социально-профессиональной структуре общества и связи образования с профессиональной деятельностью. Вторая часть диагностики посвящена анализу интересов, мотивации обучающихся по отношению к окружающему их социокультурному пространству, включая характеристики локального рынка труда (распространенности различных профессий в месте их проживания), оценку возможностей для самореализации, соответствия образовательных условий для полноценного развития личностных качеств. В 2022 г. в диагностическом обследовании приняли участие 23093 обучающихся 8-х классов (84% об общей численности обучающихся 8 классов общеобразовательных организаций Пермского края по состоянию на 20.09.2021 г.¹ с учетом среднегодового показателя выбытия) из всех территориальных образований Пермского края из 423 образовательных организаций, реализующих программы основного общего образования.

Традиционно, в вопросе выбора обучающимися наиболее предпочтительного уровня продолжения образования наблюдается распределение опрошенных по четырем основным группам: ориентирующиеся на СПО, ориентирующиеся на получение среднего общего образования, не определившиеся и обучающиеся, маскирующие отсутствие выбора за различными внешними неконтролируемыми факторами. Незначительно больше, чем в 2020 г., стало тех восьмиклассников, которые планируют продолжение обучения в профессиональных образовательных организациях. Напротив, сократилась доля обучающихся, планирующих продолжать обучения в общеобразовательных организациях, а также тех, кто не определился с выбором.

Опыт проведения диагностики в 2020–2021 гг. показывает, что представленные данные являются промежуточными и в девятом классе доля обучающихся, не определившихся с выбором сократится.

Динамика показывает, что за последние два года выбор обучающимися продолжения обучения в 10–11-х классах сокращается, что совпадает и с объективной картиной, фиксируемой официальной статистикой.

¹ Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2021/22 учебного года [Электронный ресурс] // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu/

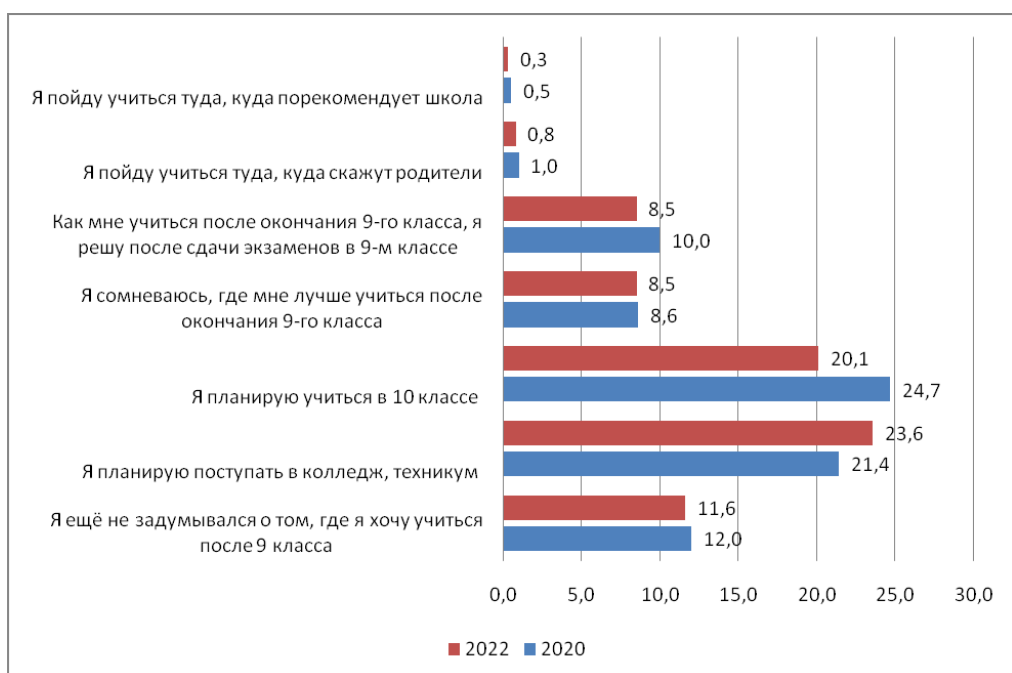

Рис. 7. Определение обучающимся уровня продолжения образования

Профессиональное самоопределение предполагает не только выбор уровня продолжения образования, но и направления будущей подготовки. С этой целью обучающимся было предложено выбрать из перечисленных областей деятельности наиболее интересные для продолжения образования (допускался выбор нескольких вариантов ответа). Результаты представлены в табл. 8.

Таблица 8

**Выделение интересов обучающихся,
связанных с направлениями продолжения образования**

Направления продолжения образования	Доля ответов, %
Искусство и творчество	28,8
Информационные технологии	23,3
Техника, производство	22,8
Деятельность в области естественных наук (физика, химия, биология, география и др.)	22,8
Армия, полиция, МЧС	21,4
Педагогика, психология, социальная работа	21,0
Спорт	21,0
Экономика, социология, организация и управление	18,2
Транспорт	16,1
Торговля, сервис, обслуживание населения, услуги	15,4
Медицина	14,0
Общественная и политическая деятельность, журналистика	13,2
Юриспруденция	12,0
Строительство	9,0
Деятельность в области гуманитарных наук (филология, культурология)	7,3
Мне интересно все	5,4
Затрудняюсь ответить	2,3

Профессиональные и образовательные интересы обучающихся выпускников основной школы, при этом, демонстрируют большое разнообразие. Значительный интерес обучающихся связан с видами профессиональной деятельности, связанными с инженерно-техническими, естественнонаучными и информационно-технологическими направлениями, а также деятельностью в сфере творчества. Кроме того, заметен большой интерес обучающихся к прикладным направлениям (педагогика, психология, социальная работа, экономика, социология, организация и управление) по сравнению с деятельностью в области научного знания. В данном случае необходимо учитывать фактор изменчивости интересов обучающихся: замеры показывают постоянную корректировку популярности отдельных направлений для продолжения образования.

При проведении диагностики фиксируется одна устойчивая тенденция, связанная с «профессиональным пессимизмом» выпускников основной школы (рис. 8).

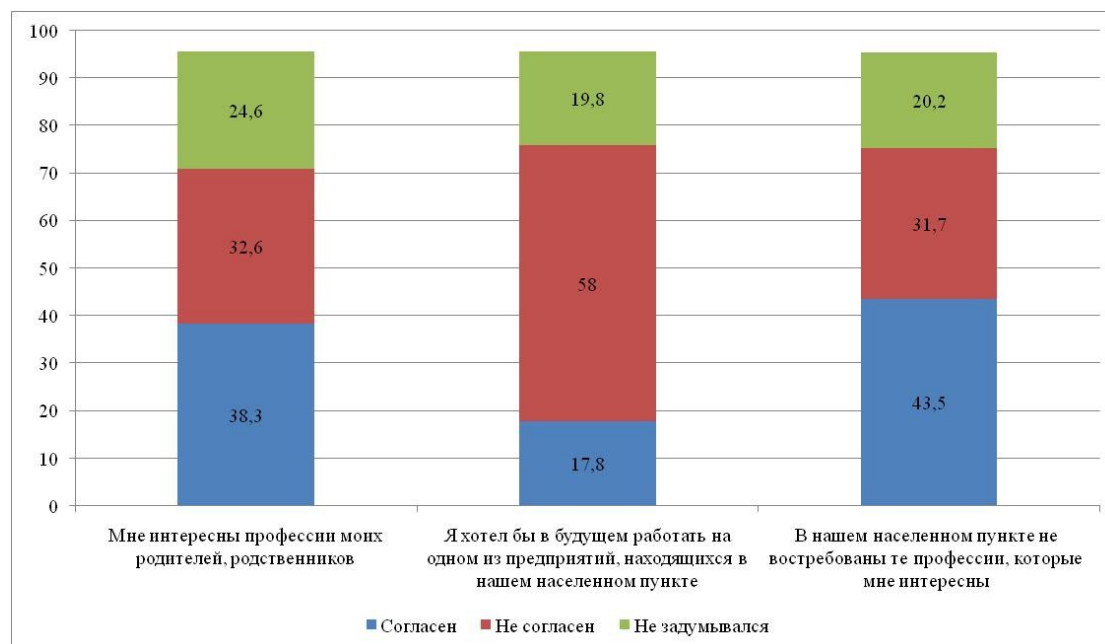

Рис. 8. Оценка обучающимися 9-х классов восприятия социально-экономической среды¹

Оценивая перспективы трудоустройства на предприятиях, находящихся в их населенном пункте, значительная часть (более половины) девятиклассников приходит к отрицательному ответу. 43,5% девятиклассников, принявших участие в диагностике отмечают, что в месте их текущего проживания не востребованы те профессии и виды деятельности, которые им интересны. Существен-

¹ Волегов В.С. Связь показателей профессионального самоопределения обучающихся с оценкой социокультурного потенциала территорий / В.С. Волегов // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Пермь, 2021. С. 240–246.

ных различий среди муниципальных образований Пермского края не обнаруживается.

Еще одним показателем, связанным с реализацией профессионального самоопределения обучающихся является целенаправленная образовательную деятельность, прежде всего связанную с углубленным изучением отдельных предметов и выбором предметов для сдачи Государственной итоговой аттестации. По данным Министерства просвещения РФ среди обучающихся старшей ступени в Пермском крае наиболее популярным профилем является гуманитарный (2317 старшеклассников или 37% от всех имеющих профильное обучение), при этом, естественнонаучный и технический профили в сумме охватывают 1741 ученика 10-11-х классов¹.

Таблица 9

Показатели выбора учебного предмета для углубленного изучения в 11-х классах и сдачи Государственной итоговой аттестации по итогам 2020–2021 учебного года²

№	Предмет	Доля обучающихся 11-х классов, изучавших предмет на углубленном уровне от общего количества обучающихся, изучавших предмет, %	Доля обучающихся 11-х классов, выбравших предметы, изучавшиеся на углубленном уровне, для сдачи государственной итоговой аттестации %
1.	Математика (профильный уровень)	50,5	92,2
2.	Информатика и ИКТ	18,3	70,6
3.	Литература	4,9	66,0
4.	Физика	20,5	88,4
5.	Химия	11,1	85,2
6.	Биология	13,1	88,2
7.	История	9,4	90,8
8.	Обществознание	32,0	90,4
9.	География	2,7	89,8
10.	Английский язык	12,5	79,6
11.	Немецкий язык	0,5	81,8
12.	Французский	0,4	2,3

¹ Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2022/23 учебного года [Электронный ресурс] // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/70ecc3b178e0b8397d234697c42e0ad8/>

² Данные собраны на основе Мониторинга функционирования региональной системы работы по самоопределению и профессиональной ориентации обучающихся Региональной системы управления качеством образования в Пермском крае (письмо Министерства образования и науки Пермского края от 06.12.2021 г. № 26-36-вн-1899).

Представленные данные по выбору предметов для сдачи ЕГЭ (табл. 9) демонстрируют охват обучающихся 11-х классов образовательных организаций Пермского края углубленным изучением отдельных предметов, а также его связь с выбором предметов для сдачи ГИА. Наиболее популярными у старшеклассников предметами оказались «профильная» математика, обществознание и физика и информатика. Учитывая, что практически по каждому предмету высока степень соответствия выбранным экзаменам ГИА, математика, история и обществознание могут быть отнесены к лидерам. Данные центра обработки информации государственной итоговой аттестации по образовательным программам основного общего и среднего общего образования подтверждают представленные показатели популярности отдельных предметов для сдачи Единого государственного экзамена¹.

Сопоставляя эти данные со структурой экономики и рынка труда можно обнаружить определенные расхождения, вызванные значительным интересом обучающихся к предметам социально-экономического профиля. Указанное расхождение может оказаться одним из существенных факторов, влияющих на «пессимизм» выпускников основной школы и их нежелание работать в Пермском крае.

Таким образом, профессиональное самоопределение молодежи является комплексным социальным процессом, позволяющим фиксировать основные тенденции и проблемы развития Пермского края. В первую очередь это касается особенностей взаимодействия таких социальных институтов как образование (в том числе его послешкольного уровня) и рынка труда. Не менее важными проблемы профессионального самоопределения становятся на фоне процессов старения населения, усиления миграционных настроений.

¹ Средние баллы ЕГЭ 2021 [Электронный ресурс] // Региональная система оценки качества образования края. URL: <https://kraioko.perm.ru/download/ege/2021/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D1%8B%20%D0%95%D0%93%D0%AD%202021.pdf>

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ)

Одним из важных вопросов в процессе самоопределения молодежи является её духовный выбор, впоследствии переходящий в духовную самореализацию, основа которого закладывается как в семье, так и в процессе образования ребенка. Следует отметить, что диалектика данного развития, принятия выбора и следования ему достаточно сложна. Размышляя о духовно-нравственном развитии человека, мы практически сразу же приходим к ряду вопросов, ответы на которые имеют многовариативность, а иногда, и противоположную полярность. Основой такого многовекторного окончания выступает вопрос, – какие поступки считать нравственными, какие духовными? Нравственное деяние в одной социальной среде может быть безнравственным в другой социальной среде. Яркий пример такого неоднозначного поступка – героический, с точки зрения учебников времен СССР, поступок пионера Павлика Морозова, который с точки зрения современной капиталистической морали и традиционных семейных ценностей совершил весьма неоднозначный поступок. Подобные ситуации возникают достаточно часто при анализе исторического наследия и попытках сформировать образцы нравственного, духовного поведения. Например, все знают про дипломатические действия князя Александра Невского, которые получили высокую оценку с точки зрения нравственного поведения правителя и даже принесли ему чин «святого», однако, подобные действия, предпринятые через 100 лет князем Олегом Рязанским, получили негативную оценку у потомков. Получается, что единого алгоритма нравственного поведения и наполнения данных терминов не существует, ибо оба они находятся в зависимости от конкретной исторической и социальной среды, в которых они анализируются. Традиционное общество в основе своей формируется на образцах духовно-нравственного идеала, формируя у молодежи желание последовать за авторитетом и копировать его действия в том или ином вопросе. Однако, формирование авторитета, как социального или духовного феномена, не может происходить сиюминутно, ему предшествует длинный путь включения жизнедеятельности в исторической перспективе в социокультурную традицию рассматриваемого или исследуемого общества. Понятно, говоря о духовности, мы можем сформировать идеалистическую парадигму, где существует вечный авторитет, авторитет Бога. Авторитетом Бога осеняются строки священных книг, указы священноначалия и проповеди священников.

И получается, что в процессе своего духовного самоопределения молодой человек сталкивается с очень сложными духовными процессами, в основе которых лежит развитие человека в парадигме Божественного (Я – верующий) или светского (Я – неверующий), либо же формируется дуальность сознания (Я – православный, но не верующий).

С точки зрения религиозной философии и теологии только поиск Божественного откровения дает возможность человеку открыть для себя духовно-нравственные основы и способствовать формированию духовно-нравственной личности, которая способна выработать свое отношение к сложным вызовам современности. В теологической трактовке вызовы современности, это в первую очередь вызовы секулярного мира. Выводы, которые делают религиозные мыслители, просты – основа духовно-нравственного развития современного молодого человека должна основываться на учении традиционной религиозной организации соответствующего социума. Если мы говорим о Российской Федерации, то конкретизация традиционности конкретных религиозных вероучений фактически оформлена законодательно. В преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» постулируется «...признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России...»¹.

Отсюда логичен вывод, что в основе мировоззренческого самоопределения молодежи в нашей стране должно лежать, в большинстве выборов, учение Русской Православной Церкви. Однако этот вывод только одна из ранее выявленных нами трех возможных современных парадигм духовно-нравственного самоопределения человека. Двадцатый век дал нам альтернативный путь. С появлением парадигмы светского гуманизма безбожие перестало быть безнравственным. Один из ярких представителей гуманистического направления в философии, Жан Поль Сартр в своих лекциях, позднее оформленных как статья «Экзистенциализм – это гуманизм»² задает сам себе вопрос от имени Ивана Карамазова, героя одного из произведений Ф.М. Достоевского «Если Бога нет, то все дозволено?». Отрицательный ответ на этот вопрос приводит нас ко второму пути, пути светского гуманизма, имеющего под собой светскую этику. И если в начале-первой половине 20 века гуманизм и светская этика представляли собой достаточно хрупкие конструкты, то в наше время можно отметить их как значи-

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 29.12.2022). М.: из-во Закон.

² Воробьев Г.А. Духовный кризис в России как индикатор динамики энтропийных рисков / Г.А. Воробьев, С.А. Дюжиков, С.В. Шефель / Научная мысль Кавказа. Изд-во Южного федерального университета. 2017. № 3(91). С. 38–42.

тельное духовно-нравственное явление, обладающее существенным потенциалом для формирования стержня самоопределения современной молодежи. Истины ради следует отметить, что светская этика не сформировалась на пустом месте, в ее основе лежит конфессионально ориентированная этика – христианская. Но, несмотря на наличие общих христианских корней, и православная этика и светская этика дают возможность молодому человеку выбирать альтернативные пути своего духовно-нравственного развития, или даже пытаться найти третий путь, объединив в своем восприятии оба этих этических кодекса. Выбирая направления своего саморазвития, молодой человек не может не заметить одну из важных особенностей светского гуманизма и светской этики – универсальность. Данные феномены не опираются на национальные и религиозные традиции конкретной страны, они наднациональны и надконфессиональны. Является ли это положительным или отрицательным фактором для выбора и становления молодого человека, покажет только время.

В последние десятилетия российское общество много дискутирует по поводу необходимости государственного участия в оформлении самоопределения молодежи в духовно-нравственном спектре. В этом контексте появление в школьной программе учебной дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) имеющей вариативное содержание, является как раз плодом внутрироссийского консенсуса в этом направлении. Два модуля имеющих светскую основу и четыре модуля имеющих религиозную основу предлагается преподавать исходя из личного выбора ребенка, а по факту – его родителей (табл. 10).

Таблица 10

**Количество учащихся, выбравших учебные модули
в период с 2013 по 2020 гг.**

Учебные года	Количество учащихся, выбравших модули ¹ (%)					
	Основы светской этики	Основы мировых религиозных культур	Основы православной культуры	Основы исламской культуры	Основы иудейской культуры	Основы буддийской культуры
2013–2014	65,30	21,20	12,50	0,50	0,0	0,0
2014–2015	63,50	26,80	8,81	0,06	0,0	0,0
2015–2016	64,71	26,32	8,86	0,07	0,003	0,0
2016–2017	н/д	н/д	14,90	н/д	н/д	0,0
2017–2018	57,70	24,75	17,25	0,14	0,003	0,0
2019/2020	55,95	25,40	18,46	0,12	0,05	0,0

¹ Данные в таблице получены из внутренних источников Министерства образования и науки Пермского края и Отдела образования и катехизации Пермской епархии РПЦ доступных автору.

Анализ выбора характеризует устойчивый тренд на изучение этики, в основе которой лежит светский подход к духовно-нравственной компоненте. В стране, где подавляющее количество населения относит себя к верующим, мы наблюдаем интересный парадокс – большая часть верующих выбирает светские модули. Однако имеется и другой тренд, постепенное увеличение процента выбора модуля «Основы православной культуры», этического комплекса, в основе которого стоят религиозное, а точнее православное вероучение. В 4 классе, где изучают эти модули выбор, конечно, не формируется ребенком, а его родителями и данная таблица скорее отражает не мнение будущего гражданина, а его родителя. Получается, что именно родитель при выборе модуля задумывается о той духовно-нравственной парадигме, на которой будет обучаться его ребенок. Естественно, что итогом обучения должно стать формирование духовно-нравственных начал, такого духовно-нравственного базиса нашего юного гражданина, на основании которого он сможет в процессе взросления выработать и принять для себя этическую систему. Мы уже упоминали, что значительная часть общества, несмотря на незначительный выбор родителями модулей с религиозной основой, позиционирует себя как верующие. Можно даже предположить, что из всех верующих, численность которых по различным опросам колеблется от 60 до 80%, можно выделить ядро так называемых воцерковленных, для которых религиозные нарративы являются одними из ценностей и транслируются ими в социум. В данном социальном слое остро стоит вопрос о не просто образовании на основе религиозных ценностей, а о качественно религиозном образовании. Именно в данном слое фиксируются и активно продвигаются в социуме нарративы о кризисе духовно-нравственных отношений в стране. Самоопределение и социализация верующей молодежи основано на включении в свою повседневную жизнедеятельность множества религиозных факторов и происходит в гораздо зрелом возрасте, нежели время изучения избранного модуля ОРКСЭ. В основе данного процесса лежит пропагандируемый в религиозной среде тезис о духовном кризисе общества. По мнению ряда исследователей, «Для России духовный кризис связан, прежде всего, с утратой духовности как базового основания цивилизационного кода российского государства и менталитета российских граждан»¹. В развитии этого тезиса вопрос о направленности образования превращается в серьезную проблему. С кризисом духовности связан и кризис целей, рождаемых духовностью. А цели напрямую связаны с системой образования, с процессом самоидентификации и социализации личности. Отсутствие внятных целей воспитания человека, понимания, кого мы хотим получить на выходе системы образования, дает основание обратиться к традиционным духовно-нравственным основам, и лежащему у их основания

¹ Второе послание к Тимофею святого Апостола Павла / Библия. М.: Синодальное издание.

религиозному фактору. Апостол Павел в послании Филиппийцам говорит о необходимости стремления «к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе»¹. Получается, что Священное Писание ставит четкую цель жизни религиозного человека. Религиозные догмы включают в себя понимание и содержание нравственности, при этом в религиозном бытии соблюдение духовно-нравственных норм не самоцель, а лишь только средство достижения личной святости и соединения с Богом, который есть абсолютное Добро. То есть вопрос самоопределения верующего человека отпадает сам собой – следуй нормам и правилам, и ты автоматически высоко нравственен и морален. Логика традиционного общества оказывается под вопросом, когда мы предлагаем варианты. Для неверующего выбора, что рождает кризис мировоззрения, а при более глубоких потрясениях и кризис веры. Все это ведет к кризису религиозного сознания и дает возможность для формирования в обществе альтернативных путей самоопределения человека в его духовно нравственном развитии. Так, например, для человека неверующего большинство традиционных ценностей перестают быть духовными ценностями, а переходят в разряд ценностей культуры, что дает возможность формировать высокоморальную личность в гуманистической традиции.

Помимо светского образования важную роль в процессе самоопределения человека играют и религиозные, духовные учебные заведения, которые и формируют духовно-нравственные основы верующего человека.

Пермский край имеет развитую систему православного религиозного образования, которая включает в себя организации довузовского, вузовского и послевузовского образования.

Довузовский уровень представлен НОУ «Пермская православная классическая гимназия во имя преподобного Сергия Радонежского» (далее – Гимназия), а также церковно-приходскими воскресными школами при храмах Пермской митрополии. Гимназия осуществляет деятельность по программам начального, общего и среднего образования с православным компонентом. Структура гимназии: Прогимназия (1–4 классы) с большим компонентом дополнительного образования. Гимназия (5–11 классы) обеспечивает углубленное изучение как гуманитарных, так и точных наук. Дополнительно обучающиеся изучают английский, латинский, греческий и церковно-славянский языки. Финансирование гимназии осуществляется из пожертвования организаций, физических лиц при поддержке регионального и федерального бюджетов (субсидии, субвенции) и частично уплатой родительских взносов за обучение детей (25% обучающихся имеют льготу в оплате за обучение в связи с многодетностью или наличия статуса малоимущей семьи). В гимназии обучаются более 200 человек.

¹ Послание к Филиппийцам святого Апостола Павла / Библия. М.: Синодальное издание.

Вузовский уровень представлен Религиозной организацией – Духовной образовательной организации высшего образования «Пермская духовная семинария Пермской Епархии Русской Православной Церкви» (далее – Семинария). Семинария основана в 1800 г. Воссоздана 25 декабря 2009 г. посредством преобразования Пермского духовного училища в Пермскую духовную семинарию (на основании решения внесенного в Журнал заседаний Священного Синода Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) № 133). Семинария осуществляет деятельность в соответствии с календарным графиком учебного процесса. Учебный год в семинарии начинается 1 сентября и состоит из двух семестров. Сроки и этапы обучения определяются в соответствии с законодательством об образовании России и локальными актами семинарии. Учебные занятия проводятся по расписанию в соответствии с учебным планом и календарным графиком, утвержденными ректором семинарии, с учетом соблюдения санитарно-гигиенических требований. Основная задача – подготовка приходских священников.

Однако одними священниками лагуну в формировании нового поколения религиозно ориентированных молодых людей не решить. И светская и религиозная система образования испытывают острый недостаток в компетентных учителях и воспитателях. В Священном Писании, во Втором послании Тимофею апостол Павел говорит о интересном феномене «те, которые всегда учатся, но никак не могут прийти к точному знанию истины»¹, который вполне вписывается в характеристики современной системы образования. Неинтересный преподаватель способен убить интерес к любой, даже самой жизненной учебной дисциплине. Несомненно, что процесс формирования личности, ее духовно-нравственное развитие должен регулироваться лучшими педагогическим кадрами, а не по остаточному принципу. Большую роль в формировании педагогических кадров должно играть государство в лице соответствующих органов образования, вузовское сообщество и, в ряде случаев, религиозные организации. И во многом это функция послевузовского образования.

Послевузовское образование представлено кафедрой теологии Регионального института непрерывного образования Пермского государственного национального исследовательского университета. Кафедра теологии создана 13 мая 2008 г. решением Ученого совета Пермского государственного университета (протокол № 8 от 23 апреля 2008 г.). При создании кафедры ставилась целью реализация просветительных, образовательных, научных проектов и программ в рамках теологического образования. Основными направлениями деятельности кафедры является подготовка специалистов в области православно-

¹ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. Москва: Изд-во Политической литературы, 1990.

го вероучения, преподавателей предмета «Основы православной культуры», специалистов по связям с религиозными организациями, кадров для государственных, социальных и церковных структур в педагогическом, миссионерском и прочих направлениях, а также научно-исследовательская работа в области церковного краеведения и государственно-конфессиональных отношений. Первым заведующим кафедры стал доцент, доктор исторических наук, доктор церковной истории, протоиерей Пермской епархии Русской Православной Церкви Алексей (Алексий) Марченко.

Помимо образовательных учреждений православной ориентации в Пермском крае действует 2 нелицензированных мусульманских учебных заведения: Мусульманская профессиональная духовно-образовательная организация «Пермский мусульманский колледж» при Региональном духовном управлении мусульман Пермского края в составе ЦДУМ России и Мусульманская религиозная организация духовная профессиональная образовательная организация «Пермский исламский колледж» при Духовном управлении мусульман Пермского края (Пермский мухтасибат) в составе ДУМ РФ. Оба религиозных учебных заведения являются фактически конфессиональными внутрифирменными учебными центрами, ставящими себе задачу обучение религии верующих своих конфессий.

Пермский мусульманский колледж был основан в 1998 г. Пермский исламский колледж основан в 2015 г. Основная форма обучения в колледжах: вечерняя и очно-заочная. Обучающие программы включают в себя обучение арабскому языку и различных коранических наук. Выпускники имеют право на работу в медресе по специальности «Преподавание коранических наук».

Можно отметить, что современные возможности для развития духовно-нравственных качеств у жителя региона достаточно значительны. Вне зависимости от религиозной парадигмы, которой придерживается человек, а также более глобального разделения на категории верующих и светских, в регионе созданы все возможности самоопределения молодежи, выбора духовного пути, следования своим идеалам, в построении которых участвуют как государственные, так и религиозные институты общества.

ГЛАВА 4. ИЗМЕНЕНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА, АРХИТЕКТУРНЫХ КОМПЛЕКСОВ И КУЛЬТУРНЫХ ИНДУСТРИЙ В КОНТЕКСТЕ АКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ

К.А. Воронова, Г.А. Гимранова, И.В. Кетов, А.В. Прокофьева

ИЗМЕНЕНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРЕДМЕТНОМ ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКИ

Города как места концентрации населения и стратегические точки развития многих обществ современного типа под влиянием социальной динамики находятся в постоянном процессе изменений, затрагивающих как социальные, так и материальные компоненты городского пространства. Социология города с самого своего появления делала фокус на изменении различных компонентов городского пространства. В первую очередь акцент делался на социальных компонентах – образе жизни, характере взаимодействия горожан, социальной мобильности в ее пространственном измерении, формировании городских сообществ и др., однако, внимание уделялось и физическим аспектам пространства – зонированию, изменению городской инфраструктуры, использованию городской земли, архитектурной среде. Архитектура как часть города или самостоятельный объект анализа представляет из себя большой интерес для современной социологической урбанистики. Любой город мыслится, в том числе, в логике материального. Архитектура может пониматься как конкретное здание, это исходит из интеграции двух подходов *антропологического* (здание как слепок общественных представлений в обществе) и *семиотического* (здание как текст). Также она может пониматься как *пространство*, которое может как отражать общество и быт, например, в работе Г. Зиммеля «Флоренция и Венеция»¹, так и влиять на общество, как например, в его же эссе «Мост и Дверь»². В рамках «акционистской» социологии архитектуры здание раскладывается на компоненты, актанты, составляющие отдельные части здания, но тесно интегрированные в нем, которые к тому же способны к социальному действию³. Так, берлинский ключ, описанный в работе Бруно Латура,⁴ дает нам видение

© Воронова К.А., Гимранова Г.А., Кетов И.В., Прокофьева А.В., 2023

¹ Зиммель Г. Флоренция. Венеция / Г. Зиммель // Логос. 2002. № 3. С. 1–10.

² Зиммель Г. Мост и дверь / Г. Зиммель // Социология власти. 2013. № 3. С. 145–150.

³ См. Вильковский М.Б. Социология архитектуры / М.Б. Вильковский. М.: Фонд «Русский авангард». 2010. С. 275.

⁴ См. Вахштайн В.С.* От лифта к небоскребу: социология, архитектура и техника / В.С. Вахштайн // Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей: сборник научных статей. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт. 2014. С. 24–32.

архитектуры как любого объекта, предполагающего определенный фрейм взаимодействия в пределах архитектурного сооружения.

Один из основателей акторно-сетевой теории, Бруно Латур указывает, что архитектурный объект – это сеть устойчивых отношений *human* и *non-human* актантов, например, в статье про Берлинский ключ описываются отношения различных актантов: жильца дома, ключа, двери, консьержа, идеи о необходимости запираться ночью и оставлять открытой днем. Таким образом, во взаимодействии участвуют материальные объекты, люди и идеи, которые образуют сеть устойчивых отношений. Все упомянутые выше – актанты (акторы), представляющие равнозначных участников сети. Так, например, идея о том, что нужно закрывать дверь ночью и держать дверь открытой днем, невозможна без ключа. Здание же является сетью устойчивых отношений, сетью распределенной агентности между его элементами, которые делают его зданием. Так, когда элементы (двери, стекла, лифты и пр.) работают в едином ансамбле, здание становится архитектурным объектом¹.

Данные рассуждения можно дополнить некоторыми положениями фрейм-анализа И. Гофмана². В социологии архитектуры фрейм – это буквально *frame* – рамка, в качестве которой выступают перегородки, стены, панели. Например, рассмотренная Латуром почта, в которой все взаимодействие фреймировано благодаря материальным объектам (окошку кассы, дверям, стенкам и пр.)³. Важным аспектом в фрейм-анализе архитектуры является операция «рефрейминга» – переписывание значения и контекста архитектуры. Например, торговый центр «Охотный ряд» с двумя входами: главным и входом из метро. Посетители, заходящие через главный вход и попадающие в торговый центр, начинают замедлять шаг, осматриваться, смотреть на витрины, т. е. взаимодействовать с пространством по задумке (место потребительских практик), заложенной в объект архитектором. Люди, входящие в ТЦ через метро, игнорируют все дорогие бутики, пробегая их, совершенно игнорируя план архитектора⁴. О модели архитектурного комплекса, состоящего из различных *human* и *non-human* ком-

*Согласно ФЗ от 02.12.2019 № 426-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» внесен Министерством юстиции РФ в Список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента 22.04.2022.

¹ См. Латур Б. Берлинский ключ, или как делать слова с помощью вещей / Б. Латур // Логос. 2017. № 2 (117). С. 157–170.

² См. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; пер. с англ. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН. 2003. 752 с.

³ Латур Б. Об интеробъективности / Б. Латур, В. Вахштайн, А. Смирнов // Социологическое обозрение. 2007. С. 79–96.

⁴ См. Вахштайн В.С.* Социология архитектурного объекта между формальной и практической рациональностью / В.С. Вахштайн // Новое литературное обозрение. 2013. № 3(121). С. 93–110.

*Согласно ФЗ от 02.12.2019 № 426-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» внесен Министерством юстиции РФ в Список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента 22.04.2022.

понентов, будет подробнее сказано в разделе, посвященном кейсу Спасо-Преображенского собора.

Типы сообществ

В изменении городов большую роль играют различные сообщества, которые возникают органически в ответ на потребности индивидов в поддержании общих интересов, близости, эмоциональных связях, обладают, как писал Ф. Теннис, «естественной волей».

Городские сообщества отличаются невероятным разнообразием и могут типологизироваться по различным основаниям, например, по определенным конкретным совпадающим интересам или по наличию общей объединяющей цели, по совместному обыденному сосуществованию в повседневной жизни, по «формам дистанцированной симпатии».¹

В сообщества включаются *активисты* в различных сферах (экологи, волонтеры, правозащитники, поисковые группы, творческие деятели, религиозные деятели и их сторонники), *профессиональные* сообщества (журналисты, социологи, политологи, представители креативных индустрий, архитекторы, торговцы и т. п.), носители самобытного и нетипичного *образа жизни* (диаспоры, общины этнических меньшинств, религиозные общины), сторонники специфических *повседневных практик* (велосипедисты, владельцы домашних животных, сторонники ЗОЖ и любители спортивных практик) и даже маргинальные группы.

Городские сообщества также территориально концентрируются в определенных зонах, которые нередко выступают объединяющим фактором и являются источником общих интересов (элитарные районы, административные пространства, промышленные зоны, университетские городки, этнические кварталы, спальные микрорайоны, бедные трущобы, рыночные площади).

Среди основных акторов изменения городского пространства выделяются администрации различных уровней, политическая и экономическая элиты, чиновники, девелоперы, творцы и интеллектуалы, масс-медиа, активисты.

Согласно подходу американских социологов Дж. Логана и Х. Молотча, ключевых акторов изменения городского пространства можно разделить по двум основаниям: по отношению к стратегии роста города (под ростом в данном случае понимается как экономический рост, так и буквальное разрастание города вследствие жилищного и нежилищного строительства, размещения в нем новых предприятий и производств) и по их возможностям влияния на реализацию стратегии роста. По первому основанию – мы получаем так называемые «*коалиции роста*» – местные группы интересов, представленные разными акторами (бизнес, собственники земли, проектные организации, профессио-

¹ Ярская-Смирнова Е.Р. Анализ городских сообществ [Электронный ресурс] / Е.Р. Ярская-Смирнова. URL: <https://www.hse.ru/data/2011/04/07/1211724626/LectureYarskGorod.pdf>, свободный. (дата обращения: 15.06.2023)

нальные группы, чиновники и политики и др.), заинтересованные в максимально выгодном с экономической т.зр. использовании городской земли. В противоположность им могут возникать и «*коалиции антироста*», или «движения за умеренный рост». Последние ориентируются не на товарную стоимость городской собственности, а на потребительную: выгоды, обещаемые «*коалициями роста*», не восполняют потери, возникшие в результате роста (ухудшение экологии, наплыв мигрантов, утрата культурного своеобразия территории и др.). По наличию у групп ресурсов и возможностей влияния на процесс принятия решений относительно городского развития, авторы делят акторов на «*основных*» и «*запасных*» («вспомогательных») игроков. «*Основные*» игроки обладают разнообразием, но зачастую к ним относятся бизнес, политики и госслужащие, СМИ (в качестве примера приводилась выгода ключевых печатных изданий города от увеличения числа подписчиков), учреждения и организации, оказывающие жилищно-коммунальные и транспортные услуги. К «*вспомогательным*» игрокам авторы относят университеты, музеи, театры, выставки, местные профессиональные спортивные команды, профсоюзные организации и др.¹

Существуют активные и пассивные способы участия сообществ в развитии городского пространства. К активным относятся: общественная деятельность, создание и поддержка некоммерческих организаций по развитию города, волонтерство, участие в городских субботниках, проектах, акциях и мероприятиях по благоустройству придомовых территорий. К пассивным, например, можно отнести: своевременную уплату налогов и услуг ЖКХ, участие в общественных опросах, направленных на выявление мнений по проектам и проблемам города².

В современной урбанистике широко распространенной является идея о необходимости участия общественности (не только профессионалов, но и всех заинтересованных) в процессе принятия градостроительных решений. Признанным подходом является концепция *placemaking* (буквально «создание места»), базирующаяся на идеях урбанистов и социологов Дж. Джекобс и У. Уайта о создании комфортной для жителей городской среды, укреплении местных сообществ с их горизонтальными связями и тесной идентификацией с местом проживания. В современном виде «*placemaking*» предполагает: «преобразование *не-мест* (концепция М. Оже) в идентифицируемые *места*, которые привлекают людей и где люди с удовольствием остаются на некоторое время»; «присвоение пространства определенными группами для определенных це-

¹ Логан Д. Город как механизм (машина) развития [Электронный ресурс] / Д. Логан, Х. Молотч; пер. В. Вагина, 2009. URL: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/x-city-as-growth-machine.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

² Плешкевич И.Б. Типология участия граждан в развитии городского пространства / И.Б. Плешкевич // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4, вып. 1. С. 43–50.

лей»¹, «успешные общественные пространства – это живые, безопасные и особенные места, функционирующие для людей, которые их используют»², «процесс переосмысления общественных зон, где в основе проектирования и программирования публичных пространств лежит диалог и совместная работа профессионалов и комьюнити»³.

Механизмы общественного участия в процессе стратегического планирования подразделяются на 3 функциональные группы:

- *информационные* (информирование населения об изменениях через различные каналы: тематические разделы и публикации в СМИ, виртуальный информационный центр в форме интернет-портала (например, «Наш город Москва», «Управляем вместе») страница или каналы в социальных сетях, раздаточная печатная продукция, рекламные щиты, рассылка писем, пресс-конференции и т. п.),
- *консультационные* (выявление мнения общественности по готовящимся изменениям: опросы, экспертные интервью, фокус-группы, телефонные «горячие линии», общественные приемные, интернет-форумы, открытые семинары и пр.),
- *механизмы соучаствующего проектирования* (вовлечение общественности в процесс разработки и реализации решений: публичные слушания и круглые столы, общественная экспертиза, собрания с местными жителями, дискуссионные площадки, форумы, игры и мастер-классы по разработке концепций развития территории и т. п.)⁴.

Важно отметить, что степень общественного участия варьируется от информационных механизмов к совместной разработке и реализации.

Факторы объединения сообщества

Формирование и жизнь города во многом зависит от населяющего его общества. Многие инициативы продвигаются именно с участием граждан. Однако не всегда жители являются единственными интересантами городских изменений. Город как сложная структура состоит из многих акторов, а значит

¹ Shearmur R. Placemaking: What is it and why is it necessary? [Электронный ресурс] / R. Shearmur. URL: https://www.researchgate.net/publication/325323533_Placemaking_what_is_it_and_why_it_is_necessary, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

² Злотникова Т.С. Placemaking: от глобального движения к локальному опыту [Электронный ресурс] / Т.С. Злотникова, А.Д. Макарова // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/placemaking-ot-globalnogo-dvizheniya-k-lokalnomu-opytu>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

³ Проектирование общественных пространств: метод плейсмейкинга [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/seminars/126308-proektirovanie-obshchestvennykh-prostranstv-metod-pleysmeykinga>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

⁴ См. Ладыгин В.В, Визгалов Д.В. Модель общественного участия в процессе стратегического планирования. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. При поддержке Агентства США по международному развитию (USAID). URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/77/1549875934209bf6c8b91a37b1c7c02db4102492ed/Model.pdf>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

многих интересов, которые могут вступать в противоречие с другими. Как следствие, появляются различные пути формирования городской инициативы:

I. Развитие местной инициативы “снизу”

1. от одного сообщества

а) конфликт с административной структурой

б) сотрудничество с административной структурой

2. в результате разногласий между несколькими сообществами

а) конфликт с административной структурой

б) сотрудничество с административной структурой

II. Использование вертикальной административной структуры для продвижения инициативы “сверху”

а) конфликт с сообществом

б) сотрудничество с сообществом

III. Параллельно из обоих источников (оптимальный вариант для соучаствующего проектирования).

Если же городская инициатива продвигается сообществом, то успех ее зависит от уровня интеграции и консолидации группы, который складывается под влиянием разных факторов. Возьмем за основу условия кристаллизации квазигрупп в группы интересов, выделенных Р. Дарендорфом. Они делятся на *технические* (личные, идеологические, материальные), *социальные* (систематическое рекрутирование, коммуникация) и *политические* (свобода коалиций) условия¹. Применительно к городским сообществам, выступающим с той или иной инициативой, это будет выглядеть следующим образом: 1) *технические факторы* (культурный капитал людей принимающих решение, знание теории урбанистики, понимание городских процессов, юридическая грамотность, материальные ресурсы группы или возможность привлечь спонсорскую помощь со стороны и пр.); 2) *социальные* (уровень сформированности группы, сплоченности сообщества, сильные и слабые социальные связи, социальный престиж деятельности сообщества и др.); 3) *политические* (возможность манифестации, легальной претензии на изменение или сохранение городского пространства, возможность участия в публичных слушаниях и т. п.).

Ключевые процессы изменений

Изменение городского пространства и его составляющих, по сути, представляет собой целый комплекс разнообразных процессов (урбанизация, субурбанизация, джентрификация, индустриализация, деиндустриализация, глобализация, сегрегация и др.), затрагивающих различные сферы жизни общества. В рамках данной работы подробнее остановимся на трех: *городское планирование и благоустройство территории, реституция церковных зданий и джентрификация.*

¹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р.Дарендорф // Социс. 1994. № 5. С. 143.

Под городским планированием понимается комплекс мер, включая исследование и разработку концептуальных основ развития территории, принятие решений органами законодательной и исполнительной власти на уровне региона или муниципалитета. Данные меры направлены на упорядочение различных аспектов городского развития (производственного, транспортного, архитектурного, социального, инновационного и др.) с целью обеспечения устойчивого развития города, повышения качества жизни горожан, создания комфортной городской среды. Они учитывают актуальные разработки в области развития транспортной инфраструктуры, современной организации жилых районов, коммерческой и производственной инфраструктуры, публичных пространств, сохранения экологии и др.

Рассмотрение городского планирования как социального процесса, направленного на выполнение городом своих функций и с т. зр. ключевых компонентов любого социального процесса¹, представлено в табл. 1.

Таблица 11

Городское планирование и благоустройство как социальный процесс

Компоненты социального процесса	Составляющие городского планирования и благоустройства как социального процесса
<i>Субъекты процесса</i>	владельцы городской земли и недвижимости, структуры правительства, руководители строительных организаций, бизнесмены, юристы, корпорации, банки, местные жители и др.
<i>Объект</i>	городское пространство, на которое направлены все социальные действия субъектов
<i>Условия</i>	нормативно-правовая база (Градостроительный Кодекс РФ, ФЗ, генеральные планы, правила землепользования и застройки, схемы территориального планирования, комплексные проекты управления градостроительным развитием территорий и др.) и институциональные условия (включая различные ресурсы) для практик участия различных субъектов в процессе и др.
<i>Причины</i>	разрешение возникающих социальных проблем и удовлетворение потребностей различных групп горожан, которые могут быть артикулированы в форме различных взглядов на городское развитие, устремленных на преобразование городской среды с целью повышения качества жизни горожан
<i>Конечный итог</i>	изменения, которые были произведены по решению субъектов, в т. ч. выработка и подготовка к реализации решения, выработанного различными сторонами процесса

Городское планирование в целом может выступать в качестве обобщающего понятия по отношению к реституции и джентрификации, поскольку если эти два процесса носят запланированный и согласованный с городскими вла-

¹ Морев М.В. Социальные процессы: классическая теория и современная актуальность [Электронный ресурс] / М.В. Морев, В.С. Каминский // Вопросы территориального развития. 2016. № 3 (33). С. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-protsessy-klassicheskaya-teoriya-i-sovremennaya-aktualnost>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

стями характер, они будут иметь отражение в генеральном плане города, потребуют учета эффектов от изменений, поскольку будут влиять на другие элементы пространства и т. п. Так, изменения в зонировании, закрытие или перемещение промышленных предприятий, передача архитектурных комплексов религиозным организациям, ставят городские власти перед необходимостью пересмотра других пространств города, перемещения тех или иных организаций в другие архитектурные комплексы, наделения пространств новыми функциями.

Процесс реституции тесно связан с теми социально-политическими преобразованиями, которые коснулись России в XX и XXI вв. Он представляет из себя процесс, обратный проведенной в XX в. секуляризации церковного имущества, а именно передачу религиозной собственности от государства к церкви в 90-е гг. XX в. и в нач. XXI в. Сам процесс можно изучать с точки зрения правовых, политических, экономических, символических аспектов.

Во второй половине XX века в мировой практике развития городов возник тренд на джентрификацию территорий, подразумевающий разные модели их изменения: преобразование неблагоприятных и депрессивных районов с низким уровнем жизни; освоение пустующих производственных зданий, которые стали высвобождаться в процессе деиндустриализации, что привело к формированию моды на производственную эстетику (лофт); редевелопмент крупных промышленных зон с перестройкой и перепрофилированием зданий, располагающихся на выгодных участках городской земли с целью повышения инвестиционной привлекательности территории, оживления в ней городской жизни, привлечения креативного класса¹. Важную роль в этом процессе играет культурный фактор, т. к. в условиях постиндустриального мира развитие городских территорий производится, прежде всего, через насыщение пространств креативными, разнообразными, интересными для населения локациями, организациями, объектами, в которых можно получать новые впечатления, отдыхать, учиться, творить. В России джентрификация происходит последние несколько десятков лет и затрагивает в основном крупные города. Так можно привести в качестве примера проект «Новая Голландия: культурная урбанизация»² в городе Санкт-Петербург, в рамках которого на острове Новая Голландия, где в разное время располагались морская тюрьма и склады военно-морской базы, путем реконструкции был организован городской парк, проведены реставрационные работы и открыты исторические здания, с расположенными

¹ Афанасьев К.С. Джентрификация и реиндустриализация в развитии городской территории / К.С. Афанасьев // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Социальная и экономическая география. Т. 6, вып. 2. 2014. С. 48–60.

² Официальный сайт проекта «Новая Голландия: культурная урбанизация» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newhollandsp.ru/>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

ми в них кафе и ресторанами, открыты для посетителей газоны и набережная, разбиты аллеи и сады, организованы павильоны для культурных и учебных мероприятий, пространства для проведения концертов, просмотра кино и театральных постановок. Все это сопровождалось размещением скульптур, арт-объектов, киосков, магазинов. Пространство активно функционирует, однако реставрационные работы еще продолжаются, планируется создание культурных и образовательных центров и даже научных лабораторий. Остров стал модным местом досуга горожан и культурной интеллигенции, знаковым пространством для реализации различных творческих мероприятий и проектов.

В данной части работы по урбанистике фокус будет сделан на рассмотрении трех случаев в контексте трех вышеназванных процессов: *благоустройство и планирование* территории будет рассмотрено на примере Сада Соловьев, процесс передачи здания Спасо-Преображенского собора Пермской художественной галереи и его возврат РПЦ будет рассмотрен в контексте *секуляризации и реституции* церковного имущества, в контексте *джентрификации* будет рассмотрено преобразование территории Пермского мотовозоремонтного завода «Ремпутьмаш» в креативное пространство «Завод Шпагина».

САД СОЛОВЬЕВ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРОЦЕССА ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И БЛАГОУСТРОЙСТВА ПРИ СОЗДАНИИ И ПРОЕКТИРОВАНИИ ГОРОДСКИХ ПАРКОВ НА ПРИМЕРЕ САДА СОЛОВЬЕВ В ДОЛИНЕ МАЛОЙ РЕКИ УИНКА

Одно из значимых мест в системе городских публичных пространств занимают общественные места с озеленением («зеленые зоны») и с близостью к водным ресурсам («голубые зоны»). Помимо очевидной досуговой функции они выполняют функцию восстановления физического и психического здоровья, на что указывают эксперты ВОЗ на основе структурирования фактических данных, полученных в результате проведения систематических обзоров и различных исследований. Они отмечают, что «именно наличие разнообразных зеленых зон, а не стандартная конфигурация одного типа и их более высокая концентрация, может удовлетворить потребности различных групп населения»¹. Также, несмотря на меньшее по сравнению с прибрежными зонами число исследований воздействия внутренних водоемов (рек, каналов, пресноводных бассейнов и пр.), в целом отмечается их положительные связи с психическим здоровьем. Для анализа влияния «зеленых» и «голубых» публичных пространств Перми на человеческий потенциал пермяков (в частности капитал здоровья), нами был выбран кейс Сада Соловьев, который как раз иллюстрирует пример указанного выше разнообразия типов. В отличие от парков городского и районного значения, привлекающих в рамках массовых мероприятий большое число горожан, Сад Соловьев в долине малой реки Уинка, сочетающий в себе зеленую и голубые зоны, представляется скорее «камерным», и выступает альтернативой более людным общественным пространствам (городским паркам, скверам, набережной и др.), предоставляя возможности для тихого отдыха, предполагающего наблюдение за природой и пешие прогулки в отдаленных от городской суеты местах. Данное пространство также представляют интерес с точки зрения того, кто является инициатором создания пространства и поддержания его в функциональном состоянии. Значительный ряд парков и скверов стоят на балансе города или находятся в оперативном управлении организаций, учредителем которых является администрация г. Перми (например МАУК «Пермь Парк»): по сути, ключевым субъектом инициативы выступают городские власти. Кейс Сада Соловьев любопытен, в первую очередь, тем, что создание пространства инициировано активистами, проживающими в близлежащих домах, которые также добились внесения изменений в правила землепользования и застройки, установив на участке зону парков Р-1 (зона парков и

¹ Зеленые и голубые зоны и психическое здоровье: новые фактические данные и перспективные направления деятельности. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ; 2022 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/351685>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

скверов); при этом Сад Соловьев в официальный перечень городских парков и скверов по-прежнему не включен.

Ряд выводов будет опираться на авторское исследование «Проектирование парка в долине малой реки Уинки г. Перми (Сад Соловьев)», проведенное в сотрудничестве с АНО «Вектор развития комфортной среды» и сообществом Сада Соловьев сотрудниками и студентами кафедры социологии в 2020 г. В ходе исследования были проведены 4 фокус-группы с разными возрастными группами (молодежь, взрослые, пожилые, родители детей дошкольного и младшего школьного возраста).

На территории г. Перми существует большое количество малых рек (Егошиха, Данилиха, Ива, Мотовилиха, Балмошная, Язовая). Вопрос об использовании долин малых рек в качестве полноценных мест отдыха жителей города на повестке уже в течение некоторого времени (например, пермский проект «Зеленое кольцо» предполагает создание экологических парков в долинах двух малых рек). Сад Соловьев располагается в долине малой реки Уинка, притока реки Ива, и территориально связан с микрорайонами Садовый и Городские горки Мотовилихинского района Перми. Еще в советский период было предпринято несколько попыток благоустройства микрорайонов и долины Уинки: первый – «Соцгородок Горки» (единый парковый комплекс Городские горки, Сад Соловьев, Ивовый сквер) швейцарского архитектора школы промышленного дизайна Баухауз Х. Майера на основе личных изысканий на местности (1932 г.), второй – генеральный план застройки района институтом «Ленгипрогор» (1957 г.)¹, третий – план «Парк Пионерии» авторства крупного практика-озеленителя В.Л. Миндовского (1960 г.)². На данный момент небольшая часть планируемого парка уже обустроена ресурсами местных жителей (работы ведутся с 2007 г.).

Следует отметить, что активисты Сада Соловьев схожи по своим характеристикам с «коалициями антироста», выделенными в упомянутой выше концепции Дж. Логана и Х. Молотча. Свидетельством этого является то, что они на протяжении нескольких лет активно выступают против застройки долины реки объектами жилищного строительства. Так, например, в 2014 г. благодаря их усилиям по мобилизации/консолидации общественного мнения на публичных слушаниях большее число участников выступили *против* презентованного проекта застройки Сада Соловьев. Фокус-групповое исследование среди жителей микрорайона Садовый и Городские горки показало, что частью участников

¹ См. Речка Уинка. История. Материалы сайта Речка Уинка – Сад соловьев [Электронный ресурс]. URL: <https://уинка.рф/history>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

² См. Воспоминания. Дневники. Письма. 2019. Материалы сайта МБУ «Архив города Перми» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.permarchive.ru/index.php?page=vospominaniya-dnevniki-pisma-2019>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

также транслируется данная позиция – «*Минус – это «Аврора», вот этот муравейник, с которым мы никак не смогли справиться»* (Фокус-группа № 2, далее ФГ№...), «*Озеленение не предусмотрено нигде, где идет застройка новыми высотными домами»* (ФГ№4). Кроме того, они активно выступают против использования небольших участков, оставшихся от садоводческих товариществ советского периода: собственники участков наносят вред зеленым насаждениям, стремятся либо продать участки крупным застройщикам, либо построить на них гаражи, склады, автомобильные парковки и пр. («... *собственники гаражей... срубили огромное дерево. Когда им нужно убрать какое-то дерево, они каким-то там веществом обрабатывают, дерево начинает сохнуть в течение двух недель, потом они говорят “сухое дерево, всё”*» (ФГ№2), «*Само нахождение заправки рядом со сквером – крайне сомнительно»* (ФГ№4). При этом сообщество Сада Соловьев, начав формироваться с 2007 г., вело параллельно несколько направлений деятельности для укрепления собственных позиций. Рассмотрим их с т.зр. уже упомянутых ранее факторов кристаллизации и организации квази-групп в фактические группы, выделенных Р. Дарендорфом.

Технические условия предполагают личную вовлеченность и собственные материальные затраты участников группы. Так, в связи с изначально полученным в 2007 г. косвенно отрицательным ответом от администрации Мотовилихинского района на запрос о ликвидации свалки в Поваренном Логу (работы «производятся в рамках выделенного финансирования»), жители близлежащих домов (ТСЖ «ЖК «Кристалл» в дальнейшем совместно с волонтерами) начали заниматься самостоятельным благоустройством территории, в последующем продолжая поддерживать ее в функциональном состоянии и улучшая ее. Усилиями активистов были проведены сбор и вывоз мусора, прочистка русла ручья, посадка деревьев (в т. ч. коллекция сиреней) и кустарников, проложена экологическая тропа, оформлена входная группа «Сад Соловьев», установлены стационарные кормушки для подкормки птиц зимой, высаживаются медоносные цветы, устроены трухлявые заповедники, зоны для занятий йогой и медитацией и др. Для поддержания территории в благоустроенном виде проводятся мероприятия: на регулярной основе субботники, «Праздник встречи соловьев», "День древонасаждения", периодически – всероссийская акция «Чистый берег», велоквесты «Соловьиные вечера», «Полевой цветок», «Где растет дуб», праздник «Раздельного сбора мусора», «Сезон кипрея» и др.¹ Данные мероприятия, также позволяют удовлетворять досуговые, образовательные, коммуникативные потребности различных групп. Результаты проведенных фокус-групп с жителями прилегающих районов также подтверждают, что данная зеленая зона

¹ См. Речка Уинка. История. Материалы сайта Речка Уинка – Сад соловьев [Электронный ресурс]. URL: <https://уинка.рф/history>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

рассматривается как возможность удовлетворить данные потребности. В ходе исследования были выделены 4 ключевые группы потребностей:

- **прогулка (двигательная активность):** жителям важно иметь в шаговой доступности природную территорию, где можно «гулять» (ФГ№1) и «дышать свежим воздухом» (ФГ№1);
- **организация пассивного и активного отдыха:** «прогулки с детьми» (ФГ№2) и «...родными» (ФГ№4), желание «наслаждаться природой» (ФГ№1), проводить «активный отдых» (ФГ№1), «загорать» (ФГ№1), «послушать пение птиц» (ФГ№2), «птиц фотографировать» (ФГ№2);
- **познавательные потребности:** для жителей важно во время прогулок «детям показать информацию» (ФГ№2), «ездить по экологическим тропам» (ФГ№2), играть в «интеллектуальные игры» (ФГ№2), «проводить мастер-классы» (ФГ№2), посещать «лекции» (ФГ№3), проводить «экскурсии» (ФГ№3);
- **забота о природе:** участники отмечают, что «кормят птиц» (ФГ№2), проводят «экологические лектории» (ФГ№2), «следят за территорией зелёной» (ФГ№2), «занимаются посадкой деревьев» (ФГ№2), «наблюдают за местной флорой и фауной» (ФГ№4).

На начальных этапах многие работы осуществлялись на финансовые средства самих жителей. В дальнейшем группе удалось привлечь материальные средства за счет получения грантов (например, победа в конкурсе "Город – это мы" 2011 г.), помощи со стороны горожан (например, подарок 1000 луковиц нарциссов от жителей города), а также инициировать процесс очистки территории государственными и муниципальными органами. Так, в 2009 г. с Администрацией Мотовилихинского района заключено соглашение об использовании общественных работ в благоустройстве долины реки, в 2010 г. совместно с Управлением по экологии и природопользованию администрации г. Перми проведен экологический лагерь – «Отряды мэра», в 2015 г. Министерство природных ресурсов Пермского края совместно с Управлением по экологии и природопользованию администрации г. Перми провело очистку речки Уинки¹.

Политические условия предполагают свободу коалиций, т. е. возможность самоорганизации и взаимодействия с органами власти по интересующим сообщество вопросам. Эта линия действий активистами Сада Соловьев также велась практически с самого начала формирования сообщества; она представлена обращениями (письма, сбор подписей, участие в публичных слушаниях, встречах, совещаниях) в органы власти (Администрация Мотовилихинского района г. Перми, Пермская городская дума, в т. ч. Комитет по вопросам градостроитель-

¹ См. Речка Уинка. История. Материалы сайта Речка Уинка – Сад соловьев [Электронный ресурс]. URL: <https://уинка.рф/history>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

ства и некоторые депутаты, глава города, Управление по экологии и природопользованию, Департамент земельных отношений, Департамент градостроительства и архитектуры администрации г. Перми, Пермская комиссия по землепользованию и застройке, Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Пермскому краю и др.). В первую очередь, целью обращений было закрепление за территорией статуса рекреационной зоны (Р1 – зона парков и скверов), особо охраняемой природной территории (далее ООПТ), водоохранного объекта, включения Сада Соловьев в программу «Организация и обустройство мест массового отдыха жителей города Перми» или в перечень скверов и парков г. Перми. Закрепление за Садам Соловьев данных статусов позволило бы гарантировать его будущее, поскольку налагало запрет на строительство на территории долины Уинки зданий, сооружений, промышленных и коммунальных объектов, не связанных с рекреационной и природоохранной деятельностью, выделение земельных участков под садоводство, огородничество. В целом, многие из предпринятых действий следует признать успешными, о чем свидетельствует включение участка в границы территориальной зоны городских парков, скверов, бульваров (Р-1 Зона Парков) в Правилах землепользования и застройки в 2009 г.¹, в 2010 г. Поваренный Лог признан водоохранной зоной и относится к СТН-Г – зоне многофункциональной жилой застройки как озелененная территория общего пользования в Генеральном плане города², также совместно с Управлением по экологии произведена разъяснительная работа с собственниками садовых участков по правилам хозяйственной деятельности в водоохранной зоне, в 2015 разработан и принят Комплексный план развития природных территорий³, согласно которому Сад Соловьев входит в ООПТ Ивинский и др.

Ряд запросов и проектов по благоустройству получили поддержку со стороны администрации города, с частью департаментов и управлений выстроены долгосрочные отношения сотрудничества. Однако получение территорией статусов рекреационной или водоохранной зоны не означает, что не требуется последующего постоянного мониторинга ситуации. Так, в 2014 г. существовала угроза застройки долины десятиэтажными жилыми домами, а в августе 2022 г. Пермский краевой суд по заявлению одного из собственников бывшего садового участка отменил зону рекреации на территории Сада Соловьев. В свою оче-

¹ Решение Пермской городской Думы от 24 февраля 2009 г. № 29 «О внесении изменений в решение Пермской городской Думы от 26.06.2007 № 143 “Об утверждении Правил землепользования и застройки города Перми”», п. 3.15.

² Решение Пермской городской Думы от 17 декабря 2010 г. № 205 «Об утверждении Генерального плана города Перми».

³ Постановление Администрации г. Перми от 28 октября 2014 г. № 782 «Об утверждении Комплексного плана развития системы особо охраняемых природных территорий местного значения города Перми».

редь по исковым заявлениям природоохранной прокуратуры к бывшим членам садового товарищества № 1 «Искра» Мотовилихинский суд исключил береговую полосу Уинки из земель садового товарищества. В защиту Сада также выступал нынешний губернатор Пермского края Д. Махонин, который поручил создать в границах всей реки Ивы (Уинка – ее приток) ООПТ.

Некоторые участники фокус-групп отмечали, что на протяжении последних нескольких лет практически каждый из них попытался отстоять или защитить от загрязнения и неправомерной застройки территорию Сада. Многие из них разделяют точку зрения, что участие жителей в процессе городского планирования и благоустройства должно носить характер «соучаствующего проектирования» – *«нужно учитывать мнения жителей», «затем на основе собранных данных принимать решения»* (ФГ№4). Или как минимум осуществляться в рамках консультационных механизмов, о которых говорилось во введении, а не просто представлять собой информирование населения об уже принятых и реализованных решениях. Однако, несмотря на опыт успешного взаимодействия с органами власти, по мнению участников исследования, есть и определенные барьеры. *«Это как со стенкой разговаривать, можно обратиться письменно, устно, но к этому не прислушиваются, даже если найдешь какие-то реальные решения по тому же благоустройству»* (ФГ№4), *«Поставили её (речь о заправочной станции, разрушающей целостность Ивового сквера. – Прим. авт.) и всё. Ни с кем же не согласовывали»* (ФГ№3), *«вопрос решается только с точки зрения администрации»* (ФГ№2), *«пробовал однажды обращаться в приемную, <...> но потом эта проблема не решается, <...> Нет ни ответа, ничего»* (ФГ№1), *«в ответ на тебя формируют уже другое письмо... если ты написал, что мы просим убрать забор, они пишут, что на тебя подают в суд, что идет захват частной территории»* (ФГ№2), *«чтобы закрыть рот, они обязательно найдут лазейку, такую, чтобы сказать, что будете платить штраф»* (речь о выписке штрафа дому из-за неправильно оборудованного дождевого слива, ведущего в реку, выявленного в результате экспертизы, инициированной самими жильцами. – Прим. авт.) (ФГ№2). При этом есть установка, что направление официального письма или запроса более эффективно, чем устная коммуникация с властью возможно в силу формализации процедур работы с обращениями граждан (*«лучше 10 писем, чем одно <...> письмо оно лучше, чем устная беседа»* (ФГ№2)). В силу возникающего у активистов ощущения, что есть определенные барьеры во взаимодействии с органами власти (задержки с ответом, отписки, ответные «скрытые угрозы» штрафов или судебных разбирательств, отсутствие учета мнения граждан), некоторые из участников исследования не исключают, что придется прибегать к альтернативным стратегиям.

Первую стратегию условно можно назвать транзакционными отношениями между жителями и представителями власти по принципу «услуга за услугу», где каждый из участников стремится к получению определенной выгоды. Участниками фокус-групп она формулируется следующим образом: «*прижать* (фамилия депутата – прим. автора)» (ФГ№4), базируется на предыдущем опыте взаимодействия («*как в прошлый раз, поставить перед фактом, что не будем голосовать*»), «*он перед выборами собственно так сквер и сделал*» (ФГ№4)) и предполагает использование заинтересованности депутатов и партий в формировании положительного имиджа и в общественной поддержке в предвыборный период электорального цикла («(название партии – прим. автора) *нужен рейтинг*» (ФГ№4).

Вторая стратегия предполагает проведение «*митинга с приглашением прессы*» (ФГ№3), т. е. направлена на мобилизацию общественного мнения по поводу проблемы, помещению ее в публичное поле через массовые акции.

Социальные условия для более эффективного объединения и действия группы предполагают систематическое рекрутирование и коммуникацию. Следует отметить, что и в этом отношении сообщество Сада Соловьев выстраивает довольно успешную стратегию, привлекая различные организации к сотрудничеству, в частности они активно сотрудничают с НКО и третьим сектором – Волонтеры Перми, Фонд культурного и природного наследия «Обвинская Роза», общественное движение «Мусора. Больше. Нет.», Совет ветеранов, ТОС и др. Кроме того в число партнеров входят общеобразовательные учреждения, например, Гимназия №2, Средняя общеобразовательная школа № 146 с углублённым изучением математики, физики, информатики, кроме того, в проекте «Парк Друзей» приняли участие 22 школы, включая интернат для слабовидящих. Совместные проекты со школами в основном связаны с экологическим просвещением (мастер-классы, лекции, помощь в написании исследовательских проектов школьников) и волонтерством. В партнеры Сада Соловьев также входят пермские университеты и центры исследований (Лаборатория проектирования кафедры архитектуры и урбанистики ПНИПУ, ВШЭ, кафедра биогеоэкологии и охраны природы, кафедра социологии ПГНИУ), архитектурные бюро, которые, в первую очередь, помогают проекту исследованиями, экспертизой, научным обоснованием тех или иных решений. В том числе, сообщество Сада Соловьев сотрудничало со специалистами из других регионов и зарубежными учеными (ландшафтные дизайнеры из Чебоксар, специалисты по малым садовым формам К. Демичева из Воронежа и С. Имз из Глазго, Стивен А. Роза, доктор наук по планированию и городскому развитию из Луисвилля, США), с голландскими экологами-специалистами по созданию садов для слепых и людей с ограничениями по движению. Привлекаются специалисты из различных обла-

стей, в т. ч. из творческих индустрий: в Саду проводились мастер-класс акварельной живописи цветущей сирени художницы О. Кучевой, пластический спектакль «Соловьиные ночи» режиссера А. Бехтерева по мотивам эскиза известного художника Ю. Лапшина, мастер-класс руководителя Пермской школы мультипликации А. Василькова, концерт хора и др. На постоянной основе в Саду Соловьев в зависимости от сезона проводятся различные экопрактики, занятия цигун, медитации, праздник снежных фонарей и пр. У активистов есть связи со СМИ (телевидение, радио, новостные интернет-порталы, социальные сети).

Такое разнообразие партнеров позволяет сообществу сохранять стабильность и продолжать заниматься благоустройством территории в дальнейшем, поскольку за счет подключения социального капитала сообщества, использования «силы слабых связей» им удастся получить необходимую поддержку для реализации своих целей. Кроме того, чем больше различных сообществ (профессиональных, образовательных, творческих, волонтерских) вовлекается в работу по развитию данной территории, тем больше узнаваемости, привязанности к месту, общественный резонанс проекта «Сад Соловьев». В данном случае различные акторы единожды инвестировав свое время, силы, знания и навыки, чувствуют некоторую связь с местом, «оправдывая» уже вложенными затратами свою дальнейшую предрасположенность к проекту. В целом это яркий пример создания «коалиции за управляемый рост». Зарубежные исследования показали, что двумя факторами успеха «движений за управляемый рост» были наличие ядра активистов, как правило, выступающих в защиту окружающей среды и социальная поддержка со стороны «активного “светского” среднего класса», «студентов, преподавателей и служащих университета Санта-Круз» (позиционируемого ими как «наиболее либерального университета в стране»), а также защитников окружающей среды, которые активно защищали красивое побережье от Санта-Круз до Сан-Франциско»¹. В случае Сада Соловьев – такой ключевой фигурой среди активистов выступает Н. Баглей. При этом участники фокус-групп сами подчеркивают, насколько им важно наличие такого активиста: *«я пойду за активистом, за хорошим лидером, я его поддерживаю <...>. Если я вижу, что человек заинтересован, то в свободное или другое время, то я поддерживаю, для меня важен лидер»* (ФГ№1) *«через представителя, в нашем микрорайоне – это Надежда Баглей»* (речь про взаимодействие с органами власти. – Прим. авт.) (ФГ№2), *«Я думаю, что это все-таки начинается с активистов, которые подтягивают остальных жителей»* (ФГ№4). При этом социальная база поддержки проекта по благоустройству долины р. Уинка, судя по составу партнеров сообщества Сада Соловьев, очень схожа с описанными в исследова-

¹ См. Ледяев В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах / В. Г. Ледяев. М.: НИУВШЭ, 2012. С. 94–95.

нии по побережью Санта-Круз – это университеты, ученые и специалисты в области экологии, урбанистики, ландшафтной архитектуры, экоактивисты, представители творческих индустрий и проч.

Таким образом, можно резюмировать процесс взаимодействия группы активистов с местным сообществом и с городскими властями в виде схемы (см. рис. 9), где в зависимости от намерений, условий и имеющихся у группы ресурсов проект благоустройства создается и реализуется активистами из числа местных жителей, либо же передается для реализации какой-то другой организации, включая варианты с постановкой озелененной территории на баланс города или ее поступления в оперативное управление муниципальным учреждением, специализирующимся на парках и скверах. При этом в зависимости от степени поддержки местными (рядовыми) жителями активиста, вокруг лидера формируется группа, в которой происходит распределение задач по реализации проекта благоустройства, в отсутствие поддержки такой лидер остается «один на один» с проблемой, на решение которой направлен проект. Кроме того, в зависимости от наличия или отсутствия поддержки инициативы со стороны органов власти администрация воспринимается как партнер или как барьер.

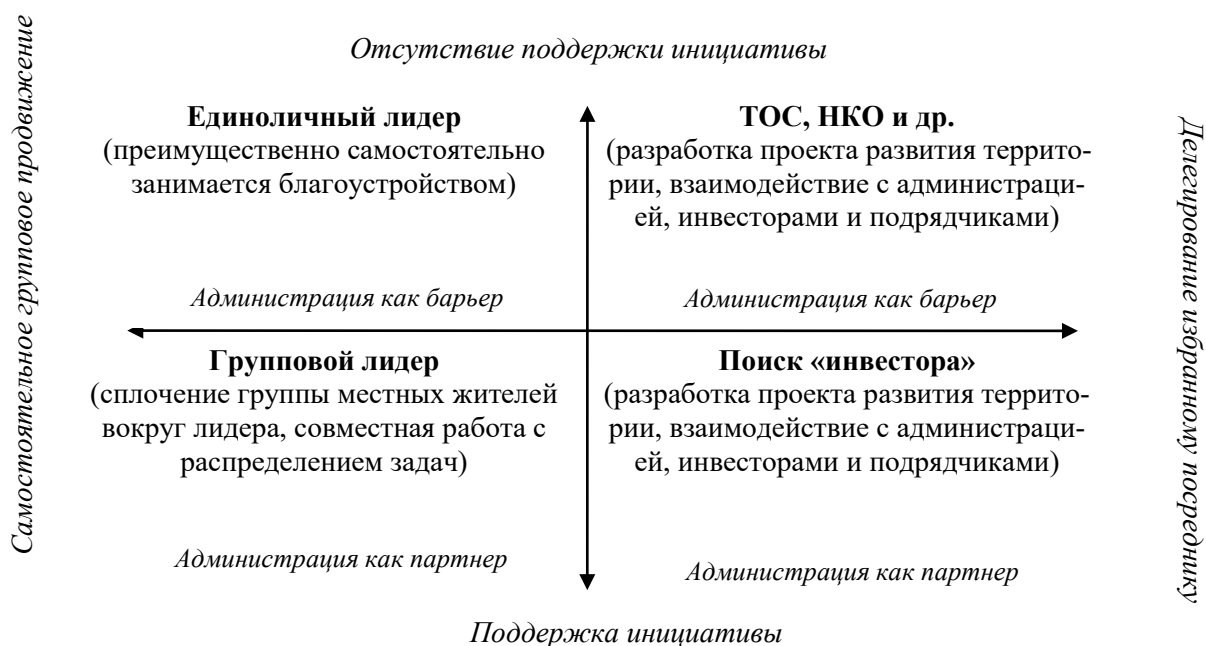

Рис. 9. Модель взаимодействия активистов с различными субъектами при городском планировании и благоустройстве

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И КРЕАТИВНЫХ СООБЩЕСТВ В ПРОЦЕССЕ ИЗМЕНЕНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ХОДЕ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ И РЕСТИТУЦИИ ЦЕРКОВНОГО ИМУЩЕСТВА

Рассмотрим взаимодействие религиозного сообщества и творческой интеллигенции на примере кейса передачи здания Спасо-Преображенского собора в результате секуляризации и реституции религиозного имущества, происходящей в России на рубеже XX–XXI вв. Для анализа данных процессов была использована акторно-сетевая теория, модель которой была кратко описана выше. Однако для полноценного понимания процессов нам стоит немного направить и дополнить нашу модель.

Как уже было сказано, архитектурный комплекс состоит из *human* и *non-human* элементов. Систематизация данных элементов и особенности данных элементов в рамках религиозного архитектурного комплекса представлены в табл. 12.

Таблица 12

Архитектурный комплекс как устойчивая сеть отношений

Элементы сети	Архитектурные комплексы в целом	Религиозные архитектурные комплексы
<i>Человеческие (human)</i>		
Социальные актанты	сообщества, организации, отдельные индивиды, взаимодействующие с архитектурным пространством, и населяющие его или претендующее на него	сообщество верующих и их отдельные инициативные группы, местные религиозные организации, подчиняющиеся централизованному религиозному организациям, конкретные религиозные деятели
<i>Не-человеческие (non-human)</i>		
Материальные актанты	непосредственно архитектурные объекты: здания и постройки со всеми составляющими внутренне убранство объектами, а также прилегающие территории	соборы, монастыри, церкви, а также прилегающие территории; – кладбище, площадь и т. п. и иные материальные объекты (в случае религиозных архитектурных комплексов, это будут религиозные реликвии, церковная утварь и т. п.).
Нематериальные (символические) актанты	определенные идеи или программы действия, заложенные в объекты и комплексы, атрибуты, которые интерпретируются людьми, указывая на функциональное или идейное назначение объекта и т. д.	религиозные атрибуты здания (колокольня, крест, молитвенные барабаны, минареты, полумесяцы и т. п.), указывающие на него, как на место для совершения религиозных обрядов определенной группы верующих*

Следует также отметить, что к нематериальным объектам можно отнести и «гений места»¹, который в случае религиозного архитектурного комплекса может трактоваться сообществом и местными жителями как «намоленность» места, наличие особенной духовной атмосферы, особенная аура, дух возвышенности, объект, наделенный статусом сакральности. В ряде случаев это может ассоциироваться с фигурой отдельного святого, жизнью крупного религиозного деятеля, историями чудодейственных явлений, местом пребывания какой-то значимой реликвии (мощи святых, чудодейственных икон) и проч.

Human и *non-human* элементы работают как акторы, поддерживающие устойчивость сети отношений. Если мы исключаем акторов из сети, то устойчивость снижается.

Перейдем к анализу случая передачи здания собора. Спасо-Преображенский собор, являющийся одним из самых старых архитектурных сооружений в городе Пермь, был построен на основе Спасо-Преображенского монастыря, основанного в 1560 г. на территории Пермского края и затем перенесенного в Пермь. Примечательно, что камни из Лысьвенского монастыря (материальные объекты: 3 храма с колокольнями, колокола, священнические одежды, иконостас, Евангелий с деками, церковная утварь) были использованы при строительстве собора в Перми; таким образом, сам собор наследовал элементы сети отношений Пыскорского и ряда других монастырей, располагавшихся в Пермском наместничестве. При этом наблюдается влияние другой сети отношений на построение и рост устойчивости сети отношений Собора. В данном случае речь о городе Перми как отдельной сети отношений, которая после обретения статуса губернского города в 1796 г. (в этот период наблюдается рост самостоятельности Пермского наместничества, впоследствии губернии) также стремится к устойчивости. Спасо-Преображенский монастырь как духовный центр Перми позволяет укрепить устойчивость ее сети, ведь «как невозможно отделить человека от Бога, так и городу невозможно быть административным центром, не будучи при этом духовным»². В 1799 г. было создано Пермское епархиальное управление, что привело к трансформации объекта из просто монастырской сети в «Архиерейский квартал». Организационные изменения (создание самостоятельной Пермской епархии вместо предыдущего деления управления между Вятской и Сибирской) привели к изменению назначения самого архитектурного объекта, изначально задуманного как монастырь, в комплекс, в том числе и церковно-административного характера. Изначально монастырь, в дальнейшем

¹ См. Петухов Р.В. Гений места: опыт эмпирического исследования / Р.В. Петухов, О.В. Судомоина, Г.А. Лапин, А.А. Тутынин, Г.И. Яковлев // Городские исследования: теория и практика: монография = Urban Research: Theory and Practice. М.: Издательство «Проспект», 2020. С. 267–283.

² Гмызина М.А. Пермский Спасо-Преображенский Кафедральный собор / М.А. Гмызина, Р.В. Калашникова, А.И. Пестова. Пермь: [б. и.]. 2020. С. 8.

Собор с архиерейским кварталом, и город Пермь взаимно поддерживают устойчивость своих сетей отношений. Город как сложная сеть взаимодействий вовлек Собор в свою сеть, переорганизовав его функции таким образом, чтобы его роль стала поддерживать устойчивость городской сети в целом. В то же время «Архиерейский квартал» также поддерживает свою собственную сеть отношений. Устанавливается симбиоз сетей отношений.

«Архиерейский квартал» – это сеть отношений, включающая человеческие (*human*) и нечеловеческие (*non-human*) элементы. Включение различных архитектурных объектов в комплекс, таких как духовная семинария, консистория, кладбище и соборная площадь, имеет свою функциональную и связующую роль в работе религиозной организации и прихода. Духовная семинария как часть комплекса выполняет важную функцию поддержания сети, обучая новых членов организации и поддерживая установленный порядок. Соборная площадь является пространством для публичной коммуникации с верующими и укрепления связи религиозной организации с местным сообществом. Кладбище, в свою очередь, служит для сохранения памяти о членах организации и отделения места их погребения от захоронений мирян. Архитектурный объект консистории, являющийся административным ядром комплекса, выполняет управленческие функции, такие как судебные процедуры, управление церковным имуществом и обеспечение строительства и благоустройства церковью. Эти различные архитектурные объекты в «Архиерейском квартале» взаимодействуют в целях поддержания устойчивости сети и самоуправления. Они создают новую сеть отношений, в которой все элементы работают вместе для достижения общей цели – сохранения стабильности сети.

Изменение архитектурного пространства в ряде случаев может выступать инструментом «борьбы» сетей. Находясь под влиянием процессов секуляризации и десекуляризации, функционирование архитектурного комплекса в режиме религиозной или нерелигиозной направленности, по сути, представляет собой две устойчивых сети отношений. В результате этих двух процессов происходит борьба между двумя конкурирующими за элементы сетями отношений, например собором и музеем. Основным методом этой борьбы является поддержание и усиление устойчивости отношений. Конечной целью борьбы является либо разрушение конкурирующей сети, либо получение преобладающего статуса (максимальное снижение угрозы от конкурирующей сети). Выделенные три основных *инструмента борьбы сетей* представлены в табл. 13.

Инструменты борьбы сетей устойчивых отношений архитектурных комплексов религиозных и светских организаций

Инструмент	Пример работы инструмента на архитектурных комплексах религиозных организаций
полное удаление конкурирующей сети, включая всех ее актантов и замена ее новой сетью с новыми актантами	<p><u>Материальные</u>: снос здания</p> <p><u>Социальные</u>: маргинализация верующих, ограничение деятельности религиозных организаций</p> <p><u>Символические</u>: обесценивание религии как общественной ценности</p> <p><u>Материальные</u>: новые архитектурные объекты, связанные с другими организациями (например, постройка авиационного техникума на месте взорванной Воскресенской церкви, зоопарка на месте архиерейского кладбища)</p>
удаление ряда наиболее значимых элементов конкурирующей сети	деконструкция и удаление религиозных атрибутов (снятие креста, молитвенных барабанов, разбор алтаря)
изменение значения («захват») актантов конкурирующей сети	само здание не разрушается, но используется под другие светские нужды (здание собора используется в качестве галереи, музея, настоятельские и братские корпуса в качестве административных или складских помещений, использование церковной утвари в качестве элемента атеистического музея).

Секуляризация религиозной собственности, которая повсеместно происходила после революции в результате принятия в 1918 г. декрета об отделении Церкви от государства, школы от Церкви, можно рассмотреть как борьбу сетей отношений. Так как государство нуждалось в изменении сознания граждан, то бывшие религиозные здания рефреймировались, так произошло и с «Архиерейским домом», который в марте 1922 г. был передан Пермскому научно-промышленному музею. Первым инструментом борьбы сетей стало *удаление значимых объектов конкурирующей сети*. К ним можно отнести нейтрализацию религиозного значения внешнего облика здания собора за счет сноса шпиль с крестом, очистку земельного участка с архиерейским кладбищем под зоосад, уничтожение могильных плит или использование надгробных плит в строительстве новых зданий. Второй инструмент – *изменение значения, «захват» актантов конкурирующей сети*, представлен использованием предметов для отправления культа в качестве экспонатов антирелигиозных выставок, проводившихся в здании бывшего собора для пропаганды атеистического мировоззрения. Иллюстрацией применения данного инструмента также является перепрофилирование зданий архиерейского квартала: собор был закрыт и переоборудован под галерею (реконструкция ризницы, устройство

лекционного зала в нижней части зала, рабочих кабинетов научных сотрудников в верхней части). Здание Пермской духовной семинарии было занято Пермским военным институтом ракетных войск. Так, на данном историческом этапе действия второй сети привели к тому, что пространство и архитектурные объекты стали изменяться под потребности новой организации власти с атеистическим мировоззрением.

Более радикальным инструментом борьбы сетей является *полное удаление конкурирующей сети и/или замена ее новой*. Для сохранения Спасо-Преображенского собора как памятника архитектуры и возможности функционирования в качестве духовного центра в будущем значимо, что этот инструмент не применялся. Однако его применение можно проиллюстрировать случаем сноса Воскресенской церкви. Изначально предполагалось передать здание под просветительские нужды (изменение значения актанта конкурирующей сети), но в 1940 г. здание было взорвано. Образовавшаяся при этом площадь Президиума Горсовета получила новое наименование. Можно предположить, что смена урбанонима (вид внутригородского топонима) связана с намерением удалить символический элемент прежней сети (площадь иногда именовалась не «Сенной», а «Вознесенской», т. е. отсылающей к религиозной тематике) и заменить его на новый, с отсылками к значимым для нового общества событиям или персоналиям («Седьмая годовщина Октября», «площадь им. Кирова»). Стоит отметить, что до сноса Воскресенской церкви и после закрытия Спасо-Преображенского собора, Пермская епархия переехала именно в ее здание, а сам Храм во имя Воскресения Христова получил статус кафедрального собора. Поскольку деятельность религиозной организации не находилась под полным запретом, она продолжала действовать как актер сети отношений и для сохранения своей устойчивости переводила других акторов своей сети в другие здания.

В истории борьбы сетей отношений Спасо-Преображенского собора и Пермской художественной галереи были попытки сети Собора вернуть свою устойчивость. В 1946 г. было подано прошение о возвращении собора верующим, однако этого не произошло. Вместе с тем многие верующие продолжали приходить в художественную галерею, рассматривая ее как священное место для богослужения. Таким образом, хотя контекст и смысл здания были изменены, его история продолжала играть важную роль. Закрепился особый характер места, его «намоленность». Такое явление, как «гений места», который связан с особой аурой и историей места, оказалось менее подвержено изменениям и борьбе сетей в сравнении с другими элементами сети, такими как физические и социальные аспекты.

Это отразилось и в дальнейшем, когда вопрос о возвращении церковного имущества стал объектом общественной повестки. В 2006 г. агентством «СВОИ» проводилось исследование по вопросу возврата Спасо-Преображенского собора РПЦ. Результаты показали, что каждый четвертый пермяк поддерживает идею возвращения Спасо-Преображенского храма для восстановления исторической справедливости. Старшее поколение, в возрасте старше 61 года, относится к этому процессу более одобрительно (57,8%), в то время как среди молодежи в возрасте от 18 до 30 лет процент одобрения самый низкий (21,4%). Это в значительной степени связано с низким уровнем осведомленности молодого поколения о спорах вокруг здания – 55,4% из них не знают о существующих спорах о принадлежности здания¹. Возможно, это связано с тем, что пожилые люди или их более старшие родственники некогда входили в группу верующих, посещавших Собор, таким образом, являясь частью сети его отношений. В то время как для молодежи преобразованная некогда галерея является частью их личного биографического опыта, и без специальной образовательной подготовки в области истории не воспринимается как храм.

После распада СССР в России происходило укрепление религиозной организации, что вызвало процесс возвращения церковной собственности. С 1996 г. власти Пермской области начали обсуждать вопрос возвращения Спасо-Преображенского собора Пермской Епархии, в 2011 г. был издан приказ о передаче здания Русской Православной церкви. В 2011 г. Пермская Епархия произвела реставрацию внешнего фасада и купола собора, добавив золотой цвет и установив кресты на колокольню и купол, тем самым вернув ключевые атрибуты, имеющие символическое религиозное значение, произведя как сеть действие *обратное удалению значимых элементов конкурирующей сети*. Однако внутренняя реставрация собора возможна только после переезда художественной галереи в новое здание на территории «Завода Шпагина». С 2011 г. до сегодняшнего дня в здании собора всё ещё находится художественная галерея, где проводятся выставки. Однако с марта 2022 г. галерея освободила два зала для церковных служб, переместив часть своей коллекции в другие помещения. В апреле 2022 г. в соборе состоялась первое Богослужение за последние 100 лет в честь Пасхи. Таким образом, архитектурный объект в течение десяти лет является элементом двух сетей – собора и галереи, внося свой вклад в стабильность этих сетей.

¹ Пермяки одобряют перенос галереи: итоги социологического исследования [Электронный ресурс] // Новый компаньон – пермская деловая и бизнес газета. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-335362.html>, свободный. (дата обращения: 10.09.2022)

Так одно пространство Спасо-Преображенского собора сформировало религиозное сообщество и творческую интеллигенцию, которые стали противоположными друг другу. На данный момент религиозное сообщество вытесняет творческое, однако образовавшееся творческое сообщество сформировало новый запрос на новое творческое пространство, таковым пространством стал Завод Шпагина. А перед религиозным сообществом стоит задача изменить восприятие здания Спасо-Преображенского собора горожанами не как художественной галереи, а как места религиозного служения. При этом для всех участников процесса передачи собора важно сделать его бесконфликтным, руководствуясь принципами сотрудничества и максимальной пользы для городского сообщества в целом.

ЗАВОД ШПАГИНА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА, ТВОРЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ И НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В ХОДЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗАВОДА ШПАГИНА В МУЛЬТИФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КЛАСТЕР

В последние десятилетия в России все больше утверждаются новые подходы к развитию городских территорий с акцентом на активной роли представителей разных местных сообществ. Раскроем эти процессы на примере преобразования Завода Шпагина в культурный кластер «Станция культуры: Завод Шпагина» в городе Перми, на территории которого в 2023 г. должна обрести свой новый дом описанная в предыдущей части Пермская художественная галерея, освобождающая пространство для находившегося в здании в дореволюционное время Спасо-Преображенского Собора.

Важно отметить, что потребность современных городов в новых мультифункциональных пространствах тесно связана с изменением представления о роли и характере городской среды в условиях постиндустриального общества. Так наряду с концепцией «умного города» все больше распространяется и получает примеры положительной реализации концепция «креативного города», во главе угла которой стоит значимость культуры, креативных индустрий в развитии человеческого потенциала и экономики территории. Очень ярко выразил эту идею Ч. Лэндри в своей работе «Креативный город»: *«Главным жизненно важным ресурсом города являются люди. Человеческий ум, желания, мотивы, воображение и творческие способности все чаще рассматриваются как стратегический резерв развития городов»*¹.

Идея о креативном городе органически связана с развитием «креативной экономики», локомотивом которой признается креативный класс, самореализующийся в сфере творческих индустрий. Ведутся дискуссии, что именно стоит отнести к последним и как это соотносится с более широким и базовым понятием культуры. Н.А. Костко систематизировала опыт разных стран: так, в Великобритании, которая одной из первых стала развивать креативные индустрии, к ним относятся искусство, культура, дизайн, СМИ; в Швеции добавляется ресторанный бизнес; в Индии включаются еще йога и аюрведическая медицина². Ч. Лэндри³ в этом отношении подчеркивает высокое значение местного производства и традиций, которые являются ресурсом для выстраивания городской уникальной идентичности, статуса и символического капитала территории: *«Культурные ресурсы – это материал, используемый для создания базовых*

¹ Лэндри Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. М.: Издательский дом «Классика-XXI». 2011. С. 14.

² Костко Н.А. Модели реализации концепции «креативный город»: анализ европейского опыта / Н.А. Костко // Siberian socium. 2021. Т. 5, вып. 3. С. 52–68.

³ Указ. соч.: Лэндри Ч. С. 177.

ценностей города, сырье, которое приходит сегодня на смену углю, стали и золоту. Креативность – метод эксплуатации и возобновления этих ресурсов»¹.

Культура перестает быть дополнением к основной жизни, связанным с досугом или саморазвитием, она напрямую определяет качество жизни и удовлетворенность им горожан, отвечает за приток и сохранение в территории жителей, обладающих высоким уровнем образования, интеллектуальным потенциалом, уникальными компетенциями и активностью. Кроме того, развитие культуры и разнообразие креативных сфер являются фактором привлечения туристов, инвесторов, международных компаний, что позволяет выйти городу за его локальные рамки влияния на глобальный уровень².

Завод Шпагина, который располагается вблизи набережной г.Перми и представляет собой территорию со старинными заводскими зданиями и цехами, было решено преобразовывать в культурный кластер в 2017 г. действующим тогда губернатором Пермского края (столицей которого является город Пермь) М.Г. Решетниковым. Это решение было ответом на многие существовавшие проблемы в городской культуре Перми, среди которых особенно выделялись ситуации с поиском городскими властями ресурсного места сразу для нескольких действующих учреждений культуры, в т. ч. числе Пермской художественной галереи в связи с необходимостью переезда из здания Спасо-Преображенского собора. Важно отметить и потребность в создании в городе масштабного статусного современного культурного пространства, связанного, с одной стороны, с историей города, с другой стороны, открывающего возможности развития пермских креативных индустрий, оживления центральной части города, прилегающей к городской набережной.

Проект культурного кластера Завода Шпагина предполагает серьезную реконструкцию территории завода и его исторических помещений. Первоначальная концепция³ включала размещение трех крупных учреждений культуры: Пермской художественной галереи, Музея современного искусства, Палеонтологического музея как части Краеведческого музейного комплекса, а также перенос Театра у Моста, создание образовательных центров, коворкингов и множества других пространств для культурных мероприятий, рассчитанных на самую разнообразную аудиторию. Все это в сочетании с кафе, ресторанами, магазинами, ремесленными мастерскими, прогулочными зонами, креативными арт-объектами. В дальнейшем было решено в рамках описываемого культурного кластера построить новое здание Пермского оперного театра – вопрос, который

¹ Указ. соч.: Лэндри Ч. С. 29.

² Указ. соч.: Костко Н.А.

³ Распоряжение Правительства Пермского края от 18 сентября 2019 № 198-рп «Об утверждении концепции развития социокультурного пространства «Завод Шпагина».

в Перми стоит на повестке дня уже более 10 лет. Кластер именовался «Завод Шпагина», сохранив историческую преемственность в названии.

Концепция неоднократно пересматривалась и с течением времени претерпела существенные изменения, которые, не в последнюю очередь, связаны с иной социально-экономической ситуацией и возможностями бюджета региона. В итоге остановились на варианте строительства нового отдельного здания Пермской художественной галереи в рамках рассматриваемого культурного кластера. Решения о создании Музея современного искусства, Палеонтологического музея, Театра у моста на территории Завода Шпагина были отменены. Краевое Министерство культуры аргументирует это решение нецелесообразностью размещения сразу нескольких музеев в одной точке города, по мнению горожан¹.

На данный момент актуальна концепция (см. рис. 10) выделения трех основных функциональных зон территории культурного кластера: зоны перформансов для театральных постановок, гастрономического сектора и кинематографической части со съёмочными павильонами. Важную роль в планах занимают пространства для детей, например детский развлекательный центр, на базе которого собираются разместить «Союзмультипарк», в котором можно будет познакомиться с коллекцией ключевых героев анимации. Кроме того, планируется создание площадки IT-кластера, а также Дома музыки Дягилева в помещении цеха (А), который уже несколько лет принимает Дягилевские фестивали, т. к. характеризуется хорошей акустикой. Наименование также было уточнено и на данный момент представляет синтез первоначального «Завода Шпагина» и появившегося весной 2022 г. в ходе ребрендинга – «Станция культуры». Сейчас кластер представляет собой формулировку «Станция культуры: Завод Шпагина». Понятие «станция» выбрано символично, т. к. рядом с Заводом Шпагина располагаются Речной порт «Пермь 1», функционирует железнодорожная ветвь, а завод был связан с железной дорогой. Кроме того, на территории Завода Шпагина археологами были найдены подтверждения существования здесь исторической дороги Соликамского тракта, по которой шли ссылки, включая русского писателя и философа Федора Михайловича Достоевского².

¹ Баталина Ю.А. Музей «Пермский период» не будет размещаться на Заводе Шпагина [Электронный ресурс] / Ю.А. Баталина // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-7222848.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

² Третьякова Е.В. Пермь раскопала старинную дорогу, по которой шел на каторгу Федор Достоевский [Электронный ресурс] / Е.В. Третьякова // Электронное периодическое издание «Комсомольская правда». URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/27370/4562396/>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

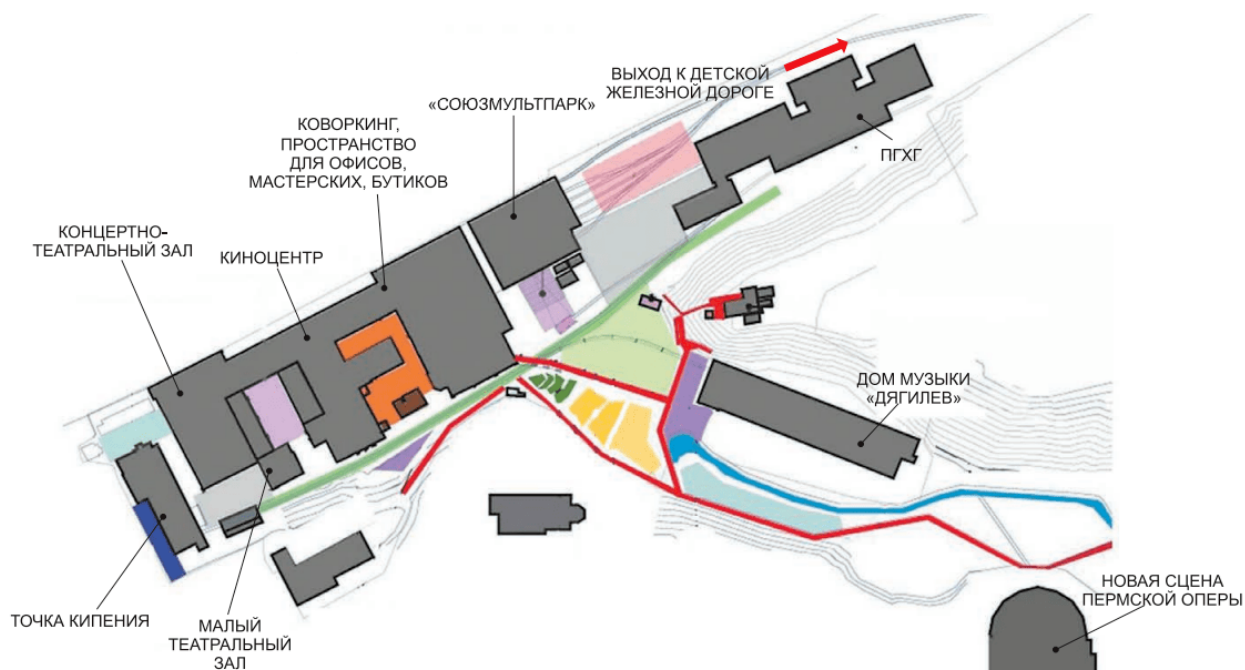

Рис. 10. Концепция культурного пространства «Станция культуры: Завод Шпагина», опубликованная в издании «Новый компаньон»¹

Преобразование Завода Шпагина является одним из примеров рассмотренного нами выше процесса джентрификации территории, в данном случае подразумевающей реконструкцию и трансформацию промышленной территории в центре города под комплекс культурных учреждений. В нашей российской практике большее распространение в отношении проекта Завода Шпагина получили синонимичные термины ревитализации и реновации. Термин «ревитализация» воплощает идею «*политики городского возрождения посредством культуры*»², буквально обозначая оживление и возобновление. Эти процессы могут протекать в нескольких вариациях: с сохранением промышленных функций преобразуемой территории, с частичной их заменой или с полной заменой³. В нашем случае, безусловно, происходит полная замена функций, т. к. осуществляется перепрофилирование промышленных объектов и благоустройство территории с целью создания публичного пространства культуры, обучения и отдыха.

¹ Баталина Ю.А. Следующая остановка – Станция культуры [Электронный ресурс] / Ю.А. Баталина // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-7251012.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

² Указ. соч.: Костко Н.А.

³ Корниенко С.В. Ревитализация производственных зон. Поиск системного обновления города [Электронный документ] / С.В. Корниенко. URL: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=7309, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

Ревитализация Завода Шпагина оценивается в крупных суммах – по некоторым данным, порядка 15 млрд. рублей¹, поэтому структура финансирования и участия в этом проекте многоуровневая, сложная и трансформирующаяся. Источники финансирования кластера на данный момент являются самой кризисной темой. Неудивительно, что изначально «Станция культуры: Завод Шпагина» планировалась в качестве получателя средств краевого бюджета, однако позднее проект в целом был переориентирован на максимальную окупаемость, т. е. в концепции была усилена коммерческая составляющая и прибыльность².

Проект реализуется путем частно-государственного партнерства, подразумевающего объединение усилий государства, выступающего основным гарантом и локомотивом инициативы, с одной стороны, и заинтересованного бизнеса, привлекающего финансовые активы, высокие технологии и стандарты реализации задач, с другой стороны. Частно-государственное партнерство получило широкое распространение в сфере строительства, в особенности крупных инфраструктурных объектов государственного значения. Интересно, что, оценивая перспективы развития «креативных городов» Ч. Лэндри, высказывал идеи о положительном влиянии стирания границ между государственным, частным и общественным как об *«источнике творческого вдохновения»* городских пространств: *«в будущем самый большой урожай принесут перекрестные комбинации, разрушающие строгие границы между государственным, частным и общественным секторами»*³.

Определяя управленческую модель концепции «креативного города», соответствующую процессу преобразования Завода Шпагина в культурный кластер, на данном этапе можно отметить сходство с институциональной моделью⁴, при которой управление развитием осуществляется со стороны государственных органов власти при активной движущей финансовой и административной господдержке. Эта модель характерна для России. Однако важно отметить, что для развития территории в русле «креативного города» большое значение играет привлечение местных сообществ и их собственная активность в реализации городских проектов, преобразующих пространство.

Основными участниками процесса ревитализации Завода Шпагина, как уже подчеркивалось выше, стали государственные органы власти и их ключевые представители в лице губернаторов Пермского края М.Г. Решетникова,

¹ Реновация пространства «Завод Шпагина» может обойтись в 15 млрд рублей [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-7220014.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023).

² Баталина Ю.А. Меняется схема финансирования проекта «Станция культуры» [Электронный ресурс] / Ю.А. Баталина // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-7551801.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

³ Указ. соч.: Лэндри Ч. С. 230.

⁴ Указ. соч.: Костко Н.А.

ставшего источником инициативы реновации завода, и Д.Н. Махонина, продолжившего проект, принимающего ключевые решения по культурному кластеру и контролирующего основные этапы работ. Велика роль Правительства Пермского края и министерств культуры и строительства, за ними закреплено основное курирование содержательных вопросов по преобразованию Завода Шпагина, переговорные процессы со множеством других участвующих структур и лиц, общение со СМИ и др.

Стоит отметить значимость финансовой и политической поддержки со стороны федеральной власти, в частности софинансирование строительства нового здания для Пермской художественной галереи Правительством РФ (1,75 млрд руб.)¹ и контроль выполнения работ по этому направлению (личное посещение строительной площадки представителями Правительства РФ)². В самом Пермском крае руководство строительством художественной галереи осуществляется Управлением капитального строительства. Строительной компанией, осуществляющей работы, является российско-турецкая компания «ЛимакМаращСтрой».

Важной стороной в концессионных проектах являются инвестиционные компании. В случае с Заваем Шпагина вести проектное и документационное управление и привлечь инвестиции в создание культурного кластера планировала компания «Фонд развития Пермского края», которая, например, поддерживает строительство многофункциональной спортивной арены, аквапарка, реконструкции казарм военного института в гостиничный комплекс в Перми. Инвестиционную поддержку в реконструкции территории Завода Шпагина в сотрудничестве с Пермским краем и ФРПК готовы были оказать Газпромбанк и группа компаний «Бамтоннельстрой-Мост»³. Однако зимой 2023 г. переговоры между властями Пермского края и компанией ФРПК были приостановлены в связи с отсутствием договоренности⁴, что связано со сложными социально-экономическими условиями и ситуацией высокой неопределенности. Власти региона заинтересованы в снижении финансовой нагрузки на бюджет Пермского края в связи с реконструкцией Завода Шпагина, при этом, стремятся к сохранению идеи создания там культурного кластера. Инвестиционная компания

¹ Максименко О. Дмитрию Чернышенко представили концепцию развития «Станции культуры завода Шпагина» [Электронный ресурс] / О. Максименко // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-7298957.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

² Там же.

³ Газпромбанк, ГК БТС-МОСТ, Фонд развития и Правительство Пермского края договорились совместно участвовать в реновации территории Завода Шпагина [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Ведомости». URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/04/20/gazprombank-gk-bts-most-fond-razvitiya-i-pravitelstvo-permskogo-kraja-dogovorilis-sovmestno-uchastvovat-v-renovatsii-territorii-zavoda-shpagina, свободный. (дата обращения: 07.07.2023).

⁴ Артемова Е. Станция запасная [Электронный ресурс] / Е. Артемова // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5783973>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

осознает высокие риски современности и трудности привлечения инвесторов. По сути, эта ситуация может означать частичную заморозку проекта, откладывание по времени этапов завершения полной реконструкции территории.

В джентрификации городских территорий движущей силой является креативный класс, который дает идейное наполнение преобразуемому городскому пространству. Одними из первых, кто выступил экспертами, передающими уже имеющийся российский опыт, была московская команда Центра современного искусства «Винзавод» во главе с Софьей Троценко. Есть определенное сходство в территории пермского Завода Шпагина и московского Винзавода, оба пространства содержат исторические здания со схожим внешним эстетическим заводским колоритом. На сегодняшний день Винзавод после реконструкции представляет собой центр современного искусства и креативной культуры, в котором собран целый ряд галерей, образовательных центров, выставок, студий, мастерских и различных пространств для культурных мероприятий.

Софья Троценко на первоначальном этапе консультационно поддержала власти Пермского края и также порекомендовала в качестве разработчика мастер-плана культурного кластера Завода Шпагина московское архитектурное бюро «SPEECH» с известным архитектором Сергеем Чобаном, у которого за плечами опыт международных строительных проектов, в т. ч. новое здание Третьяковской галереи в Москве, башня «Федерация» комплекса небоскребов «Москва-Сити», Пакгаузы Нижнего Новгорода и мн. др. Осенью 2018 г. Сергей Чобан представил пермской общественности архитектурный проект мастер-плана культурного кластера Завода Шпагина¹. Как раз в этом варианте в качестве трех основных резидентов должны были стать Пермская художественная галерея, Музей современного искусства и Палеонтологический музей. В итоге именно проект Сергея Чобана по новому зданию Пермской художественной галереи реализуется сейчас в ходе ее строительства. Другие идеи были впоследствии пересмотрены, а проектирование взяли на себя уже другие московские компании: маркетинговую концепцию разработали «Novod.space» (в послужном списке: курорт «Красная поляна» в Сочи, стадионы Zenit и Динамо в Москве), архитектурную концепцию – «WowHaus» (в послужном списке: обновление Парка Горького в Москве, реновация центральной части и набережной Тулы и др.)².

¹ Баталина Ю.А. «Открытие» завода [Электронный ресурс] / Ю.А. Баталина // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-4923439.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023).

² Баталина Ю.А. Разработчики завершили новую концепцию общественного пространства на территории «Завода Шпагина». [Электронный ресурс] / Ю.А. Баталина // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-7232248.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

Со стороны искусства и креативных индустрий в качестве отдельной стороны можно выделить ряд пермских учреждений культуры, руководители и специалисты которых активно привлекались к проработке концепции пространств нового культурного кластера Завода Шпагина. К ним относятся, в первую очередь, Пермская художественная галерея, а также Музей современного искусства Perm, Пермский краеведческий музей, Пермский театр оперы и балета, Театр у моста. С ними также велись переговоры по вопросу сотрудничества и освоения новой культурной территории в качестве резидентов. В итоге Пермская художественная галерея закрепила и подтвердила свой особый статус в рамках культурного кластера, на данный момент для нее строится новое здание, в июле 2023 г. уже производится монтаж стеклянных фасадов, здание планируют сдать в эксплуатацию в декабре 2023 г. С октября Пермская художественная галерея планирует начать подготовку к переезду. Преимуществом нового здания является гораздо большее пространство, возможность показать коллекции, которые до этого отсутствовали в постоянной экспозиции, изначальное индивидуальное проектирование здания под нужды галереи при активном взаимодействии с ее руководством и персоналом. Остальные учреждения перманентно ожидают решения своего «квартирного вопроса», на данный момент, не рассчитывая на пространства Завода Шпагина, что, конечно, вызывает у них разочарование и напряжение, которые могут являться потенциальным источником конфликтных ситуаций.

Особым образом также необходимо отметить созданный в начале реконструкции Проектный офис Завода Шпагина («Агентство новых технологий»), который взял на себя функции креативного менеджмента и соединил инициативы талантливых культурных организаторов, которые вплоть до конца 2022 г. вложили много усилий в развитие и облагораживание территории Завода Шпагина, реализовали комплекс социологических исследований, разработали общую идейную концепцию культурного кластера Завода Шпагина. Проектный офис наполнил идейным содержанием территорию завода, ожидавшую постепенных глубоких изменений. На это были направлены силы представителей самых разных креативных индустрий: дизайнеров, архитекторов, скульпторов, декораторов, художников, мастеров, строителей, кузнецов, писателей, экскурсоводов, экологов, волонтеров. Под руководством Проектного офиса было реализовано художественное преобразование пространства завода, концептуальными авторами которого выступили театральный художник И. Ярутис и театральный режиссер В. Гурфинкель, были установлены арт-объекты, проведены инсталляции.

Результатом стало то, что с ноября 2018 г. на Заводе Шпагина в условиях трансформации в социокультурное пространство было реализовано множество

самых разнообразных мероприятий: фестивали (Дягилевский фестиваль, Дягилев+, RedMarket, Efest, «Осенний блюз», Snowweek, Sweetland, Арт-фестиваль «12», Майями фест), марафоны (например, йога-марафон «Дышать»), научные мероприятия (Art&sciencefest 2019, «Дни робототехники в Пермском крае»), форумы (Молодёжный форум «Пермский период»), театральные постановки (Раскольников), перформансы («Мазэраша»), экскурсии и выставки («Сорняки прекрасные», «Оружие победы», «Лисимнии», «Переходное состояние»), образовательные лекции, кинофестивали и концерты. Одним из базовых пространств для реализации многих мероприятий стал преобразованный цех Завода Шпагина, получивший название «Точка кипения». Практика оказалась удачной; было решено оставить это пространство после окончательной реконструкции в качестве площадки для культурных мероприятий. Для Дягилевского фестиваля было решено благоустроить Цех с литерой «А», который преобразуется в Дом музыки Дягилева (при поддержке Дягилевского фонда).

Стоит отметить, что команда Проектного офиса, которая несколько лет стояла «у руля», покинула проект в конце 2022 г., в результате чего пока не функционируют сайт и группы в социальных сетях, посвященные деятельности Завода Шпагина как культурного пространства. Вероятно, накопились противоречия, усталость от неопределенности и переменчивости планов; могут быть и другие причины.

Невозможно не упомянуть большой недостаток проекта: на территории Завода Шпагина функционировал Пермский мотовозоремонтный завод «Ремпутьмаш», в цехах которого велись работы по ремонту железнодорожной техники и выпуску специализированных машин для железной дороги, причем преемственность традиций отсчитывала свое начало не только с советских времен, а с 1878 г. – с появления горнозаводской железной дороги, когда начали работать железнодорожные мастерские. Полторы сотни сотрудников этого предприятия представляют собой настоящее сообщество с большой привязанностью к заводу, пространству, работе и людям этого места. У них существует своя группа в социальных сетях, они продолжают встречаться друг с другом и обмениваться воспоминаниями о коллективе и его работе. Это сообщество конфликтно приняло новость о закрытии предприятия и перспективе перевода сотрудников в город Верещагино в Пермском крае, где можно было бы устроиться на работу с имеющимися компетенциями и навыками. Однако предприятие остановило свое функционирование в рамках Завода Шпагина; этому сообществу до сих пор трудно принять этот факт.

Интересным и важным моментом является участие в процессе ревитализации Завода Шпагина сообщества ученых, в том числе археологов и социологов Пермского государственного национального исследовательского универси-

тета. Камская археологическая экспедиция ПГНИУ провела археологические раскопки на строительной площадке нового здания Пермской художественной галереи до начала ее возведения. В результате чего было найдено много ценных артефактов и старая дорога – Соликамский тракт¹.

Социологи ПГНИУ по приглашению Проектного офиса Завода Шпагина участвовали в проведении в октябре-ноябре 2018 г. фокус-групп по организации нового пространства. Всего было проведено 5 фокус-групп, в качестве участников выступили потенциальные резиденты – представители сферы культуры, туризма и креативной индустрии, наукоемкого бизнеса, образования, ресторанного бизнеса, руководители некоммерческих организаций, участники экологических проектов. Результаты учитывались при построении концепции развития территории. Сформулированные в результате исследования рекомендации отмечают востребованность:

– **многофункциональности и недостаточности только музеев**, потребность в пространстве–трансформере: *«Площадка должна быть мобильна, трансформируема под такие мероприятия»* (ФГ №2);

– **роли визитной карточки города для туристов, места отдыха для горожан**: *«связь между жилыми кварталами и историческими... самое место основания города... Новая точка притяжения в городе»* (ФГ №3);

– **открытости пространства для встреч и времяпрепровождения горожан**, круглосуточной доступности для посещения;

– **осуществления функций**: досуговой, рекреационной, спортивно-оздоровительной, образовательной и просветительской, организационной (фестивали, выставки, арт-объекты), социализации и самореализации, воспитательной для молодого поколения, притяжения креативного класса, объединения города в единое целое: *«куда приезжают люди, которые собирают город в некое единое целое... <> событийными магнитами ... стать местом, объединяющим два по сути разных города»* (ФГ №3);

– **пространства для культурного развития семей с детьми**;

– **мобильности для разных социальных групп**: *«простая цель — чтобы там в любой день в будни или выходные невозможно было пройти, чтобы не встретить человека на коляске»* (ФГ №5);

– **удобной инфраструктуры и возможности проводить время, имея доступ ко всему**, что необходимо для ежедневной жизнедеятельности и работы;

– **естественности процесса наполнения культурного кластера резидентами**: *«эти инициативы или резиденты, они в большей степени проросли сами, нежели были насажены сверху»* (ФГ №2).

¹ Указ соч.: Третьякова Е.В.

Таким образом, преобразование Завода Шпагина в культурный кластер является уникальным проектом джентрификации городских промышленных территорий, сопоставимых по задумке с Винзаводом в Москве или Новой Голландией в Санкт-Петербурге. Проект далек от полного завершения; ближе всего к воплощению на данный момент находится строительство нового здания Пермской художественной галереи. Основными сторонами процесса выступают органы власти, бизнес, представители креативных индустрий. Также можно отметить роль научного сообщества и университетов. Проект с течением времени претерпевает изменения, об окончательной концепции пока сложно говорить. На основе сложившейся культурной практики можно сделать вывод, что наиболее вероятными и успешными, на данный момент, являются молодежное пространство мероприятий «Точка кипения» и пространство будущего «Дома музыки Дягилева».

«Станция культуры: Завод Шпагина» притягивает много внимания, став площадкой успешных мероприятий еще до полной реконструкции, что является положительной стороной. Отрицательной стороной является немалое число конфликтных ситуаций и несовпадения интересов и возможностей разных сторон участников процесса ревитализации. Оценку этому проекту можно будет дать только со временем, увидев насколько функциональны и посещаемы будут новые культурные пространства и какова в итоге будет их роль в городе.

Итак, мы рассмотрели современные процессы развития городских территорий на примере трех пермских случаев: создания городской зоны отдыха Сада Соловьёв, передачи Спаса-Преображенского Собора Художественной галерее и возвращения этого здания обратно Церкви, реконструкции территории и помещений Завода Шпагина в многофункциональный культурный кластер Станция культуры. Эти процессы происходят при активном взаимодействии различных городских сообществ, среди которых особенно выделяются представители власти и креативных индустрий, местные жители, общественники и активисты, культурная интеллигенция, сообщество верующих и даже бывшие работники завода. Увидели примеры кооперации сообществ в отстаивании общих интересов, конфронтации и несовпадения точек зрения и потребностей. Современные города становятся все сложнее по своему устройству и протекающим процессам, играют все большую роль в развитии экономики и культуры общества.

ГЛАВА 5. СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ, ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДОВЕРИЕ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

А.С. Шляпина

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПЕРМСКОГО КРАЯ И МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИМ*

Введение

Социальное партнерство в современной науке рассматривается с одной стороны, как социальный институт, регулирующий отношения между социальными группами путем согласования их интересов¹, а с другой стороны, как особый вид социокультурного взаимодействия, формирующий особую культуру труда, сконцентрированную на партнерстве как принципе совместного управления организацией, с соответствующими ценностями, правилами и обычаями поведения в трудовой деятельности².

Е.М. Осипов выделяет три стороны социального партнерства как социального института: набор специфических норм и предписаний; интеграция института в социально-политическую, идеологическую, ценностную структуру и наличие материальных средств для обеспечения реализации и контроля за соблюдением предписанных норм³.

Таким образом, институциональное проявление социального партнерства в первую очередь связано (1) с реализацией коллективного договора как документа, декларирующего социальные нормы на предприятиях, (2) с обеспечением профсоюзной организацией контроля по соблюдению его условий, (3) с пониманием работниками деятельности профсоюза и необходимости коллективного договора.

Методы и методика

Исследование проведено в 2022 г. методом формализованного онлайн-опроса с использованием платформы Google-forms среди работников разных промышленных предприятий и бюджетных организаций здравоохранения и об-

© Шляпина А.С., 2023

* Публикация подготовлена в рамках соглашения о сотрудничестве между ЦСПиСИ ПГНИУ и Пермским краевым союзом организаций профсоюзов «Пермский КрайСовПроф»

¹ Кучковская Н.В. Социальное партнерство как институт взаимодействия / Н.В. Кучковская // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2015. № 3(6). С. 158–160.

² Бочаров В.Ю. Исследование трудовых отношений с использованием культурального подхода / В.Ю. Бочаров, Б.Г. Тукумцев // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Т. 2. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 750.

³ Осипов Е.М. Методология социологического анализа социального партнерства как социального института / Е.М. Осипов // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С. 89–92.

разования Пермского края. Сбор данных осуществлялся через ПермКрайСов-Проф и отраслевые профсоюзные организации (комитеты). В связи с отсутствием контроля со стороны исследователя выборка осуществлялась методом стихийного отбора, поэтому выборка является нерепрезентативной.

Объем выборочной совокупности составил 683 человека. Выборочная совокупность имеет значительное смещение в половой структуре в сторону женщин: 26% мужчин и 74% женщин, и в структуре членства в профсоюзной организации: 85% – члены профсоюза, 15% – не являются членами профсоюза. Относительно возрастной структуры распределение представлено относительно равномерно: 18-24 года – 5%, 25-34 года – 20%, 35-44 года – 34%, 45-54 года – 27%, 55-64 года – 13%. Среди опрошенных к работникам промышленных предприятий относятся 61%, к бюджетным организациям – 39% (6% – здравоохранение, 33% – образование).

Результаты

1. Профсоюзная организация

Деятельность профсоюзной организации на предприятии оценивается на макро и микроуровне. На макроуровне сравнение происходило с иными правозащитными органами и агентами, наделенными властными полномочиями. На микроуровне понимание места профсоюза раскрывалось через задачи, которые, с одной стороны, ставятся перед профсоюзом работниками, а с другой, – выполняются в действительности, включая помощь, оказываемую профсоюзной организацией при решении проблем сотрудников, и учитывая взаимоотношения профсоюзной организации и работодателя.

Опрошенные сотрудники полагают, что в наибольшей степени защита трудовых прав работников в России зависит от государства (58%). На втором месте представлены работодатели (45%) и на третьем профсоюзные организации (37%). Почти каждый пятый опрошенный считает, что соблюдение прав зависит от самих работников и еще 5% полагают, что это зависит от судов.

Сотрудники, являющиеся членами профсоюза, значительно чаще выбирали профсоюз как организацию по защите прав работников, а сотрудники, не состоящие в профсоюзной организации, значительно чаще полагаются на государство и работодателей.

При оценке востребованных и выполняемых функций профсоюза было выявлено смещение реально выполняемой деятельности в сторону организации культурно-массовых мероприятий, в то время как основными востребованными функциями для работников остаются защита их трудовых прав и интересов в конфликтах и при разработке коллективного договора (рис. 11).

Рис. 11. Востребованные и выполняемые функции профсоюза

Если рассматривать специфику касательно *востребованных функций*, то **сотрудники промышленных предприятий** в 2,3 раза¹ чаще выбирали защиту прав сотрудников при разработке коллективного договора (52% против 32%). Вероятно, на промышленных предприятиях более распространено информирование о коллективных договорах и их исполнении. Кроме того, **молодые сотрудники в возрасте до 34 лет** в 2 раза² чаще выбирали в качестве востребованных функций профсоюза организацию культурно-массовых и спортивных мероприятий (36% против 22%)³.

Специфика *реальной деятельности профсоюза* состоит в том, что, как правило, работники промышленных предприятий в 1,6 раза⁴ чаще к основной деятельности относят оказание консультативной и правовой помощи и в 2 раза⁵ чаще – отстаивание прав работников при разработке коллективного договора,

¹ Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,198)

² Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,135)

³ Плотникова, Е. Б., Шляпина А. С. Восприятие профсоюза молодыми работниками промышленных и бюджетных организаций Пермского края / Е.Б. Плотникова, А.С. Шляпина // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: Материалы IX Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Пермь, 06–07 декабря 2022 года. Пермь: ПГНИУ, 2022. С.166-170.

⁴ Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,03$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,115)

⁵ Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,162)

а сотрудники бюджетных организаций в 2 раза¹ чаще затруднялись определить, какова основная деятельность их профсоюза на данный момент.

Около 85% опрошенных являются членами профсоюзной организации. Среди 15% сотрудников (102 человек), не являющихся членами профсоюза, основными причинами отказа от вступления в профсоюз называют: нежелание платить профсоюзные взносы (52%²), сомнение в том, что профсоюз способен обеспечить защиту социально-экономических интересов (50%); отсутствие понимания, для чего нужен профсоюз (37%). Каждый четвертый среди опрошенных отказался от членства в профсоюзе из-за негативного опыта нахождения в профсоюзе.

Среди всех сотрудников **лишь 33% обращались в профсоюзную организацию за помощью в течение последнего года.** При этом работники промышленных предприятий в 2,3 раза³ чаще обращались за помощью к профсоюзу, чем сотрудники бюджетных организаций (40% против 22%). Из этих 33% обратившихся в полной мере получили помощь 72%, частичную помощь получили 23%, еще 5% не получили помощи совсем.

Взаимоотношения с руководством организации или предприятия важная составляющая в защите прав сотрудников. Почти каждый второй среди опрошенных полагает, что администрация всегда считается с мнением профсоюзной организации, 24% думают, что это происходит не всегда, еще 9% считают, что администрация не считается с профсоюзной организацией совсем. Еще 20% затруднились оценить.

Доверие работникам профсоюзной организации также играет немаловажную роль в оценке ее деятельности. Так 39% опрошенных считает, что профсоюзные работники однозначно заслуживают доверия, еще 43% полагают, что скорее заслуживают. Еще 12% затруднились ответить.

Оценка работы профсоюзной организации для 49% респондентов находится на высоком уровне, для 41% на среднем уровне и для 10% на низком уровне. При этом прослеживается специфика для разных типов предприятий. Так на *промышленных предприятиях* в 2,6 раза⁴ чаще работа профсоюза оценивается высоко, в то время как в *бюджетных организациях* в 2,1 раза⁵ чаще выбираются средний и в 1,9 раза⁶ – низкий уровень.

¹ Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,02$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,121)

² От числа опрошенных, не являющихся членами профсоюзной организации

³ Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,185)

⁴ Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,226)

⁵ Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,179)

⁶ Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,01$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,095)

Оценка работы профсоюза зависит от того обращался ли сотрудник за помощью в профсоюз¹. Так, *если сотрудник обращался в профсоюз*, то вероятность того, что он будет оценивать работу профсоюза как высокую больше в 2,4 раза. Кроме того, чем более качественной была эта помощь, тем выше оценка работы профсоюза.

Помимо помощи, получаемой сотрудниками, на удовлетворенность работой профсоюза влияет специфика деятельности профсоюза². Так сотрудники, оценивающие работу профсоюза на высоком уровне, чаще склонны говорить о том, что профсоюз занимается консультативной помощью или отстаивает права сотрудников в трудовых конфликтах. Сотрудники, оценивающие работу на среднем уровне чаще склонны полагать, что профсоюз выполняет санитарно-курортное лечение сотрудников или занимается организацией культурно-массовых мероприятий.

Кроме того на оценку работы профсоюза влияют отношения между администрацией организации и профсоюзом.³ Так если администрация всегда считается с профсоюзом, то вероятность того, что сотрудники оценят работу профсоюза на высоком уровне, возрастает в 4 раза.⁴ Для случаев, когда администрация не всегда считается с профсоюзной организацией, сотрудники в 2,5 раза⁵ чаще склонны оценивать работу профсоюза на среднем уровне. В случае, когда администрация совсем не считается с профсоюзом – в 4 раза⁶ чаще характерна оценка работы на низком уровне.

В связи с этим для управления удовлетворенностью работой профсоюзной организации необходимо обратить внимание на три аспекта: на успешность помощи профсоюза сотрудникам, на соответствие осуществляемой деятельности приписываемым функциям, и на формирование равноправных отношений с администрацией организации. Особое внимание стоит уделять молодым сотрудникам в возрасте до 34 лет. Это важно как на предприятиях промышленного сектора, так и в бюджетных учреждениях, поскольку при всех различиях основные проблемы социального партнерства характерны для самых разных организаций.

2. Коллективный договор

Коллективный договор – одна из устоявшихся и повсеместно распространенных форм социального партнерства, гарантирующая соблюдение прав и ин-

¹ Ро Спирмена (значимость = 0,00, значение = 0,206) d Сомерса (для завис. пер. 0,277, симметр. = 0,198, знач. = 0,00)

² χ^2 (значимость = 0,00, значение $\chi^2 = 255,457$)

³ Ро Спирмена (значимость = 0,00, значение = 0,338) d Сомерса (для завис. пер. 0,325, симметр. = 0,321, знач. = 0,00)

⁴ Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,339)

⁵ Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,195)

⁶ Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,172)

тересов, как сотрудников, так и работодателей. Около 88% сотрудников признают необходимость коллективного договора, лишь 11% затруднились ее оценить. При этом на **промышленных предприятиях** сотрудники значительно чаще в полной уверенности говорили о необходимости коллективного договора, в то время как в **бюджетных организациях** значительно чаще выбирали ответ «скорее необходим» или «затрудняюсь ответить»¹ (табл. №14).

Кроме того, **сотрудники в возрасте до 34 лет** чаще затруднялись ответить на вопрос о необходимости коллективного договора.

Таблица 14

Необходимость коллективного договора относительно типа организации (% опрошенных)

	Однозначно нужен	Скорее нужен	Скорее не нужен	Однозначно не нужен	Затрудняюсь ответить
Промышленные предприятия	82	12	0	0	6
Бюджетные организации	54	24	2	0	20
Всего	71	17	1	0	11

Участвовали в разработке коллективного договора 38% опрошенных работников. Среди них у 65% все или большая часть предложений в итоге были включены в коллективный договор. У 12% большая часть предложений не была включена, еще у 8% ни одно предложение не было включено, 15% затруднились ответить.

Среди причин неучастия каждый третий высказался о том, что не знал, как ему подать предложение, а каждый пятый считал, что в этом нет никакого смысла. Эта ситуация характерна как для промышленных предприятий, так и для бюджетных организаций.

Вовлеченность сотрудников в колдоговорной процесс следует оценивать в свете выполнения согласованных положений. Около 40% респондентов высказались о том, что все обязательства по коллективному договору выполняются, каждый третий сказал о том, что лишь большая часть коллективного договора выполняется работодателем. Каждый пятый затруднился ответить на вопрос. При этом для **промышленных предприятий** более характерно выполнение *всех обязательств* по коллективному договору, в то время как для **бюджетных** лишь выполнение *большой их части*².

Таким образом, довольно активное участие во внесении предложений в коллективный договор отражает востребованность этого института регулиро-

¹ Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,318

² Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,296

вания. Однако активность не следует переоценивать на фоне неполного выполнения *обязательств* коллективного договора. Активное участие и принятие предложений работников *компенсируются* игнорированием и контролем над исполнением обязательств.

Обсуждение

Ключевым показателем для управления восприятием профсоюзной организации работниками является формирование доверия к профсоюзу. В первую очередь доверие связано с пониманием работниками, что профсоюз и работники организации находятся на одной стороне и профсоюз представляет именно интересы работников в переговорном процессе с администрацией организации. По данным нашего исследования, доверие к представителям профсоюза способно положительно повлиять на решение работника вступить в профсоюзную организацию¹, а также обращаться к ней за помощью при решении каких-либо трудовых конфликтов или проблем².

Кроме того, чтобы поддерживать высокую оценку деятельности профсоюза среди сотрудников³, необходимо не только сформировать доверительные отношения между профсоюзом и работником⁴, но и осуществлять успешную помощь в решении проблем сотрудников⁵, контролировать выполнение обязательств по коллективному договору⁶ и добиваться более доверительных отношений с администрацией организации⁷.

Чем больше сотрудник доверяет руководителям организации, тем меньше он заинтересован во внесении предложений в коллективный договор⁸. Если сотрудник полностью доверяет высшему руководству, то риск того, что он не будет участвовать во внесении предложений в коллективный договор возрастает в 1,5 раза⁹. Предположительно, это связано с улучшением отношений между сотрудником и руководителем, когда работник доверяет работодателю до такой

¹ Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,289, Тау знач-ть 0,00, знач-е доверия 0,017, знач-е членства в профсоюзе 0,084. Уравнение регрессии $y = 1,544 - 0,127x$, знач-ть = 0,00. $R^2 = 0,069$

² Значимость $\chi^2 = 0,01$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,164, Тау знач-ть 0,00, знач-е доверия 0,014, знач-е членства в профсоюзе 0,027. Уравнение регрессии $y = 1,868 - 0,173x$, знач-ть = 0,00. $R^2 = 0,044$

³ Уравнение регрессии $y = 11,578 - 1,808x_1 - 0,267x_2 - 0,54x_3$, где y – оценка работы профсоюзной организации, x_1 – объем помощи при решении проблем, x_2 – отношения с администрацией, x_3 – объем выполняемых обязательств по колл. договору. Знач-ть = 0,00. $R^2 = 0,314$

⁴ Ро Спирмена (значимость = 0,00, значение = 0,463) d Сомерса (для завис. пер. 0,501, симметр. = 0,396, знач. = 0,00). Уравнение регрессии $y = 1,600 - 1,704x$, знач-ть = 0,00. $R^2 = 0,244$

⁵ Ро Спирмена (значимость = 0,00, значение = 0,527) d Сомерса (для завис. пер. 0,665, симметр. = 0,436, знач. = 0,00).

⁶ Ро Спирмена (значимость = 0,00, значение = 0,407) d Сомерса (для завис. пер. 0,438, симметр. = 0,345, знач. = 0,00).

⁷ Ро Спирмена (значимость = 0,00, значение = 0,372) d Сомерса (для завис. пер. 0,403, симметр. = 0,313, знач. = 0,00).

⁸ Значимость $\chi^2 = 0,00$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,142

⁹ Выявлено на основании расчета рисков (Значимость $\chi^2 = 0,01$, коэффициент Фи и V Крамера = 0,085)

степени, что перекладывает на него ответственность за свое положение на предприятии, рассчитывая, что руководитель инициативно позаботится о благе своих сотрудников.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать о том, что современная профсоюзная организация сталкивается со смещением своих функций в сторону организации культурно-массовых мероприятий. Несмотря на то, что сотрудники в целом все еще ассоциируют профсоюз с организацией по защите прав сотрудников, молодые люди все чаще склонны оценивать профсоюз с точки зрения проведения именно массовых мероприятий. Важно понимать, что молодежь впоследствии становится зрелыми сотрудниками и постепенно вытесняет пожилых сотрудников на рабочих местах, и своевременное формирование понимания пользы профсоюзной организации и включение молодежи в ее деятельность, способствует оперативному реагированию на изменяющиеся условия сферы труда и удержанию позиции профсоюза как организации, представляющей интересы большинства работников. В этом смысле включение молодежи и их интересов как особой социальной группы становится зоной роста для профсоюзных организаций.

Коллективный договор на предприятии в настоящий момент остается основополагающим документом, регламентирующим отношения трудового коллектива и работодателя, однако смена поколений работников может принести существенные изменения в практики регулирования трудовых отношений на предприятиях и в учреждениях.

**ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО ДИАЛОГА
НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ И В БЮДЖЕТНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЯХ В ПЕРСПЕКТИВЕ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ
(ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТА
МОНИТОРИНГОВОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ 2004–2022 гг.)**

Успешное функционирование системы социального партнерства на уровне предприятия во многом зависит от эффективности существующих механизмов оценки и контроля выполнения базовых принципов социального партнерства, четкости функционирования его структур и реализации поставленных задач.

Существующие проблемы в развитии системы социального партнерства на российских предприятиях свидетельствуют о необходимости разработки эффективных механизмов, позволяющих отслеживать основные изменения в сфере труда, отражать позитивные практики предприятий в реализации принципов социального партнерства, предвидеть и предотвращать возможные проблемы в социально-трудовых отношениях.

В настоящем разделе обсуждаются результаты социологического исследования, нацеленного на изучение состояния функционирования институтов социального партнерства в промышленных и бюджетных организациях Пермской области (2004 г. и 2005 г.), Пермского края (2022 г.). Поскольку обследование имело также и методологические задачи – между волнами пересматривался и инструмент сбора данных, и подход к формированию выборки – исследование нельзя в строгом смысле назвать мониторингом. Тем не менее, полученные данные позволяют сделать содержательные выводы и интересные предположения.

В 2004 и 2005 гг. исследование проводилось методом раздаточного анкетирования на 26 промышленных предприятиях, представляющих ведущие отрасли и организации края. На каждом предприятии было опрошено по 50 работников и по 3 представителя от каждой стороны комиссии (общее число опрошенных представителей работодателя и профсоюзов 79 в 2004 г. и 57 в 2005 г.). В 2022 г. опросом были охвачены также работники бюджетных организаций здравоохранения и образования. Выборка во всех случаях стихийная. В настоящем обзоре мы рассматриваем результаты опросов в 2004 (n=689) и 2022 гг. (n=683); данные 2005 г. (n=476) воспроизводят результаты наблюдения 2004 г., и специально здесь не обсуждаются. В силу недостаточной численности выборок представителей администрации и профсоюзов данные по ним обсуждаются с привлечением результатов 2005 г.

Участие работников в коллективных переговорах

Основным институтом социального партнерства на предприятии и в учреждении являются коллективные переговоры, завершающиеся заключением коллективного договора, устанавливающего и регулирующие условия труда и найма работников, уточняющие и улучшающие условия, предусмотренные законодательством и иными нормативно-правовыми актами.

Подавляющее большинство опрошенных работников в 2004 г. заявили, что коллективный договор затрагивает их интересы полностью (28%) или частично (62%). Доля людей считавших, что коллективный договор их не касается, составлял 9,7% от числа участников опроса. Однако интерпретация этих результатов неоднозначна: коллективный договор фиксирует не только интересы, но и права, определение «затрагивает интересы» также может подразумевать разные ситуации («защищает», «ухудшает» – например, в сравнении с другими группами или другими организациями, и т. д.). К тому же эмпирический индикатор в такой форме имеет тенденцию смешивать вопрос о мнении («Я *считаю*, что...») и о фактах («Я *знаю*, что...»). Интерпретация должна учитывать неравное и неоднозначное знание содержания коллективного договора. В 2004 г. 38% заявили, что хорошо знают содержание, 56% – знают поверхностно, 7% не знали вовсе. В инструменте 2022 г. индикатор был упрощен: не «насколько затрагивает интересы», но «насколько нужен» коллективный договор.

В опросе 2022 г. абсолютное большинство опрошенных (88%) ответили, что коллективный договор необходим; но велика и доля затруднившихся ответить (11%; см. табл. 15). Интересные наблюдения дало разделение выборки на работников промышленности и бюджетных учреждений. На *промышленных предприятиях* сотрудники значительно категоричнее заявляют о необходимости коллективного договора, в *бюджетных организациях* значительно чаще выбирали ответ «Скорее необходим» или «Затрудняюсь ответить».

Таблица 15

Необходимость коллективного договора в зависимости от типа организации, % опрошенных

	Однозначно нужен	Скорее нужен	Скорее не нужен	Однозначно не нужен	Затрудняюсь ответить
Промышленные предприятия	82	12	0	0	6
Бюджетные организации	54	24	2	0	20
Всего	71	17	1	0	11

Вероятно, что различия в оценке необходимости колдоговора между промышленными и бюджетными организациями связаны с особенностями взаимодействия работников *между собой* и *с администрацией*. В первом случае мы ожидаем видеть более многочисленные коллективы и крупные подразделения, где работники выполняют больше тесно связанных работ и где контакты с вышестоящей администрацией редки. В бюджетных же учреждениях (и, вероятно, в сфере обслуживания и управления, в целом) численность коллективов и подразделений меньше, работа более индивидуализирована, взаимодействие между коллегами менее интенсивно, но непосредственные контакты с администрацией учреждения обычны. В этом случае больше оснований для локального, индивидуального определения и установления условий труда и найма – работа более специфична для конкретного работника, и работники в индивидуальном порядке оговаривают с руководителями условия ее выполнения.

Такое структурное ограничение участия работников в коллективной защите своих интересов следует учитывать при интерпретации данных по колдоговорному процессу. Этот процесс представляет собой циклически повторяющиеся колдоговорные кампании, начинающиеся со (1) сбора предложений работников, включающие (2) обсуждение предложений в комиссиях представителями сторон, (3) принятие текста голосованием собрания/конференции работников, (4) выполнение положений и (5) отчет сторон о выполнении положений колдоговора перед коллективом.

Важным критерием развития партнерских отношений между работниками (их представителями) и администрацией является степень включенности конкретных работников в процесс разработки и изменения положений коллективного договора.

Сравнивая ответы респондентов с учётом отраслевой принадлежности, следует отметить, что работники промышленных предприятий проявляют меньшую активность в сопоставлении с занятыми в организациях бюджетной сферы: 34% и 44% в соответствии с указанными сферами участвуют во внесении предложений. Такое наблюдение, на первый взгляд, парадоксально на фоне более низкой оценки необходимости колдоговора именно у работников бюджетных организаций (если соглашение не столь полезно, то почему они активнее участвуют в его формировании?). Однако это противоречие разъясняется в свете указанного структурного различия между промышленными организациями и бюджетными: условия труда и найма в промышленности охватывают большие профессиональные группы и подразделения, поэтому для их фиксации в требованиях и в тексте колдоговора не нужно массовое представительство – немногие могут говорить от лица многих. И напротив, в малых организациях с большим числом сотрудников, изолированно выполняющих специфическую

работу (врачи, учителя), необходимо большее число участников переговоров, выступающих от лица немногочисленных групп.

За прошедший период мы наблюдаем существенно возросшую активность работников в колдоговорном процессе. Во внесении предложений в проект коллективного договора участвовали 26% опрошенных в 2004 г. и 38% в 2022 г. У 77 – 78% участников колдоговорной кампании предложения были в той или иной мере включены в коллективный договор, по данным 2004 и 2022 гг. (см. табл. 16).

Таблица 16

Включение предложений работников в коллективный договор

Год	Все включены	Большая часть предложений были включены в коллективный договор	Большая часть предложений не была включена	Ни одно предложение не было включено	Затруднились ответить
2004	13	46	19	14	8
2022	12	53	12	8	15

Всего же увидели свои пожелания учтенными в колдоговорном процессе 44% работников по данным 2004 г. и 63% – 2022 г. (включая тех, кто не участвовал, поскольку интересующие их требования были отражены в предложениях участников). Зависимости от типа организации (промышленная либо бюджетная) не обнаружено.

Как следует оценить активность и успешность участия работников в коллективных переговорах?

Активность работников *возрастает*. Во-первых, вместе с числом участников возрастает и доля тех, кто не участвовал, но чьи интересы были учтены в предложениях участников (18% в 2004 г. и 25% в 2022 г.). Во-вторых, снизилась доля сознательных противников колдоговорного процесса: 17% (в 2004 г.) и 13% (в 2022 г.) посчитали, что во внесении предложений нет никакого смысла.

Однако имеет место и противоположная тенденция. Между 2004 и 2022 гг. с 4% до 18% выросла доля работников, которые не участвовали в колдоговорной кампании, поскольку *не знали, как участвовать*. Доля работников, затруднившихся ответить о *включении* своих предложений в коллективный договор, увеличилась с 8 до 15% (см. Табл. 16). Не смогли оценить *выполнение* колдоговора 11% в 2004 г. и 20% в 2022 г. (см. Табл. 17).

Выполнение коллективных договоров

Выполнение обязательств – цель колдоговорной работы и смысл самого участия в ней работников.

Выполнение обязательств коллективного договора в 2004 и 2022 гг.

Год	Все обязательства выполняются полностью	Большая часть выполняется	Большая часть не выполняется	Практически ничего не выполняется	Затруднились ответить
2004	17	57	10	5	11
2022	39	36	3	2	20

Как видим, позитивную оценку выполнению дали суммарно 74–75% респондентов (выполняются все или большинство обязательств). В целом, за период с 2004 по 2022 г., как кажется, оценки существенно сместились «влево», в позитивную сторону. Однако можно заметить, что негативные оценки (большая часть обязательств по коллективному договору не выполняется или практически полностью не выполняется, 15%) оказались замещены ответом «Затрудняюсь ответить» (20%). Как следует интерпретировать такую динамику?

Очевидно, что ответ на этот вопрос требует хорошего знакомства с текстом. Формально затруднения в ответе отражают недостаточное знание текста. В 2004 г. в ответ на вопрос «Насколько хорошо вы знакомы с содержанием коллективного договора?» ответили «Знаю хорошо» 35% и «Знаю поверхностно» 50%; прочие не знали (6%) или затруднились ответить (8%). Интерпретация вопросов о знании неоднозначна. Ответы о хорошем знании колдоговора (35% опрошенных!) представляются чрезмерно оптимистичными. Коллективный договор – довольно объемный документ, включающий обязательства универсальные, но также и партикулярные – касающиеся узких групп работников или особых ситуаций. Организованный подобно справочникам, с рубрикацией, облегчающей быстрый *ad hoc* поиск интересующей информации, колдоговор не предполагает специального изучения или детального знания. Следовательно, ответы «Знаю хорошо» могут означать «Знаю *весь* текст», «Знаю *касающиеся меня положения*» (такой ответ часть респондентов могла добросовестно вербализовать как «Знаю поверхностно»); они могут быть демонстративными («социально-ожидаемыми») ответами. Вероятно, семантика позиций в шкале не ясна. Поэтому в опросе 2022 г. было решено отказаться от вопроса.

Тем не менее, указанный выше парадокс – рост позитивных ответов (активность возрастает, большее число предложений включаются в договор, большее число положений выполняется) на фоне растущей неосведомленности – интересен и требует объяснения. Степень вовлеченности, как кажется, должна отражать заинтересованность. Почему работники (в том числе подающие свои предложения) участвуют в колдоговорной работе активнее, но меньше интересуются ее результатами?

Очевидно, последнее свидетельствует не об *анатмии* (ей тогда соответствовала бы возрастающая *пассивность*), но о снижении значимости (1) предложений и (2) случаев потенциального нарушения коллективного договора.

(1) Если *важнейшие* предложения уже учтены в соглашении либо рутинно отклоняются администрацией, и в очередную кампанию вносятся предложения *второстепенные*, мотивация проверить их включение в текст должна ослабевать.

(2) Если действия администрации не воспринимаются как враждебные и нарушающие права работников, мотивация сверить решения администрации с положениями колдоговора должна ослабевать.

Следовательно, наши наблюдения фиксируют стабилизацию социальной ситуации на предприятиях и в учреждениях: работники более удовлетворены условиями труда и найма в 2022 г., чем были довольны ими в 2004 г. Конечно, рост *удовлетворенности условиями* не равнозначен действительному *улучшению условий* работы. Негативные ожидания (страх реальных или мнимых сокращений, снижения доходов и ухудшения условий труда) могут стимулировать завышенную удовлетворенность даже ухудшающимися условиями труда. И напротив, завышенные ожидания (в результате сравнения с быстрорастущими отраслями или предприятиями) могут привести к недооценке улучшений условия труда и найма в собственной организации.

Важную роль в мониторинге реальных тенденций в регулировании условий труда и в мобилизации работников для их улучшения играют активность профсоюза и взаимодействие с администрацией. Для изучения этой роли в 2004 и 2005 г., наряду с работниками, опрашивались представители администрации и профсоюзов – участники комиссий по разработке коллективных договоров. Поскольку представители сторон коллективных переговоров – малочисленная группа, была применена выборка основного массива; тем не менее выборка недостаточно велика ($n = 79$) для выводов. Поэтому здесь мы приводим также данные по опросу представителей 2005 г. ($n = 57$), чтобы дать представление о разбросе ответов в малых выборках.

В целом представители сторон *переоценивали* активность работников в подготовке коллективного договора: представители администрации (58%) и профсоюзной организации (53%) в 2004 г. считали, что *большинство работников активно* участвует в выдвижении предложений в колдоговор (в 2005 г. так считали 37 и 58%%, соответственно). Меньшее число представителей администрации (37%) и профсоюзов (48%) считали, что интерес к подготовке колдоговора проявляет *лишь часть* работников (в 2005 г. так считали 60 и 42%%, соответственно). Именно последняя оценка соответствует реальности (в колдоговорной кампании участвовали 26% опрошенных в 2004 г.).

Переоценка активности работников представителями сторон, по-видимому, отражает ее воспринимаемую связь с *легитимностью* соглашения: чем больше работников участвовало в подготовке текста, тем лучше он отражает их интересы и тем больше оправдывает политику администрации. Такое предположение подтверждается и иными наблюдениями.

Выполнение обязательств – апофеоз колдоговорного процесса. Представители администрации более оптимистично оценивали исполнение, чем сторона профсоюзов: в 2004 г. 47% (63% в 2005 г.) представителей работодателя посчитали, что колдоговор выполняется *в полном объеме* и 50% – выполняется *основная часть* (37% в 2005 г.). Оценки выполнения представителями профсоюзов заметно ниже: по мнению 22% (26% в 2005 г.), колдоговор выполняется *в полном объеме* и, по мнению 76% (63% в 2005 г.), – выполняется *основная часть* обязательств; примечательно, что в 2005 г. 10% представителей профсоюзов указали, что большая часть коллективного договора *не исполняется*. Оценки представителей профсоюзов в 2004 г. были близки к оценкам работников (см. табл. 18).

Такие наблюдения вновь поддерживают наше предположение: коллективный договор *легитимирует* решения администрации. Поэтому сторона работодателя переоценивает выполнение обязательств (в основном, являющихся обязательствами *работодателя*). Заметим, что такое предположение не тривиально, и вполне правдоподобной была бы и *альтернативная гипотеза*: представители работников могли оценивать выполнение колдоговора оптимистичнее администрации, поскольку контроль исполнения колдоговора – обязанность профсоюзов. Однако эту гипотезу следует отвергнуть.

Таблица 18

**Выполнение обязательств коллективного договора в 2004 и 2022 гг.
в зависимости от членства в профессиональном союзе
(% от числа ответивших)**

	Члены профсоюза	Нечлены профсоюза
Год	2004	
Все обязательства выполняются полностью	17	14
Большая часть выполняется	59	46
Большая часть не выполняется	9	16
Практически ничего не выполняется	4	13
Затруднились ответить	11	11
Год	2022	
Все обязательства выполняются полностью	45	8
Большая часть выполняется	36	33
Большая часть не выполняется	3	5
Практически ничего не выполняется	1	5
Затруднились ответить	14	49

Как видим, работники, не состоящие в профсоюзе, заметно более скептически оценивали выполнение коллективного договора. Однако здесь интересны наблюдения 2022 г.: поляризация ответов произошла за счет более высоких оценок у членов профсоюза и *апатичных* ответов нечленов (они не знали/не интересовались выполнением и нарушениями колдоговора). Соотношение в выборках членов профсоюза и несостоявших в оба периода наблюдения оставалось прежним: 84% и 16% в 2004 г., 85% и 15% в 2022 г., соответственно. Следовательно, мы можем наблюдать процесс *фрагментации* рабочего класса – сотрудники, состоящие в профсоюзах, выше оценивали выполнение колдоговоров и *активнее участвовали* в колдоговорных кампаниях в 2022 г., чем в 2004 г. (табл. 19)

Таблица 19

Участие членов и нечленов профсоюза во внесении предложений в проект коллективного договора в 2004 и 2022 гг. (в % от числа опрошенных)

	Члены профсоюза	Нечлены профсоюза
Год	2004	
Вносили предложения	30,9	15,8
Не вносили предложения	69,1	84,2
Год	2022	
Вносили предложения	41,6	18,3
Не вносили предложения	58,4	81,7

Как видим, активность работников, не состоящих в профсоюзе, в колдоговорных кампаниях остается стабильно низкой. Но, как мы указывали выше, внутри этой группы выросла доля апатичных *неучастников* (выросла за счет и *позитивно*, и *негативно* оценивавших выполнение коллективного договора!). Таким образом, обе тенденции – активизации участвующих и отчуждения неучаствующих – суть свидетельства фрагментации рабочего класса в России на фоне стабилизации производственных отношений.

Профсоюзы в диалоге с администрациями

Каков вклад профсоюзов в эти процессы? Каковы их последствия для профсоюзов? В опросе 2004 г. большинство работников отметили важность роли профсоюзов на предприятии. Почти 75% респондентов заявили, что роль профсоюзов важна или скорее важна, и лишь 16% считают, что профсоюз не играет существенной роли в защите прав работников. В первой версии этого индикатора оценка ответов неоднозначна: «важность» – относительная оценка. Поэтому в последней версии инструмента этот же индикатор сформулирован как сравнение влияния основных участников регулирования трудовых отношений – государства, работодателей, судов, работников и профсоюзов («От кого в наибольшей мере зависит защита трудовых прав работающих в России?»).

Сравнивая роль социальных институтов по защите прав работников предприятий и организаций, опрашиваемые в 2022 г. на первое место вывели государственную власть (58%), на второе – самих работодателей (45%), на третье – профсоюзы (37%). Только для 18% защита прав работников больше всего зависит от самих работников и лишь для 5% – от судов.

Оценка значимости разных агентов в защите прав работников различается у сотрудников бюджетных и промышленных предприятий. Так, сотрудники бюджетных организаций чаще полагаются на государство (62% против 55%), а сотрудники промышленных предприятий на профсоюзы (42% против 30%) и суды (6% против 2%). Роль самих работников и работодателей в обеих группах оценивается одинаково.

Итак, в обеих формулировках этого индикатора роль профсоюзов оценена высоко. Однако отражает ли эта оценка *усилия* профсоюзов либо только *ожидания* работников? Исполняют ли профсоюзы свою значимую роль?

Этот вопрос в мониторинге исследовался двумя индикаторами – вопросом об изменении роли профсоюзов («Как изменилась за последний год роль профсоюза Вашего предприятия в решении вопросов защиты социально-экономических прав работников?») и вопросами о функциях.

Очевидно, неоправданные ожидания привели бы к разочарованию респондентов. Мнения работников об изменении роли профсоюзной организации на предприятии в 2004 г. разделились на две группы: 42% считали, что роль профсоюза не изменилась, остальные приблизительно поровну разделились между убежденными в усилении, в ослаблении позиций профсоюзов, и затруднившимися оценить (табл. 20).

Таблица 20

Изменение роли профсоюза в оценках членов и нечленов профсоюза в 2004 г. (в % от числа опрошенных, не являющихся представителями сторон; n = 614)

	Все работники	Члены профсоюза	Нечлены профсоюза
Роль профсоюза возросла	19,3	22,3	3,2
Роль профсоюза снизилась	19,1	19,8	15,8
Роль профсоюза не изменилась	42,2	42,1	43,2
Затрудняюсь ответить	18,8	15,3	37,9

Важно отметить, что вновь подтвердилось наше предположение об усиливающемся отчуждении (апатии) у работников, не состоящих в профсоюзе: эти сотрудники не осуждают деятельность профсоюзов, они, скорее, не знают о ее результативности. В определенном смысле, это может быть *негативным*

сигналом: профсоюз недостаточно информирует потенциальных членов о своей работе.

Приведенные здесь наблюдения, по-видимому, вполне надежны. Тот же вопрос в опросе 2005 г. (n = 476) дал близкие распределения ответов. Однако валидность индикатора неясна: большая доля затруднившихся ответить может быть результатом *незнания*, проявлением *скепсиса* или же невозможностью дать *единую* оценку влиянию профсоюзов в слишком разных областях деятельности.

Наибольшее влияние профсоюзов отмечается в традиционных сферах деятельности: социальное обеспечение, оздоровление, проведение культурно-массовых мероприятий (см. табл. 21).

Таблица 21

Влияние профсоюзов по основным направлениям деятельности в оценках работников и представителей сторон в 2004 г. (в скобках данные 2005 г.), в % от числа опрошенных

Направления деятельности профсоюзов	Группа респондентов		
	Работники	Администрация	Профсоюзы
Повышение заработной платы	23,8	40 (44)	44 (56)
Соблюдение сроков выплат заработной платы	46,7	50 (76)	66 (78)
Сохранение рабочих мест	27,9	47 (60)	56 (56)
Соблюдение прав работника при сокращении/увольнении	36,1	60 (64)	68 (67)
Улучшение условий труда	35,1	60 (76)	71 (72)
Соблюдение норм охраны труда	36,3	58 (64)	90 (89)
Соблюдение прав работника по обеспечению льгот и социальных выплат	45,1	66 (84)	83 (83)
Режим труда и отдыха	43,8	66 (84)	71 (89)

Как видим, сравнение данных 2004 и 2005 гг. по представителям показывает, что оценки влияния профсоюзов представителями администрации близки к оценкам представителей профсоюзов и всегда далеки от оценок, высказанных работниками. В целом, представители профсоюза и администрации склонны преувеличивать влияние профсоюза в представленных сферах; работники же дают более сдержанные оценки. Режим, охрана труда и защита прав при сокращениях/увольнениях – направления, довольно высоко оцениваемые всеми группами опрошенных. Все группы низко оценили влияние профсоюза на повышение зарплаты и защиту занятости.

Обращают на себя внимание *контрастные* оценки. Работники дали наивысшую оценку влиятельности профсоюзов в вопросе соблюдения сроков выплат заработной платы, тогда как представители профсоюза и администрации невысоко оценили это влияние.

По мнению представителей профсоюзов, наибольшее значение их мнения имеют при принятии решений в области соблюдения норм охраны труда (90%), а также соблюдения прав работников по обеспечению льготами и социальными выплатами (83%). В последнем случае работники предприятий солидарны с представителями профсоюза. Наибольшее расхождение в оценках работников и администрации, с одной стороны, и представителей профсоюза, с другой, наблюдается по вопросу соблюдения норм охраны труда, отмеченное профсоюзами в качестве приоритетной сферы своего реального влияния.

В последней волне мониторинга тот же индикатор был изменен и дал более рельефную картину (см. также рис. 11 «Востребованные и выполняемые функции профсоюза»). Исследовались *востребованность* функции (Для чего нужна современному работнику профсоюзная организация в первую очередь?) и ее *выполнение* (Какие задачи на вашем предприятии решает профсоюз в первую очередь?). Рассчитанное как отношение выполняемых к востребованным задачам (см. табл. 22), влияние профсоюза теперь очевидно низко в наиболее важных сферах регулирования.

В исследовании 2022 г. респонденты четко определили приоритетные задачи, которые должны решать профсоюзные организации: оказание консультативной, правовой помощи в защите прав и интересов работников (60%); защита прав работников в трудовых конфликтах (56%); защита прав работников при разработке коллективного договора (44%).

Таблица 22

Отношение выполняемых к востребованным задачам профсоюза в 2022 г.

Функции (задачи) профсоюзной организации	Востребованность функции	Выполнение функции
1. Оказание консультативной и правовой помощи в защите прав и интересов работников	60%	0,60
2. Защита прав работников в трудовых конфликтах	56%	0,46
3. Защита прав работников при разработке коллективного договора	44%	0,84
4. Организация культурно-массовых и спортивных мероприятий	26%	2,07
5. Участие в организации санаторно-курортного лечения сотрудников	24%	1,58
6. Сплочение коллектива	22%	0,77

Защита прав работников в трудовых конфликтах – наименее *выполняемая* и одновременно одна из наиболее *востребованных* функций (56% работников указали ее среди нужных задач профсоюза, но только 26% – среди выполняемых; отношение доли последних к доле первых 0,46). Близкая по значимости функция «Оказание консультативной и правовой помощи в защите прав и интересов работников» также получила низкое соотношение выполнения к востребованности (0,6). Интересной представляется более высокая востребованность *правовой* помощи в сравнении с *колдоговорной* работой. Последняя разграничивает важные и незначимые задачи профсоюза (востребованные лишь для 22–26% респондентов). Эти неважные задачи профсоюз перевыполняет (соотношение ответов о выполнении и ответов о важности 2,07 и 1,58).

Довольно высоко следует оценить исполнение колдоговорной и солидаризирующей функции (ответы о выполнении и ответы о важности стоят в отношении 0,84 и 0,77). В целом, мы видим, что эти традиционные для западной конфронтационной модели профсоюзной работы (мобилизация работников на борьбу за улучшение условий найма) направления нехарактерны для российских профсоюзов. Работники не считают их приоритетными и поэтому, вероятно, не столь критичны в оценке выполнения. Критичность выражена в отношении самых ожидаемых функций (правовой защиты).

Итак, две тенденции могут объяснять слабеющее влияние работников и профсоюзов на условия труда и найма: (1) смещение активности *и ожиданий работников* от конфронтационных задач к консультативной и обслуживающей работе, (2) смещение удовлетворенности активностью профсоюзов от приоритетных функций (консультативных) к малозначимой работе (обслуживающей).

Как видим, эмпирический индикатор в формулировке 2022 г. лучше объясняет динамику влиятельности профсоюзов на предприятиях и в организациях.

Влияние профсоюзов следует оценивать в свете (1) их готовности вступать в споры (конфликты) с администрацией и (2) способности достигать соглашений. Стороны по-разному оценивают характер своих взаимоотношений в ходе колдоговорного процесса – сторона работодателей наиболее оптимистично оценивает отношения с профсоюзом: отношения бесконфликтные и компромиссные для 90-92%% представителей администрации. Сторона наемных работников дает более сдержанные оценки: 77% работников и 73-88%% представителей профсоюзов считают, что споры разрешаются компромиссно, либо сторона администрации доминирует во взаимоотношениях с профсоюзом (см. табл. 23).

**Оценка взаимоотношений администрации и профсоюза
на предприятии представителями администрации,
профсоюза и работников (% от числа ответивших)**

Оценка отношений	Работники	Представители профсоюза в 2004 г. (в 2005 г.)	Представители администрации в 2004 г. (в 2005 г.)
Практически не возникает споров или конфликтов	13,6	13 (21)	28 (43)
Спорные вопросы чаще разрешаются в пользу администрации	38,6 (20,4)	22 (26)	5 (7)
Спорные вопросы чаще разрешаются путём взаимного компромисса	38,6	65 (47)	64 (47)
Спорные вопросы чаще разрешаются в пользу профсоюза	2,5	0 (0)	3 (0)
Фактически нет никаких отношений	6,8	0 (5)	0 (0)

Представители сторон в согласительной комиссии – администрация и профсоюзы – разошлись в оценке конфликтности и результативности взаимодействия! По-видимому, оптимистичные оценки стороны работодателя поддерживает нашу гипотезу: коллективный договор легитимирует политику администрации, поэтому ее представители склонны преуменьшать конфликтность переговоров и возможность администрации навязывать свою волю профсоюзам и работникам. Не удивительно, что мнения работников близки к ответам их представителей (несмотря на то что они судят о переговорах заочно или со слов своих представителей). Важно отметить, что практически никто из респондентов не выделил позицию профсоюзов в решении вопросов как преобладающую.

Заключение

Итак, наши наблюдения свидетельствуют о (1) готовности профсоюзов вступать в споры с администрацией и (2) об их способности достигать соглашений со стороной, доминирующей в переговорах. Следовательно, профсоюзы (как минимум, отчасти) оправдывают ожидания работников. В целом, работники довольно высоко оценили роль профсоюзов в защите своих прав – на профсоюзы в этом они полагаются значительно чаще, чем на себя. Тот факт, что для большей доли работников ответственность за соблюдение их прав должна быть возложена на работодателей, не удивителен. Предприятие, учреждение – сцена, где работники находятся и трудятся в интересах, под управлением и контролем работодателя. Профсоюзы объективно не могут здесь парировать влияние администрации или диктовать свои требования. Возлагать такие ожидания на общественную организацию, черпающую свою силу в доверии людей зависимых,

работников, – значит, недооценивать специфику организации и эксплуатации труда в капиталистической системе.

Вопреки довольно распространенному скепсису в отношении активности и результативности профессиональных союзов, наши наблюдения свидетельствуют об обратном – профсоюзы сохраняют доверие и поддержку значительной части рабочего класса. Положение профсоюзов и работников на производстве обусловлено двумя тенденциями: (1) имеет место стабилизация производственных отношений, социальной ситуации в производстве, наряду с (2) фрагментацией рабочего класса – его расколом на большую и активную часть коллективов, и меньшую часть, подверженную апатии – прогрессирующему отчуждению от участия в регулировании условий своей работы и труда. В настоящий момент такие тенденции предложены пока как гипотетические. Их проверка требует регулярного обследования большего круга предприятий и учреждений, совершенствования инструмента и ответственного интереса со стороны государства.

КУЛЬТУРА ДОВЕРИЯ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ПРИКАМЬЯ)

В современных условиях глобальных социокультурных рисков, оказывающих влияние на функционирование предприятий и организаций, большое значение приобретает поиск механизмов, способствующих устойчивому развитию социально-трудовых отношений. Культура доверия является основанием для поддержания стабильного функционирования организаций на базе единого нормативно-ценностного поля. Организационное доверие как важнейший элемент организационной культуры¹ включает три аспекта, сквозь призму которых раскрываются особенности построения доверительных отношений в организациях: когнитивный (знания о степени, с которой можно доверять коллегам, на основании их навыков и компетенций, а также частности и доброжелательности); аффективный (эмоциональное отношение к сложившимся ожиданиям); поведенческий (система действий и поступков, совершаемых на основании доверительных установок)². Таким образом, в процессе развития трудовых отношений доверие выражается через уверенность работников в единстве разделяемых представлений о способах и правилах осуществления трудовой деятельности, а также морально-ценностных принципах корпоративных взаимоотношений.

В научной литературе показано, что доверие является значимой детерминантой в развитии социально-трудовых отношений и повышении эффективности деятельности организации³. Так, отмечается, что организационное доверие повышает удовлетворенность работой среди сотрудников и результативность

© Маркова Ю.С., 2023

¹ Пеша А.В. Атмосфера доверия как составляющая корпоративной культуры и ее влияние на организационную эффективность [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Том 9, № 2. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/100EVN217.pdf> (дата обращения 01.07.2023). Тихомирова О.Г. Организационная культура: формирование, развитие и оценка / О.Г. Тихомирова. СПб: СПб ГУ ИТМО, 2008. 156 с. Moran R.T. et al. Leadership in changing organizational culture. Managing Cultural Differences: Global Leadership Strategies for the 21st Century / R.T. Moran, P.R. Harris, S.V. Moran; 7th edition. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2007. Pp. 126–137.

² Savolainen, T., Ivakko, E., Ikonen, M. Trust development in workplace relations during change: A multi-level analysis of narratives from leaders and followers. Proceedings of the 5th International Conference on Management, Leadership and Governance, ICMLG 2017, Wits Business School, University of Witwatersrand Johannesburg, South Africa, 16-17 March. Zanele, N. Mokoteli, T. (Eds.). 2017, Academic Conferences and Publishing International Limited (ACPI Ltd.), Reading, UK, pp. 393–400.

³ Kiffin-Petersen, S. and Cordery, J. (2003). “Trust, individualism, and job characteristics as predictors of employee preference for teamwork”. The International Journal of Human Resource Management. vol. 14. no. 1, pp. 93–116. DOI: <https://doi.org/10.1080/09585190210158538>.

трудовой деятельности в решении общеорганизационных задач¹, укрепляет сотрудничество между членами коллектива². В то же время недостаток доверия может снижать трудовую мотивацию и организационную лояльность³, вести к отказу от оказания помощи и поддержки коллегам⁴. Таким образом, построение доверительных отношений является залогом эффективности деятельности организации. Отсюда важной представляется эмпирическая оценка взаимовлияния организационного доверия и показателей трудовой деятельности в современных организациях.

Материалами для данного исследования выступили данные формализованного онлайн-опроса, проведенного в 2022 г. среди работников промышленных предприятий и бюджетных организаций здравоохранения и образования Пермского края. Сбор эмпирических данных осуществлялся в партнерстве с Пермским краевым союзом организаций профсоюзов «Пермский крайсовпроф». Объем выборочной совокупности составил 683 человека. Среди опрошенных к работникам промышленных предприятий относятся 61%, работникам бюджетных организаций – 39% (6% – здравоохранение, 33% – образование). Следует отметить, что поскольку способом формирования выборочной совокупности выступил стихийный отбор, это может вести к определенным смещениям в данных.

Для измерения показателей трудового поведения и отношений были использованы методики В.Ю. Бочарова, Б.Г. Тукумцева (методика исследования приверженности и вовлеченности персонала в деятельность организации)⁵ и Г.П. Бессокирной, Г.Г. Татаровой (методика измерения идентификации персонала с организацией)⁶.

¹ Davis, J.H., Schoorman, F.D., Mayer, R.C. and Tan, H.H. (2000). “The trusted general manager and business unit performance: Empirical evidence of a competitive advantage”. *Strategic Management Journal*. vol. 21, pp. 563–576. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-0266\(200005\)21:5<563::AID-SMJ99>3.0.CO;2-0](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-0266(200005)21:5<563::AID-SMJ99>3.0.CO;2-0).

² Tschannen-Moran, M. and Hoy, W.K. (2000). “A multidisciplinary analysis of the nature, meaning, and measurement of trust”. *Review of Educational Research*. vol. 70, pp. 547–93. DOI: <https://doi.org/10.3102/00346543070004547>; Dirks, K.T. (2000). “Trust in leadership and team performance: Evidence from NCAA basketball”. *Journal of Applied Psychology*. vol. 85. no. 6, pp. 1004-1012; Bijlsma, K. and Koopman, P. (2003). “Introduction: trust within organizations”. *Personnel Review Journal*. vol. 32. no. 5, pp. 543–555.

³ Tremblay, M., Cloutier, J., Simard, G., Chênevert, D. and Vandenberghe, C. (2010). “The role of HRM practices, procedural justice, organizational support and trust in organizational commitment and in-role and extra-role performance”. *The international journal of human resource management*. vol. 21, pp. 405–433. DOI: <https://doi.org/10.1080/09585190903549056>.

⁴ Zand, D.E. (1972). “Trust and Managerial Problem Solving”. *Administrative Science Quarterly*, vol. 17. no. 2. pp. 229–239. DOI: 10.2307/2393957.

⁵ Бочаров В.Ю., Тукумцев Б.Г. Социальное партнерство на промышленных предприятиях [Электронный ресурс] // Петербургская социология сегодня. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-partnerstvo-na-promyshlennyh-predpriyatiyah> (дата обращения: 01.07.2023).

⁶ Бессокирная Г.П., Татарова Г.Г. Идентификация с предприятием: концептуальная модель и инструментарий исследования [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН. – 2013. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2768> (дата обращения: 01.07.2023).

Доверие в организации подразделяется на горизонтальный (доверие к коллегам, находящимся на одном уровне производственной иерархии) и вертикальный (доверие по отношению к руководству) типы. Согласно полученным данным, работники пермских организаций и предприятий демонстрируют высокий уровень доверия обоих типов.

Так, почти 85% опрошенных сказали о том, что доверяют своим коллегам, поэтому можно говорить о высокой эффективности взаимодействия между сотрудниками (см. рис. 12). Значимых различий между оценками доверия коллегам в разных типах организаций не обнаружено.

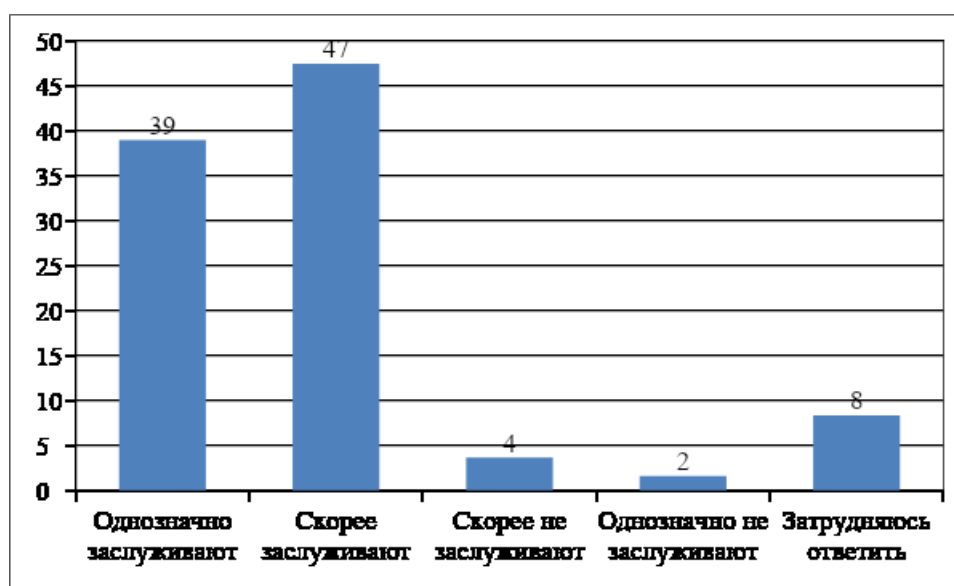

Рис. 12. Уровень доверия сотрудников предприятий коллегам по работе (% от числа ответивших)

Руководители являются ключевыми агентами в менеджменте предприятия, поэтому вертикальное доверие отражает характер выполнения управленческих решений. Доверяют руководителям высшего звена 75% сотрудников, 11% не доверяют, еще 14% затруднились ответить. В отношении линейных руководителей наблюдается схожая ситуация: 81% опрошенных доверяет им, 11% полагают, что руководители этого уровня не заслуживают доверия и еще около 9% затруднились ответить на данный вопрос (см. рис. 13).

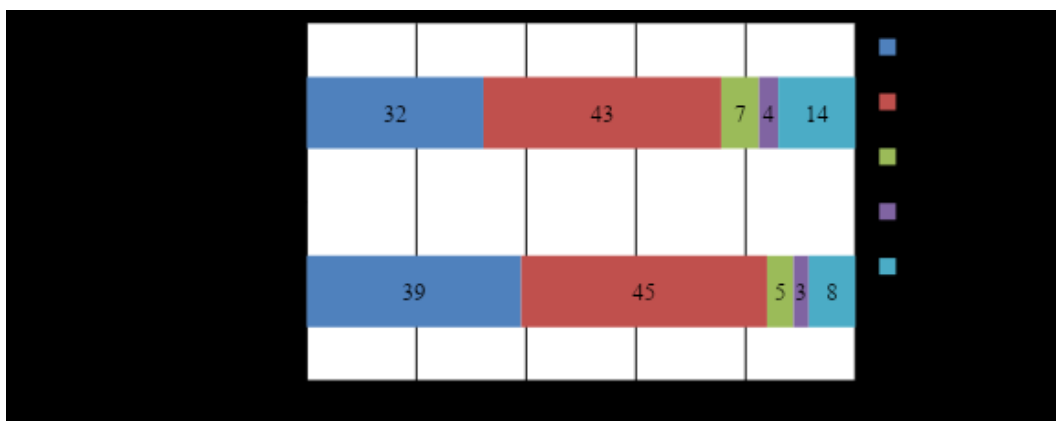

Рис. 13. Уровень доверия сотрудников предприятий руководителям разного уровня (% от числа ответивших)

Оценивая специфику в зависимости от типа предприятия, можно говорить о том, что сотрудники промышленных предприятий значительно чаще (примерно в 1,5 раза) «полностью доверяют» как руководителям предприятий, так и линейным руководителям, по сравнению с сотрудниками бюджетных организаций.

Результаты исследования свидетельствуют о наличии взаимосвязи между организационным доверием и показателями трудового поведения опрошенных работников.

С использованием коэффициента корреляции Спирмена установлено наличие связи между доверием коллегам и индексом удовлетворенности трудом ($r_s = 0,227$, $\alpha < 0,01$). При этом следует отметить, что на эмпирическом уровне сила связи относится к категории слабых. Как видно из таблицы 24, в целом, доля удовлетворённых работой на предприятии выше среди работников, имеющих более высокий уровень доверия к коллегам.

Таблица 24

Уровень удовлетворенности работой на предприятии в зависимости от уровня доверия коллегам (% от числа ответивших)

	Полностью удовлетворяет	Скорее удовлетворяет	Частично удовлетворяет, частично нет	Скорее не удовлетворяет	Полностью не удовлетворяет
Однозначно не заслуживают доверия	55	9	27	9	0
Скорее не заслуживают доверия	16	24	48	8	4
Скорее заслуживают доверия	19	47	31	3	0
Однозначно заслуживают доверия	37	43	20	0	0
Всего	27	44	27	2	0

Также с использованием коэффициента корреляции Спирмена установлено наличие связи (оцениваемой как «слабая») между доверием коллегам и индексом корпоративной солидарности ($r_s = 0,108$, $\alpha < 0,01$). В частности, в группах работников с более высоким уровнем доверия коллегам, выше доля опрошенных, чувствующих ответственность за работу своего подразделения/цеха и за свою собственную работу. Так, если среди респондентов, не доверяющих коллегам, доля опрошенных работников, которые чувствуют ответственность за работу своего подразделения, составляет 75%, то среди доверяющих – 87%. В отношении ответственности за свою работу данные показатели составляют 87% и 95%, соответственно.

Таким образом, чем выше доверие коллег друг другу, тем большую удовлетворенность трудом в организации испытывают сотрудники, и тем выше уровень их сплоченности, сопричастности в решении общих трудовых задач, взаимопомощи и отзывчивости.

Кроме этого, коэффициент Спирмена демонстрирует статистически значимую взаимосвязь (однако также относящуюся к категории слабых) между вертикальным доверием и индексом удовлетворенности трудом. Отсюда уровень доверия руководству организации определяет то, насколько сотрудник удовлетворен работой в данной организации (см. Табл. 25 и 26).

Таблица 25

Уровень удовлетворенности работой на предприятии в зависимости от уровня доверия руководителю высшего уровня (% от числа ответивших)

	Полностью удовлетворяет	Скорее удовлетворяет	Частично удовлетворяет, частично нет	Скорее не удовлетворяет	Полностью не удовлетворяет
Однозначно не заслуживают доверия	4	21	50	21	4
Скорее не заслуживают доверия	9	25	57	7	2
Скорее заслуживают доверия	17	52	30	2	0
Однозначно заслуживают доверия	51	36	12	1	0
Всего	28	43	26	3	0

**Уровень удовлетворенности работой на предприятии
в зависимости от уровня доверия непосредственному руководителю
(% от числа ответивших)**

	Полностью удовлетворяет	Скорее удовлетворяет	Частично удовлетворяет, частично нет	Скорее не удовлетворяет	Полностью не удовлетворяет
Однозначно не заслуживают доверия	11	21	47	21	0
Скорее не заслуживают доверия	21	27	42	6	3
Скорее заслуживают доверия	16	49	32	3	0
Однозначно заслуживают доверия	42	40	17	1	0
Всего	27	43	27	2	2

Согласно эмпирическим данным, коэффициент Спирмена показывает, что имеет место быть взаимосвязь между вертикальным доверием и иными составляющими организационной деятельности, такими как индекс корпоративной солидарности, индекс субъективной результативности труда, индекс включенности в работу предприятия. Другими словами, чем выше уровень доверия руководству в организации, тем выше коллективистские ориентации работников, их ответственность за работу своего подразделения или организации в целом, приверженность работе в организации, вовлеченность в деятельность организации, готовность проявлять инициативу при решении стоящих перед организацией задач, добросовестность при исполнении трудовых обязанностей, отсутствие брака в работе.

Таким образом, исследование показало, что организационное доверие (как коллегам, так и руководителям разного уровня) является одним из важнейших факторов формирования высокоэффективных производственных отношений. Сформированная в организации культура доверия расширяет перспективы и возможности для повышения удовлетворенности сотрудников работой в организации, положительно сказывается на результативности труда как стремлении к лучшим результатам в трудовой деятельности, способствует развитию корпоративной солидарности и поддержанию организационной лояльности. Отсюда одной из значимых задач в развитии организационной культуры выступает поддержка ценности доверия и создание среды, в которое доверие является базовым принципом взаимоотношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги социологического анализа проблемы развития человеческого потенциала в современной России.

Глава 1 монографии посвящена анализу демографической ситуации в России, ее проблемным аспектам, а также описанию динамики заболеваемости и смертности в современном российском обществе. В исследовании Л.А. Хачатрян раскрываются основные особенности воспроизводства населения РФ, а через анализ динамики основных демографических показателей рождаемости и смертности, дается оценка эффективности реализуемых программ по повышению рождаемости и увеличению продолжительности жизни. В исследовании С.С. Гордеевой, на основе анализа динамики заболеваемости и смертности населения РФ, актуализируются негативные тенденции в сфере самосохранных практик россиян. Автор обосновывает приоритетное место неинфекционных заболеваний, таких как болезней системы кровообращения, органов дыхания, злокачественных новообразований в структуре инвалидности и заболеваемости населения. В исследовании Н.А. Лебедевой-Несеври дается оценка эффективности действующих мер государственной политики по достижению национальных целей развития РФ. Автор приходит к выводу, что условиями достижения целевых показателей сохранения здоровья россиян и увеличения продолжительности их жизни, является переориентация всей государственной политики на укрепление человеческого потенциала.

Глава 2 раскрывает особенности поведения россиян в отношении здоровья в период пандемии COVID-19. В исследовании А.О. Барг, на результатах качественного анализа текстов публичных дневников самоизоляции и ковид-дневников, размещенных в сети Интернет, описываются новые здоровьесохранные практики населения, сформированные в условиях пандемии COVID-19. Автор приходит к выводу, что, несмотря на изменение повседневных практик сохранения здоровья и рутинизацию действий людей во время эпидемии, остается не ясным вопрос об утверждении новых здоровьесохранных практик как обыденных и устойчивых после завершения пандемии. На материалах «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (с 2016 по 2021 гг.), К.О. Сомхишвили делает количественную оценку динамики двигательной активности и медицинских практик россиян в период пандемии. Автор называет причины изменений в практиках двигательной и медицинской активности россиян в период пандемии. Они связаны с ограниченной возможностью для занятий физической культурой среди населения, а также со снижением доступности обращаться за медицинской помощью.

Еще один аспект поведения в отношении здоровья в период пандемии представлен в исследовании Т.В. Сирковской. Проведенный количественный анализ динамики потребления алкоголя и никотинсодержащей продукции россиян в условиях пандемии (на базе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ) выявил влияние социально-демографических факторов (пол, семейный статус) и экономических предикторов (уровень дохода) на употребление алкоголя и табака.

Глава 3 раскрывает определенные аспекты самоопределения молодежи в условиях современного образовательного пространства. Автор С.С. Соловьев обосновывает необходимость увеличения вовлеченности студенческой молодежи в разнообразные формы внеучебной деятельности в системе высшей школы как предикт развития культурного капитала студентов. Исследование А.В. Безрукова посвящено анализу основных теоретико-методологических подходов к самоопределению молодежи: структурно-позитивистскому, культурно-феноменологическому, социально-психологическому и системно-диалектическому. Автор актуализирует риски распространения внеинституционализированных практик адаптации и самоопределения в условиях «эпохи неопределенности». С особенностями профессионального самоопределения молодежи знакомит В.С. Волегов. Автор указывает на приоритетное значение эффективного взаимодействия образовательных структур и рынка труда для успешного самоопределения современной молодежи, подчеркивает актуальность проблемы профессионального самоопределения в условиях снижения доли молодежи в демографической структуре современного общества и старения населения страны. Религиозный аспект процесса самоопределения молодежи в образовательном пространстве раскрывается в исследовании П.Ф. Сироткина. Автор делает вывод о широких возможностях региона для самоопределения молодежи Пермского края вне зависимости от их религиозной самоидентификации, о значительной роли государственных и религиозных структур в создании условий для выбора духовного пути современной молодежи.

Глава 4 основана на применении акторно-сетевой теории и фрейм-анализа И. Гофмана к конкретным случаям трансформации городского пространства (городское планирование и благоустройство, реституция церковных зданий и джентрификация). Современная социология не изобилует исследованиями, апеллирующими к «большой теории». В какой-то мере это отражает дефицит эмпиричности, характерный для многих работ в традиционной социологической теории. Здесь авторы предложили два возможных развития. Во-первых, это развитие концепции (технических, социальных, политических

условий формирования групп) Р. Дарендорфа. Возможно, открытым остается вопрос о том, действительно ли эти условия дискретны (разделимы, артикулируемы) и насколько эта дискреция теоретически продуктивна. Во-вторых, это «инструменты борьбы сетей устойчивых отношений», – борьбы разных групп за пространства, объекты и смыслы, – что может быть охарактеризовано как столкновение фольклорно-туристической (Завод Шпагина) и ценностно-ориентированной (Сад Соловьев и Спасо-Преображенский собор) тенденций.

Первая представляет собой захват, экспроприацию и даже уничтожение экологии других акторов в целях коммерциализации и потребления истории и идентичности места как рядовых колониальных продуктов (такая политика обычно фигурирует в риторике «повышения *привлекательности*» места *для других/чужих*).

Вторая тенденция есть охрана экологии местного сообщества (и самим этим сообществом), восстановление владения и означивания мест и пространств теми, кто заявляет свои права в связи и ради истории и идентичности.

Тенденции враждебны, но могут прибегать к сходным, эмпирически и аналитически различимым «инструментам борьбы сетей» (полное удаление и замена, удаление значимых элементов, изменение значения актантов). Такая артикуляция инструментов есть сама инструмент анализа и теоретизации наблюдений; она интересна и может быть продуктивна и вне урбанистики, и независимо от перспектив акторно-сетевой теории.

В главе 5 рассмотрено регулирование трудовых отношений и условий труда в промышленных и бюджетных организациях. Коллективные формы представительства и защиты интересов через профсоюз и коллективные переговоры с представителями работодателя связаны с горизонтальным доверием работников к другим сотрудникам.

Исследование А.С. Шляпиной обнаружило тенденцию к индивидуализации трудовых отношений. Защита интересов работников через профсоюз и коллективные переговоры может вытесняться достижением личных преимуществ в непосредственных договоренностях работника с руководителем. Эмпирически такая тенденция должна проявляться в замещении горизонтального доверия вертикальным. Чем больше сотрудник доверяет руководителям организации, тем меньше он заинтересован в участии в коллективных переговорах. Исследование Е.Б. Плотниковой и А.Е. Кузнецова показало, что участие во внесении предложений в коллективный договор остается довольно высоким, но само колдоговорное регулирование и роль профсоюза в нем смещены к второстепенным сферам. Авторы выдвинули предположения о стабилизации производ-

ственных отношений и социальной ситуации на производстве при прогрессирующем *отчуждении* от участия в регулировании условий своей работы и труда у части класса наемных работников.

Рассматривая эти гипотезы вкупе с наблюдением А.С. Шляпиной, можно только догадываться о динамике участия в *активной части* работников: возможно, тенденция к индивидуализации регулирования условий труда и найма имеет место именно в *наиболее значимых* сферах регулирования (оплаты труда, трудовой нагрузки, защита в трудовых конфликтах). Если такое предположение верно, то мы наблюдаем процесс архаизации, или *дерегулирования*, сферы управления трудом. Индивидуализация регулирования трудовых отношений неизменно ведет к удешевлению труда и, впоследствии, к снижению квалификации и производительности. Такие последствия трудносовместимы с задачами модернизации и повышения наукоемкости экономики, которые могут быть поставлены правительством.

Исследование доверия Ю.С. Марковой обнаружило большее вертикальное доверие (руководителям) среди работников промышленных предприятий, нежели у сотрудников бюджетных организаций. Поскольку последние принадлежат к сфере обслуживания, с ее давней и глобальной тенденцией к более низкой производительности и оплате труда, чем в промышленности, предположение об индивидуализации (дерегулировании) трудовых отношений может быть оспорено. Но, возможно, что процесс дерегулирования в бюджетной сфере уже зашел достаточно далеко, чтобы привести к снижению доверия: трудно ожидать доверительных отношений между администрациями, экономящими на труде, и сотрудниками, перегруженными обесцененным трудом.

Здесь необходимы более масштабные исследования (как отмечают авторы), однако, не менее нужно развитие и широкое применение качественной социологии труда.

Монография представляет результаты исследований и опыт их осмысления в ряде важнейших сфер жизни, работы и развития современного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абумуслимова Е.А. Сравнительный анализ охвата больных хроническими неинфекционными социально-значимыми заболеваниями диспансерным наблюдением в Российской Федерации с учетом федеральных округов / Е.А. Абумуслимова, М.Н. Гоголева // Профилактическая медицина-2022: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием – СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2022.
2. Антонова М.А. Подходы к оценке социокультурного потенциала региона / М.А. Антонова // Вопросы территориального развития. 2013. №3. С. 1–10.
3. Антонова Н.В. Самоопределение как механизм развития идентичности / Н.В. Антонова, В.В. Белоусова // Педагогика и психология образования. 2011. №2. С. 87-88.
4. Артемова Е. Станция запасная [Электронный ресурс] / Е. Артемова // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5783973>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
5. Афанасьев К.С. Джентрификация и реиндустриализация в развитии городской территории / К.С. Афанасьев // Вестник ЛГУ им. А.С.Пушкина. Социальная и экономическая география. 2014. Том 6. Выпуск № 2. С. 48–60.
6. Баталина Ю.А. «Открытие» завода [Электронный ресурс] / Ю.А. Баталина // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-4923439.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
7. Баталина Ю.А. Меняется схема финансирования проекта «Станция культуры» [Электронный ресурс] / Ю.А. Баталина // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-7551801.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
8. Баталина Ю.А. Музей «Пермский период» не будет размещаться на Заводе Шпагина [Электронный ресурс] / Ю.А. Баталина // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-7222848.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
9. Баталина Ю.А. Разработчики завершили новую концепцию общественного пространства на территории «Завода Шпагина» [Электронный ресурс] / Ю.А. Баталина // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-7232248.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
10. Баталина Ю.А. Следующая остановка – Станция культуры [Электронный ресурс] / Ю.А. Баталина // Электронное периодическое издание «Но-

вый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-7251012.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

11. Безруков А.В. Методологические подходы к изучению социального самоопределения молодежи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 137–145.

12. Бейлина Н.С. Формирование социальной компетентности будущих бакалавров в деятельности куратора студенческой группы: дис. ... канд. пед. наук / Н.С. Бейлина. Тольятти, 2014. 191 с.

13. Бессокирная Г.П. Идентификация с предприятием: концептуальная модель и инструментарий исследования [Электронный ресурс] / Г.П. Бессокирная, Г.Г. Татарова // Официальный сайт ИС РАН. 2013. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2768>.

14. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – М.: прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

15. Бочаров В.Ю. Социальное партнерство на промышленных предприятиях [Электронный ресурс] / В.Ю. Бочаров, Б.Г. Тукумцев // Петербургская социология сегодня. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-partnerstvo-na-promyshlennyh-predpriyatiyah>.

16. Бригинец И.Н. Развитие лидерских качеств студентов туристского вуза во внеучебной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук / И.Н. Бригинец. М., 2010. 26 с.

17. Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. 2002. Т.3, № 5. С. 60–74.

18. Быстрицкая Е.В. Заболеваемость, инвалидность и смертность от болезней органов дыхания в Российской Федерации (2015–2019) / Е.В. Быстрицкая, Т.Н. Биличенко // Пульмонология. 2021. № 31 (5). С. 551–561.

19. В 2020 и 2021 г. с пандемией COVID-19 были связаны 14,9 миллиона избыточных летальных исходов [Электронный документ] // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/05-05-2022-14.9-million-excess-deaths-were-associated-with-the-covid-19-pandemic-in-2020-and-2021>

20. Васильева А.В. Ментальная экология в структуре пандемии Covid-19 (обзор литературы) / А.В. Васильева, Н.Г. Незнанов, А.Г. Соловьев // Экология человека. 2022. № 7. С. 461–469.

21. Вахштайн В.С.* От лифта к небоскребу: социология, архитектура и техника / В.С. Вахштайн // Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей: Сборник научных статей. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт. 2014. С. 24–32. *Согласно ФЗ от 02.12.2019 № 426-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федера-

ции "О средствах массовой информации" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» внесен Министерством юстиции РФ в Список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента 22.04.2022.

22. Вахштайн В.С.* Социология архитектурного объекта между формальной и практической рациональностью / В.С. Вахштайн // Новое литературное обозрение. 2013. № 3(121). С. 93–110. *Согласно ФЗ от 02.12.2019 № 426-ФЗ "О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» внесен Министерством юстиции РФ в Список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента 22.04.2022.

23. Вильковский М.Б. Социология архитектуры / М.Б. Вильковский // М.: Фонд «Русский авангард». 2010. 592 с.

24. Владимирская А.А. Факторы ожидаемой продолжительности жизни: межстрановой анализ / А.А. Владимирская, М.Г. Колосницына // Вопросы статистики. 2023. Т.30, № 1. С. 70–89.

25. Власова О.В. Угрозы снижения уровня благосостояния населения России / О.В.Власова, А.Ю. Быстрицкая, Е.В.Скрипкина // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 4-1. С. 31–36.

26. Волегов В.С. Восприятие внешних условий профессионального самоопределения обучающимися Пермского края / В.С. Волегов // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: материалы VI Всерос. (с междуна. уч.) науч.-практ. конф. (3–4 декабря 2019 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2019. С. 272–276.

27. Волегов В.С. Связь показателей профессионального самоопределения обучающихся с оценкой социокультурного потенциала территорий / В.С. Волегов // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Пермь, 2021. С. 240–246.

28. Воробьев Г.А. Духовный кризис в России как индикатор динамики энтропийных рисков / Г.А. Воробьев, С.А. Дюжиков, С.В. Шефель / Научная мысль Кавказа. Изд-во Южного федерального университета. 2017. № 3(91). С. 38–42.

29. «Воспоминания. Дневники. Письма. 2019». Материалы сайта МБУ «Архив города Перми» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permarchive.ru/index.php?page=vospominaniya-dnevniki-pisma-2019>, свободный (дата обращения: 07.07.2023)

30. Вступительное слово Генерального директора ВОЗ на пресс-брифинге – 6 апреля 2023 г. [Электронный документ] // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-media-briefing-6-april-2023>
31. Вступительное слово Генерального директора на пресс брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020>
32. Второе послание к Тимофею святого Апостола Павла / Библия. М.: Синодальное издание.
33. Газпромбанк, ГК БТС-МОСТ, Фонд развития и Правительство Пермского края договорились совместно участвовать в реновации территории Завода Шпагина [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Ведомости». URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/04/20/gazprombank-gk-bts-most-fond-razvitiya-i-pravitelstvo-permskogo-kraya-dogovorilis-sovmestno-uchastvovat-v-renovatsii-territorii-zavoda-shpagina, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
34. Герасимова И.А., Ивахнов В.Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации / И.А. Герасимова, В.Ю. Ивахнов // Сервис Plus. 2017. Т.11, №2. С. 66-75.
35. Глава ВОЗ рекомендовал отказаться от курения в условиях пандемии коронавируса. 20 марта 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8040709>
36. Глобальная инициатива «Здоровье и мир». Пятый вариант проекта Дорожной карты. 25 мая 2023 г. [Электронный документ] // Официальный сайт ВОЗ. URL: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/campaigns-and-initiatives/health-and-peace/v5_-_ghpi_roadmap_r.pdf?sfvrsn=29508969_8&download=true
37. Глоссарий терминов по вопросам укрепления здоровья [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВОЗ. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/64546/WHO_HPR_NEP_98.1_rus.pdf?sequence=2&isAllowed=y.
38. Гмызина М.А. Пермский Спасо-Преображенский Кафедральный собор. / М.А. Гмызина, Р.В. Калашникова, А.И. Пестова. Пермь: [б. и.]. 2020. 251 с.
39. Годовой отчет о ходе работы, 2022 г. Анализ поведенческих и культурных факторов в Европейском региональном бюро ВОЗ [Электронный документ] // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/europe/ru/publications/i/item/WHO-EURO-2023-6987-46753-68110>

40. Горенко В.И. Российская система здравоохранения: проблемы и возможности по преодолению пандемии / В.И. Горенко // Вопросы студенческой науки. 2020. № 11 (51). С. 451–455.
41. Горошко Н.В. Избыточная смертность в период пандемии COVID-19: регионы России на фоне страны / Н.В. Горошко, С.В. Пацала // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1 (46). С. 103-116.
42. Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения». Утв. постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2017 года №1640
43. Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения». Утв. постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. №1640 (в редакции, введенном в действие с 1 января 2023 г. постановлением Правительства РФ от 29 ноября 2022 г. №2161)
44. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; пер. с англ. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН. 2003. 752 с.
45. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социс. 1994. № 5. С. 142–147.
46. Движение – жизнь: каждый второй россиянин выражает запрос на повышение физической активности. Результаты опроса [Электронный документ] // Официальный сайт НАФИ. URL: <https://nafir.ru/analytics/dvizhenie-zhizn-kazhduy-vtoroy-rossiyanin-vyrazhaet-zapros-na-povyshenie-fizicheskoy-aktivnosti/>
47. Демографические изменения и предложение рабочей силы в регионах России [Электронный ресурс] // Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала. URL: https://www.hse.ru/data/2022/05/30/1872644620/Human_Capital_NCMU_Digest_10_Demographic..Ssupply_in_Russian_Regions_2022.pdf
48. Демографический ежегодник России. 2021: Стат.сб. / Росстат. – М., 2021. – 256 с.
49. Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. – 352 с.
50. Динамика материального положения. Оценка и прогнозы материального положения россиян в краткосрочной и долгосрочной перспективе [Электронный документ] // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14877>
51. Доклад ООН о народонаселении. В ООН призвали отказаться от политики «коррекции численности населения» [Электронный документ] // Официальный сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/tags/doklad-oon-o-narodonaselenii>

52. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р) (с изм. от 24.12.2021)

53. Естественное движение населения Российской Федерации за 2021 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_2021.xlsx

54. Ефанов А.А. Дискурс социальных медиа: к проблеме интерпретации / А.А. Ефанов, А.А. Осокин // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т.11, №3. С. 509–527.

55. Заболеваемость населения по основным классам болезней [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721>

56. Зайцева Н.В. Качество атмосферного воздуха и показатели риска здоровью как объективные критерии результативности воздухоохранной деятельности на территориях городов-участников Федерального проекта «Чистый воздух» / И.В. Май, Н.В. Зайцева // Анализ риска здоровью. 2023. № 1. С. 4–12.

57. Заключение Общественной палаты Российской Федерации по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 201614-8 «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» [Электронный документ] // Официальный сайт Общественной палаты РФ. URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/zakl-byudzheta-2023.pdf>

58. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» (утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 14 октября 2022 г. № 60К (1585) [Электронный документ]. URL: <https://ach.gov.ru/audit/project-2023>

59. Закон Кемеровской области – Кузбасса от 15 декабря 2022 года № 145-ОЗ «Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». Принят Законодательным Собранием Кемеровской области – Кузбасса 14 декабря 2022 года.

60. Закон Краснодарского края от 23 декабря 2022 года № 4825-КЗ «О бюджете Краснодарского края на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». Принят Законодательным Собранием Краснодарского края 13 декабря 2022 года.

61. Закон Нижегородской области от 20 декабря 2022 года № 197-З «Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». Принят Законодательным Собранием Нижегородской области 15 декабря 2022 г.

62. Закон Новосибирской области от 23 декабря 2022 года № 307-ОЗ «Об областном бюджете Новосибирской области на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов». Принят Законодательным Собранием Новосибирской области 21 декабря 2022 г.
63. Закон Пермского края от 30 ноября 2022 года № 131-ПК «О бюджете Пермского края на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». Принят Законодательным Собранием Пермского края 24 ноября 2022 г.
64. Закон Челябинской области от 27 декабря 2022 года № 727-ЗО «Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»
65. Здоровый образ жизни и как его придерживаться [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja>
66. Зеленые и голубые зоны и психическое здоровье: новые фактические данные и перспективные направления деятельности. Отчет Европейского регионального бюро ВОЗ (Копенгаген) 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/351685>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
67. Зиммель Г. Мост и дверь / Г. Зиммель // Социология власти. 2013. № 3. С. 145–150.
68. Зиммель Г. Флоренция. Венеция / Г. Зиммель // Логос. 2002. №3. С. 1–10.
69. Злотникова Т.С. Placemaking: от глобального движения к локальному опыту / Т.С. Злотникова, А.Д. Макарова // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/placemaking-ot-globalnogo-dvizheniya-k-lokalnomu-opytu>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
70. Зубаревич Н.В. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2022 г.: основные тенденции / Н.В. Зубаревич, Д.Ю. Землянский // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30, № 3. С. 47–55.
71. Иванайская Т.Л. Внеучебная деятельность как фактор профессионального самоопределения студента: дис. ... канд. пед. наук / Т.Л. Иванайская. Оренбург, 2010. 206 с.
72. Иванова М.А. Заболеваемость инфекциями, передаваемыми половым путем, и их профилактика в Российской Федерации и за рубежом / М.А. Иванова, Е.А. Варавикова // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2022. № 3. С. 459–477.
73. Индикаторы образования: 2022: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. 532 с.

74. Использование достижений поведенческих наук в сфере здравоохранения. EB152(23) [Электронный документ] // Официальный сайт ВОЗ. URL: [https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB152/B152\(23\)-ru.pdf](https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB152/B152(23)-ru.pdf)
75. Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Т.2. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake
76. Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Т.8. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv
77. Клейн С.В. Ожидаемая продолжительность жизни в субъектах Российской Федерации с различным уровнем санитарно-эпидемиологического благополучия и образа жизни населения. Резервы управления / С.В. Клейн, Г.Г. Онищенко, Н.В. Зайцева, М.В. Глухих // Анализ риска здоровью. 2022. №4. С. 18–32.
78. Ковид на заказ: москвичка специально заразила семью и умерла. [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Вести.Ру». 2021. URL: <https://www.vesti.ru/article/2629253>.
79. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 6. № 12(83). С. 13–21.
80. Количество (доля) граждан, ведущих здоровый образ жизни (P4) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59457>
81. Корниенко С.В. Ревитализация производственных зон. Поиск системного обновления города [Электронный ресурс] / С.В. Корниенко. URL: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=7309, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
82. Коронавирус меняет повседневные практики россиян. Аналитический обзор. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/koronavirus-menyayet-povse-dnevnyye-praktiki-rossiyan>.
83. Костко Н.А. Модели реализации концепции «креативный город»: анализ европейского опыта / Н.А. Костко // Siberian socium. 2021. Т. 5, вып. 3. С. 52–68.
84. Кураева В.М. Анализ показателей заболеваемости по классу болезней органов дыхания взрослого населения города Москвы и Российской Федерации / В.М. Кураева, С.И. Фейгинова, А.М. Подчернина // Здоровье мегаполиса. 2022. Т. 3, № 1. С. 6–15.

85. Ладыгин В.В. Модель общественного участия в процессе стратегического планирования / В.В. Ладыгин, Д.В. Визгалов. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. При поддержке Агентства США по международному развитию (USAID). URL: <https://urbanecomonomics.ru/node/4109>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
86. Лассан Э. Страх как мотив и мотиватор электронной коммуникации (на материале интернет-текстов 2020) / Э. Лассан, Л. Кравцова // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 745–758.
87. Латур Б. Берлинский ключ, или как делать слова с помощью вещей / Б. Латур // Логос. 2017. № 2 (117). С. 157–170.
88. Латур Б. Об интеробъективности / Б. Латур, В. Вахштайн, А. Смирнов // Социологическое обозрение. 2007. С. 79–96.
89. Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах / В.Г. Ледяев. М.: НИУВШЭ, 2012. 291 с.
90. Логан Д. Город как механизм (машина) развития [Электронный ресурс] / Д. Логан, Х. Молотч; пер. В. Вагина, 2009. URL: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/x-city-as-growth-machine.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
91. Лушникова О.Л. Роль социокультурного капитала в условиях глобализации / О.Л. Лушникова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2016. Т.11, №4 (158). С. 76–81.
92. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Издательский дом «Классика-XXI». 2011. 399 с.
93. Май И.В. Показатели риска и вреда здоровью населения в системе новых механизмов мониторинга и управления качеством воздуха / И.В. Май, Н.В. Зайцева // Здоровье населения и среда обитания. 2022. Т.3, №10. С. 7–15.
94. Максименко О. Дмитрию Чернышенко представили концепцию развития «Станции культуры завода Шпагина» / О. Максименко // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-7298957.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
95. Макроэкономический опрос Банка России. Результаты опроса: июнь 2023 г. [Электронный документ] // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/
96. Макушева М.О. «Конфликт и солидарность». Как конфликт России и Украины проецируется на общественное мнение россиян / М.О. Макушева // СоциоДиггер. 2022. Июль. Т. 3, вып. 7(19): Радикализация. Поляризация мнений и разрыв в коммуникации.

97. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия / Р.К. Мертон // Социология власти. 2010. № 4. С. 212–223.
98. Методические рекомендации по организации и проведению оценки механизмов управления качеством образования в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральный институт оценки качества образования. URL: <https://fioco.ru/RUM2021>
99. Морев М.В. Социальные процессы: классическая теория и современная актуальность / М.В. Морев, В.С. Каминский // Вопросы территориального развития. 2016. № 3 (33). С. 1–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-protsessy-klassicheskaya-teoriya-i-sovremennaya-aktualnost>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
100. Морозова Т.И. Самоорганизация молодежи как форма социокультурной рефлексии (региональный аспект) / Т.И. Морозова // Научные ведомости. 2008. № 8 (48). С. 190–196.
101. Накашидзе Д.Д. Молодежь как особая социально-возрастная группа в современном обществе [Электронный ресурс] // Science Time. 2016. № 8 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kak-osobaya-sotsialno-vozzrastnaya-gruppa-v-sovremennom-obschestve>
102. Настроение окружающих. Опрос «ФОМнибус» 2-4 июня 2023 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d22no2023.pdf>
103. Нестерова Д.В. Инвестиции в образование как фактор экономического роста / Д.В. Нестерова // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. 2004. Вып.1. С. 61-70.
104. Никишина В.Б. Методика исследования личностной идентичности: методология и технология стандартизации / В.Б. Никишина, Е.А. Петраш // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 6 (177), вып. 21. С. 254–261.
105. О свободе совести и о религиозных объединениях. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 29.12.2022). М.: из-во Закон.
106. Об итогах работы Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2022 году и задачах на 2023 год [Электронный документ] // URL: <http://medinvestclub.ru/wp-content/uploads/2023/04/%D0%9E%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%85-%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D1%8B.pdf>
107. Об отмене Генеральным директором Всемирной организации здравоохранения статуса пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1867841/.

108. Об употреблении табака в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. 27 мая 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Роспотребнадзора. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14549&spphrase_id=4848390
109. Об утверждении методики расчета показателя «Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни (процент)» [Электронный ресурс] // Приказ Росстата № 181 от 29.03.2019. URL: <https://www.gks.ru/metod/naz-proekt/met020001.pdf>
110. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/>
111. Официальный сайт проекта «Новая Голландия: культурная урбанизация». URL: <https://www.newhollandsp.ru/>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
112. Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношения / пер. к. ф. н. Н.Л. Поляковой // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 94–122.
113. Паспорт Федерального проекта «Чистый воздух» (приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Экология» от 21 декабря 2018 г. № 3).
114. Патриотизм и патриоты [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14733>.
115. Перечень мер в связи с коронавирусом (COVID-19) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348585/
116. «Пермяки одобряют перенос галереи: итоги социологического исследования» [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-335362.html>, свободный. (дата обращения 10.09.2022)
117. Петухов Р.В. Гений места: опыт эмпирического исследования / Р.В. Петухов, О.В. Судомоина, Г.А. Лапин, А.А. Тutyнин, Г.И. Яковлев // Городские исследования: теория и практика: монография = Urban Research: Theory and Practice. М.: Издательство «Проспект», 2020. С. 267–283.
118. Пеша А.В. Атмосфера доверия как составляющая корпоративной культуры и ее влияние на организационную эффективность [Электронный ресурс] / А.В. Пеша // Интернет-журнал «Наукoведение». 2017. Т. 9, № 2. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/100EVN217.pdf>.

119. Планы на будущее [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483>.
120. Плешкевич И.Б. Типология участия граждан в развитии городского пространства / И.Б. Плешкевич // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4, вып. 1. С. 43–50.
121. Послание к Филиппийцам святого Апостола Павла/ Библия. М.: Синодальное издание.
122. Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. [Электронный документ] // Официальный сайт Администрации Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>
123. Постановление Администрации г. Перми от 28 октября 2014 г. № 782 «Об утверждении Комплексного плана развития системы особо охраняемых природных территорий местного значения города Перми».
124. Предварительные итоги социально-экономического развития Пермского края за истекший период 2020 года и ожидаемые итоги социально-экономического развития Пермского края за 2020 год [Электронный ресурс] // Законодательное собрание Пермского края. URL: <https://zakon.zsperm.ru/data/docs/298894.pdf>
125. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» п. 32.3. [Электронный ресурс] // Гарант. Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/>
126. Программа XIII Международной Грушинской социологической конференции «Переустройство мира: исследования (в) новой реальности» [Электронный документ] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://conf.wciom.ru/program2023/>
127. Проектирование общественных пространств: метод плейсмейкинга. [Электронный ресурс]. URL: <https://strelka.com/ru/events/event/2018/08/04/place-making-how-to-create-a-public-space>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)
128. Прощай, COVID-19? Два года пандемии, адаптация и смена повестки. Аналитический обзор. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proshchai-covid-19-dva-goda-pandemii-adaptacija-i-smena-povestki>
129. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект / Т.Б. Радбиль // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 759–774.
130. Распоряжение от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на пери-

од до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420237592>

131. Распоряжение Правительства Пермского края от 18 сентября 2019 г. № 198-рп «Об утверждении концепции развития социокультурного пространства «Завод Шпагина».

132. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2021. 766 с.

133. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 1122 с.

134. Реновация пространства «Завод Шпагина» может обойтись в 15 млрд. рублей. [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Новый компаньон». URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-7220014.html>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023).

135. Речка Уинка. История. Материалы сайта Речка Уинка – Сад соловьев [Электронный ресурс]. URL: <https://уинка.рф/history>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

136. Решение Пермской городской Думы от 17 декабря 2010 г. № 205 «Об утверждении Генерального плана города Перми».

137. Решение Пермской городской Думы от 24 февраля 2009 г. № 29 «О внесении изменений в решение Пермской городской Думы от 26.06.2007 №143 "Об утверждении Правил землепользования и застройки города Перми"», п. 3.15.

138. Римашевская Н.М. Здоровье российского населения в условиях социально-экономической модернизации / Н.М. Римашевская, Н.Е. Русанова // Народонаселение. 2015. № 4 (70). С. 33–42.

139. Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 691 с.

140. Савина А.А. Тенденции показателей заболеваемости болезнями эндокринной системы взрослого населения Российской Федерации / А.А. Савина // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2021. Т. 67, № 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1285/30/lang,ru/>

141. Салагай О.О. Пандемия COVID-19 и потребление табачной и никотинсодержащей продукции: обзор литературы / О.О. Салагай, Г.М. Сахарова, Н.С. Антонов, Н.М. Стадник // Общественное здоровье. 2022. Т. 2, № 2. С. 29–39.

142. Самарина И.С. Особенности формирования культурного капитала студенческой молодежи / И.С. Самарина // Вестник Поволжского института управления. 2009. № 2(19) С. 147–153.

143. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. Москва: Изд-во Политической литературы, 1990.

144. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2021/22 учебного года [Электронный ресурс] // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu/

145. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2022/23 учебного года [Электронный ресурс] // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/70ecc3b178e0b8397d234697c42e0ad8/>

146. Семенякина Е.М. Влияние смартфонов на зрение студентов / Е.М. Семенякина, М.И. Фролов, Р.В. Шарапова // Инновационный потенциал молодежи: спорт, культура, образование. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022.

147. Семья и дети в России. 2021: – М.: «Перо», 2022. – 120 с.

148. Скипин Д.Л. Ожидаемая продолжительность жизни в регионах России / Д.Л. Скипин, Ю.А. Юхтанова, О.А. Крыжановский, Е.Г. Токмакова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 156–171.

149. Соколовская Т.А. Приоритеты ценности здоровья у населения и влияние на них пандемии COVID-19 / Т.А. Соколовская, О.В. Армашевская, Е.В. Бахадова [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2021. Т. 67, № 3. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1272/30/lang,ru/>. DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-3-10.

150. Состоялось расширенное заседание коллегии Минздрава России. 24 апреля 2023 г. [Электронный документ] // Официальный сайт Минздрава РФ. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2023/04/24/20105-sostoyalos-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-minzdrava-rossii>

151. Социально-экономическое положение России. 2022 г. [Электронный документ] // Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>

152. Средние баллы ЕГЭ 2021 [Электронный ресурс] // Региональная система оценки качества образования края. URL: <https://kraioko.perm.ru/download/ege/2021/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20>

%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D1%8B%20%D0%95%D0%93%D0%A
D%202021.pdf

153. Статистический ежегодник Пермского края. 2022: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2022. 349 с.

154. Степанищенко О.В. Исследование молодежи как особой социальной группы в социально-гуманитарных науках / О.В. Степанищенко // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 73. С. 587–600.

155. Тихомирова О.Г. Организационная культура: формирование, развитие и оценка / О.Г. Тихомирова. СПб: СПб ГУ ИТМО, 2008. 156 с.

156. Третьякова Е.В. Перми раскопали старинную дорогу, по которой шел на каторгу Федор Достоевский [Электронный ресурс] / Е.В. Третьякова // Электронное периодическое издание «Комсомольская правда» URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/27370/4562396/>, свободный. (дата обращения: 07.07.2023).

157. Удовлетворенность жизнью и настроения [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14422>.

158. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»

159. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

160. Улумбекова Г.Э. Финансирование здравоохранения для достижения ожидаемой продолжительности жизни в России 78 лет к 2030 году / Г.Э. Улумбекова, А.Б. Гинойн // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 1. С. 129–140.

161. Устинов А.Л. Человек в условиях мировых пандемий: историко-психологический обзор / А.Л. Устинов, Е.С. Набойченко, С.В. Чупракова [Электронный ресурс] // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2021. Т. 9, № 1(32). URL: <http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=465>.

162. Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»

163. Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»

164. Ценности в кризис: социология коронавируса. Научный дайджест № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2021/10/05/1460516987/Human_Capital_NCMU_Digest_2_Values_In_Crisis_2021.pdf

165. Ценности молодежи [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>.
166. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>
167. Шилова А.А. Знания и квалификации в качестве предпосылки к созданию инноваций / А.А. Шилова, Я.А. Якименко // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2022. № 1(6). С. 161–167.
168. Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия / С.С. Шугальский // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.
169. Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира / перевод Портнов А.Н. // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, вып. 1(2). С. 72–87.
170. Щербак С.Г. Факторы риска тяжелого течения и летального исхода COVID-19 / С.Г. Щербак, Т.А. Камилова, А.С. Голота, Д.А. Вологжанин // Физическая и реабилитационная медицина, медицинская реабилитация. 2022. Т. 4, № 1. С. 14–36.
171. Щербакова Е.М. Предварительные демографические итоги 2022 года в России (часть I) / Е.М. Щербакова // Демоскоп Weekly. 2023. № 979–980. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0979/barom01.php>
172. Юмагузин В.В. Смертность от внешних причин: дисс...канд. социол. наук: 22.00.03 / В.В. Юмагузин, Москва, 2013.
173. Ярская-Смирнова Е.Р. Анализ городских сообществ [Электронный ресурс] / Е.Р. Ярская-Смирнова. URL: <https://www.hse.ru/data/2011/04/07/1211724626/LectureYarskGorod.pdf>, свободный. (дата обращения: 15.06.2023)
174. 1-я конференция ВОЗ по инфодемологии [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/events/detail/2020/06/30/default-calendar/1st-who-infodemiology-conference>.
175. Bijlsma K. Introduction: trust within organizations / K. Bijlsma, P. Koopman // Personnel Review Journal. 2003. Vol. 32. No. 5. Pp. 543–555.
176. Davis J.H. et al. The trusted general manager and business unit performance: Empirical evidence of a competitive advantage / J.H. Davis, F.D. Schoorman, R.C. Mayer, H.H. Tan // Strategic Management Journal. 2000. Vol. 21. Pp. 563–576. doi: 10.1002/(SICI)1097-0266(200005)21:5<563::AID-SMJ99>3.0.CO;2-0.
177. Deci E.L. Motivation, Personality, and Development Within Embedded Social Contexts: An Overview of Self-Determination Theory / E.L. Deci, R.M. Ryan. The Oxford Handbook of Human Motivation. 2012. Pp. 85–107.
178. Deci E.L. Self-Determination Theory / E.L. Deci, R.M. Ryan // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2015. Vol. 21. Pp. 486–491.

179. Dirks K.T. Trust in leadership and team performance: Evidence from NCAA Basketball / K.T. Dirks // *Journal of Applied Psychology*. 2000. Vol. 85. No. 6. Pp. 1004–1012.
180. Eisenstadt S.N. *From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure* / S.N. Eisenstadt. N.Y.: The Free Press; London. 1966. Pp. 269–324.
181. Haileamlak A. The impact of COVID-19 on health and health systems / A. Haileamlak // *Ethiopian Journal of Health Sciences*. 2021. Nov; 31(6). Pp. 1073–1074. doi: 10.4314/ejhs.v31i6.1.
182. Kiffin-Petersen S. Trust, individualism, and job characteristics as predictors of employee preference for teamwork / S. Kiffin-Petersen, J. Cordery // *The International Journal of Human Resource Management*. 2003. Vol. 14. No. 1. Pp. 93–116. doi:10.1080/09585190210158538.
183. Life expectancy at birth, total (years) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирного банка. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?end=2019&most_recent_value_desc=true&start=2017
184. Link B. Social Conditions as Fundamental Causes of Disease / B. Link, J. Phelan // *Journal of Health and Social Behavior*. 1995. Vol. 35. Pp. 80–94.
185. Marteau T.M. Changing behaviour: an essential component of tackling health inequalities / T.M. Marteau, H. Rutter, M. Marmot // *BMJ*. 2021. Vol. 372. doi: 10.1136/bmj.n332
186. Moran R.T. et al. Leadership in changing organizational culture. *Managing Cultural Differences: Global Leadership Strategies for the 21st Century* / R.T. Moran, P.R. Harris, S.V. Moran; 7th edition. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2007. 698 p.
187. Quadri M.F.A. et al. Factors associated with an increase in alcohol consumption and tobacco use during the COVID-19 pandemic: A cross-sectional study of data from 105 countries // M.F.A. Quadri, J. Lusher, M.O. Folayan et al. // *Tobacco Induced Diseases*. 2023. No. 21. doi: 10.18332/tid/157205.
188. Savolainen T. et al. Trust development in workplace relations during change: A multi-level analysis of narratives from leaders and followers / T. Savolainen, E. Ivakko, M. Ikonen // *Proceedings of the 5th International Conference on Management, Leadership and Governance, ICMLG 2017*, Wits Business School, University of Witwatersrand Johannesburg, South Africa, 16–17 March. Zanele, N. Mokoteli, T. (Eds.). Reading: Academic Conferences and Publishing International Limited (ACPI Ltd.), 2017. Pp. 393–400.
189. Schäfer A.A. et al. Alcohol Consumption and Smoking During Covid-19 Pandemic: Association with Sociodemographic, Behavioral, and Mental Health Characteristics / A.A. Schäfer, L.P. Santos, M.R. Quadra, S.C. Dumith, F.O. Meller //

Journal of Community Health. 2022. No. 47(4). Pp. 588–597. doi:10.1007/s10900-022-01085-5.

190. Shearmur R. Placemaking: What is it and why is it necessary? [Электронный ресурс] / R.Shearmur. URL: https://www.researchgate.net/publication/325323533_Placemaking_what_is_it_and_why_it_is_necessary, свободный. (дата обращения: 07.07.2023)

191. Tremblay M. et al. The role of HRM practices, procedural justice, organizational support and trust in organizational commitment and in-role and extra-role performance / M. Tremblay, J. Cloutier, G. Simard, D. Chênevert, C. Vandenberghe, // The International Journal of Human Resource Management. 2010. Vol. 21. Pp. 405–433. doi: 10.1080/09585190903549056.

192. Tschannen-Moran M. A multidisciplinary analysis of the nature, meaning, and measurement of trust / M. Tschannen-Moran, W.K. Hoy // Review of Educational Research. 2000. Vol. 70. Pp. 547–93. doi: 10.3102/00346543070004547.

193. Zand D.E. Trust and Managerial Problem Solving / D.E. Zand // Administrative Science Quarterly. 1972. Vol. 17. No. 2. Pp. 229–239. doi: 10.2307/2393957.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глава 1	Гордеева Светлана Сергеевна	к. соц. н., доц., доцент кафедры социологии ПГНИУ
	Лебедева-Несевря Наталья Александровна	д. соц. н., доц., профессор кафедры социологии ПГНИУ
	Хачатрян Людмила Александровна	к. ист. н., доц., доцент кафедры социологии ПГНИУ
Глава 2	Барг Анастасия Олеговна	к. соц. н., доцент кафедры социологии ПГНИУ
	Сомхишвили Кристина Отариевна	ст. преподаватель кафедры социологии ПГНИУ
	Сирковская Татьяна Владимировна	социолог Центра социологических исследований ПГНИУ
Глава 3	Соловьев Семен Сергеевич	ст. преподаватель кафедры социологии ПГНИУ
	Безруков Антон Витальевич	к. соц. н., ст. преподаватель кафедры социологии ПГНИУ
	Волегов Владимир Сергеевич	к. соц. н., доцент кафедры социологии ПГНИУ
Глава 4	Сироткин Павел Федорович	к. соц. н., доцент кафедры социологии ПГНИУ
	Воронова Ксения Андреевна	к. соц. н., доцент кафедры социологии ПГНИУ
	Гимранова Гузель Айдаровна	выпускник магистратуры по профилю «Социология управления»
	Кетов Иван Владимирович	лаборант кафедры социологии ПГНИУ
Глава 5	Прокофьева Алена Викторовна	ст. преподаватель кафедры социологии ПГНИУ
	Шляпина Анастасия Сергеевна	ассистент кафедры социологии ПГНИУ
	Плотникова Елена Борисовна	к. ист. н., доц., зав. кафедрой социологии ПГНИУ
	Кузнецов Александр Евгеньевич	к. соц. н., доцент кафедры социологии ПГНИУ
	Маркова Юлия Сергеевна	к. соц. н., доцент кафедры социологии ПГНИУ

Научное издание

**Человеческий потенциал в современном обществе:
состояние, перспективы развития**

Монография

Издается в авторской редакции
Компьютерная вёрстка: *С. С. Гордеева*

Объем данных 3,5 Мб
Подписано к использованию 27.11.2023

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15